

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2013

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 292-84-82
Ответ. секретарь – 292-15-64
E-mail: anrt@rambler.ru
(для редакции «НТ»)

Редактор *В.П. Лашенцова*
Технический редактор
В.Н. Галкина
Переводчик *Д.К. Вахитова*
Компьютерная верстка
В.В. Калинин

Подписано в печать 25.09.2013.

Формат 70x108 ¹/₁₆.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.

Тираж 500 экз.

Заказ 09-13/03-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а

Тел.: (843) 231-05-61, 231-08-71

Факс (843) 231-05-46

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2013

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2013

- 7 **Ибрагимов Г.И.** Г. В. Мухаметзянова и ее вклад в развитие педагоги профессионального образования

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ

- 13 **Зарипов И.А.** Закир Аюханов и проблемы захиритской методологии в татарском богословии начала XX века
- 20 **Салахов А.М.** «Сорок хадисов» ал-‘Аджлуни

ИСТОРИЯ

- 26 **Есипова М.В.** История и география распространения древнетюркского термина «*кобуз*» («музыкальный инструмент»)
- 36 **Кабирова А.Ш.** Проблема изучения тыла периода Великой Отечественной войны: рыночная торговля в г. Казани в 1941–1945 гг.
- 46 **Мухаметшин Р.М., Мухаммадеев А.Р.** История развития мусульманского права среди волжских болгар
- 53 **Роднов М.И.** В поисках татарской истории
- 60 **Смирнов Г.Д.** Особенности модернизации предприятий ВПК 1945–1955 гг. (На примере Зеленодольского судостроительного завода им. Горького)
- 67 **Хамидуллин Б.Л., Мухаммадеев А.Р.** Торговые отношения Волжской Болгарии мусульманского периода
- 74 **Хасавнех А.А.** Марсия на кончину шейха Мухаммад-Закира Камалова

ФИЛОЛОГИЯ

- 85 **Ахметова А.И.** «Хосров и Ширин» Кутба в татарской литературной медиевистике
- 89 **Багаутдинов Ф.Н.** Амина Мухитдинова – жизнь и судьба
- 106 **Валиева Л.Г.** Кондициональность в татарском языке в сравнении с другими тюркскими языками
- 110 **Загидуллина Д.Ф.** Имажинизм в татарской поэзии 1920-х гг.: творчество К.Наджми
- 117 **Зайнеева Г.Н.** Современники Галимджана Ибрагимова о романе «Дочь степи» (из периодической печати XX века)

120 **Ибрагимова Л.Г.** «Чайки» Ш.Камала: к вопросу о специфике художественного метода

128 **Хамидуллин Л.Х.** Амирхан Еники

143 **Юзмухаметова Л.Н.** Приемы соц-арта в творчестве З. Хакима

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

150 **Гадельшина Л.И.** Конституционно-правовая природа компетенции органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере финансового обеспечения делегированных полномочий субъекта Российской Федерации

156 **Демидова Е.В.** Исследования семьи: исторические и юридические аспекты

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

162 **Мустафина Д.А.** О книге «Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов»

170 **Файзулхак Ислаев.** Батырша

172 **Мухаммадеев А.Р., Хамидуллин Б.Л.** Обычаи и право Волжской Булгарии

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

174

- 7 **Ibragimov G.I.** G.V. Mukhametzyanova and her contribution to the pedagogy of vocational education

ISLAMIC STUDIES

- 13 **Zaripov I.A.** Zakir Ayukhanov and problems of the zahiri school's methodology in Tatar theology of the early twentieth century

- 20 **Salakhov A.M.** «Forty Hadith» al-'Ajloun

HISTORY

- 26 **Esipova M.V.** History and geography of the ancient Turkic term «kobuz» («musical instrument»)

- 36 **Kabirova A. Sh.** The problem of studying the home front during World War II: the market trade in the city of Kazan in 1941-1945.

- 46 **Mukhametshin R.M., Mukhamadeev A.R.** The history of the development of Islamic law among the Volga Bulgars

- 53 **Rodnov M.I.** In search of Tatar history

- 60 **Smirnov G.D.** Features of modernization of military enterprises of 1945-1955. (On the example of Zelenodolsky Shipyard named after Gorky)

- 67 **Khamidullin B.L., Mukhamadeev A.R.** Trade relations of Volga Bulgaria in the Muslim period

- 74 **Khasavnekh A.A.** Marsiyah on the death of the Sheikh Muhammad-Zakir Kamalov

PHILOLOGY

- 85 **Akhmetova A.I.** Qutb's «Khosrov and Shirin» in Tatar literary medieval studies

- 89 **Bagautdinov F.N.** Amina Mukhitdinova – life and fate

- 106 **Valieva L.G.** Conditionality in the Tatar language in comparison with other Turkic languages

- 110 **Zagidullina D.F.** Imagism in Tatar poetry of the 1920s: Creativity of K. Nadzhmi

- 117 **Zaineeva G.N.** Contemporaries of Galimdzhan Ibragimov on the novel «The Daughter of the steppe» (from periodicals of the XX century)

120 **Ibragimova L.G.** «The Seagull» by Sh.Kamal: the question of the specificity of artistic method

128 **Khamidullin L.Kh.** Amirkhan Eniki

143 **Yuzmukhametova L.N.** Social art approaches in the creative work of Z. Khakim

JURISPRUDENCE

150 **Gadelshina L.I.** Constitutional-legal nature of the competence of public authorities of the subject of the Russian Federation in the sphere of financial provision of delegated state powers of the region of the Russian Federation

156 **Demidova E.V.** Investigations of family: historical and juridical aspects

NEW BOOKS. REVIEWS

162 **Mustafina D.A.** About the book «Scribal book to local Tatar lands of the Alatirsky county of 1624–1626»

170 **Fayzulkhak Islaev.** Batyrsha

172 **Mukhamadeev A.R., Khamidullin B.L.** Customs and law of the Volga Bulgaria

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

174

Г.В. МУХАМЕТЗЯНОВА И ЕЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Г.И. Ибрагимов, доктор педагогических наук,
профессор, член-корреспондент РАО*

О Гузель Валеевне Мухаметзяновой, выдающемся ученом и организаторе науки и образования, докторе педагогических наук, профессоре, заслуженном деятеле науки РФ, академике Российской академии образования, уже сказано и написано очень много, ее знает вся педагогическая Россия и все «образованцы» (работники образования) в Татарстане и России, Германии и Китае, Израиле и Великобритании и много где еще. И это закономерно, ибо Гузель Валеевна к своему нынешнему юбилею сделала столько в науке и образовании, что по силам лишь избранным, о которых в народе говорят, что «они помечены богом».

Позволю себе кратко остановиться на вкладе Гузель Валеевны в педагогику профессионального образования, главным образом характеризуя период ее работы в стенах ИПП ПО РАО. Как известно, Г.В. была назначена директором института в 1992 г., сменив на этом посту такого гиганта мысли, крупнейшего ученого-педагога, как академик РАО и АН РТ М.И. Махмутов. Следует сказать, что время прихода Г.В. Мухаметзяновой к руководству институтом было очень сложным и в то же время весьма интересным с точки зрения научного творчества. Сложность состояла в том, что это был период распада советского государства, радикальной ломки политического и экономического уклада жизни общества, всех его институтов

и каждого человека в отдельности. Это было время, когда имела место ситуация отсутствия финансирования института почти в течение года, когда стоял вопрос о его выживании. И в этих условиях Гузель Валеевне не только удалось сохранить институт, но и придать ему импульс для развития.

Интересным же это время было потому, что появились возможности для созидания нового, ибо исчезли многие запреты и, в частности, стало возможным создание новых образовательных структур негосударственного типа. И Гузель Валеевна была в числе первых,

увидевших в этом не только образовательные перспективы, но и возможность придать импульс развитию научно-исследовательского института.

В 1993 г. ею был создан Казанский социально-юридический институт (ныне – Академия социального образования). Впервые в России Гузель Валеевна организовала уникальный научно-образовательный комплекс: Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО – Академия социального образования, в котором осуществляется подготовка специалистов с высшим образованием, научных кадров по педагогическим и психологическим наукам. В структуру комплекса входят лаборатории, кафедры, филиалы и представительства, расположенные в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, городах Республики Татарстан. Научно-образовательный комплекс стал экспериментальной площадкой РАО.

Об уникальном потенциале Гузель Валеевны говорит такой важный штрих: уже через три года после назначения директором она была избрана действительным членом РАО. За три года она прошла путь, на который у иных членов академии, также будучи директорами академических НИИ, уходило гораздо больше времени.

Сегодня уже все привыкли к тому, что в Казани есть академик РАО Г.В. Мухаметзянова, но в середине 90-х гг. прошлого века ее выбор в члены РАО был крупным явлением для республики – ведь она стала первой в истории Татарстана женщиной, избранной в члены РАО и на сегодня она является единственной. Попутно замечу еще одну уникальную победу Гузель Валеевны, связанную уже с семьей. И сын, и дочь Гузель Валеевны работают в РАО. Более того, она воспитала Фариду Шамильевну, которая, будучи избранной в члены-кор-

респонденты РАО, сегодня успешно и преемственно руководит нашим институтом.

Думая над данным материалом, я пришел к мысли о том, что ученых (по крайней мере в профессиональной педагогике) можно, в определенной мере условно, по признаку «широта и глубина охвата исследовательских проблем» распределить в три группы.

Первая группа исследователей – это те, чье имя связано с созданием той или иной науки или отрасли науки. Их единицы, это великие ученые. В профессиональной педагогике сюда можно отнести, пожалуй, одного – академика РАО С.Я. Батышева, который основал и тщательно разработал новую отрасль педагогики – производственную педагогику.

Вторая группа – это исследователи, которые долгое время разрабатывают одну крупную проблему, их имя, как правило, бывает связано с тем или иным понятием, принципом, подходом, теорией или концепцией и т.п. Например, когда говорят о М.И. Махмутове, имеют в виду, прежде всего, его теорию проблемного обучения; о Ю.К. Бабанском – теорию оптимизации обучения; о П.Р. Атутове – теорию политехнического обучения; о В.С. Ледневе – теорию содержания образования и т.д.

Третья группа ученых – это те, чье имя связано не с одним понятием, принципом и т.д., а с целым комплексом научных знаний. Они вносят значительный вклад в развитие различных направлений педагогики, ее отраслей. Они ученые-энциклопедисты. К этой группе мы бы отнесли таких ученых, как А.М. Новиков, Б.С. Гершунский и др. Сюда же относится и Г.В. Мухаметзянова. Их отличают широта мышления, прогностичность, умение видеть как противоречия, так и перспективные направления развития науки.

Имя Гузель Валеевны, безусловно, относится к числу выдающихся личностей, внесших значительный вклад в развитие отечественной системы среднего профессионального образования. Ее усилиями заложены научные основы развития и модернизации системы СПО. В этом контексте можно сказать, что она внесла вклад в развитие целого ряда направлений общей и профессиональной педагогики, в числе которых: методологические основы и стратегии реформирования среднего профессионального образования; гуманизация и гуманитаризация профессионального образования; научно-педагогические основы социальной работы (социальная педагогика) и подготовки специалистов в области социальной работы; научно-педагогические основы регионализации профессионального образования; инновационные процессы в системе профессионального образования; проектирование образовательных стандартов; проблемы качества профессионального образования; исследования в области управления системой подготовки специалистов среднего звена и ряд других.

Надо сказать, что благодаря ее умению видеть перспективы развития науки, исследования института всегда носили опережающий характер и создавали тем самым научную базу для реформирования и модернизации системы среднего профессионального образования. Более того, исследования института являются новаторскими и с точки зрения развития науки. Гузель Валеевна в этом плане успешно развивает те традиции, которые были заложены еще М.И. Махмутовым. Так, например, ею впервые были предложены и обоснованы методологические подходы, которые сегодня являются общепризнанными. В их числе такие, как интегративный (в контексте интеграции науки, про-

фессионального образования и производства), полипарадигмальный, кластерный, проектно-целевой и другие.

Отдавая должное теоретическим и методологическим основам профессиональной педагогики, Гузель Валеевна не устает утверждать, что педагогика – наука практикоориентированная. Ее огромный вклад в развитие практики профессионального образования выражается в том, что исследования института всегда были (и сейчас это имеет место быть) направлены на нужды учебных заведений, потребности развития системы профессионального образования. Если говорить о системе СПО, следует отметить, что благодаря активной государственной позиции Гузель Валеевны институт принимал самое непосредственное участие в научном обосновании и научно-методическом обеспечении крупных проектов, направленных на реформирование среднего профессионального образования в России. Достаточно сказать, что еще в конце прошлого века в наших исследованиях была обоснована идея о том, что в системе среднего профессионального образования должна быть сконцентрирована подготовка рабочих и специалистов среднего звена. На уровне Республики Татарстан силами института был разработан проект Концепции развития СПО в РТ, программы развития начального и среднего профессионального образования в РТ. Коллективом ученых института был издан по сути первый в России учебник по педагогике среднего профессионального образования. Апофеозом признания роли Гузель Валеевны и института в развитии практики СПО можно признать 2005 г., когда коллектив института во главе с нею и под ее научным руководством (в составе 10 человек) был удостоен Премии Правительства РФ в области образования за 2005 г. за разработку

научно-методического обеспечения среднего профессионального образования. Позже еще двое сотрудников института были удостоены этой награды. Таким образом, 12 сотрудников института были удостоены этой награды. Такого института в стенах РАО на сегодня нет.

Вклад Гузель Валеевны в практику развития профессионального образования выражается и в том, что ею подготовлено большое количество практиков-исследователей, докторов и кандидатов педагогических наук из числа руководителей и преподавателей техникумов и колледжей. Достаточно сказать, что в их числе такие известные в стране люди, как президент Союза директоров ССУЗ РФ д.п.н. В.М. Демин, директор Национальной обсерватории профессионального образования д.п.н., профессор О.Н. Олейникова, директор негосударственной школы в г. Москве д.п.н. В.Н. Смирнов, бывший главнокомандующий ВДВ России д.п.н. Г.И. Шпак и другие. Гузель Валеевна создала мощную научную школу (от Москвы до «самых до окраин»). Около 100 прямых и гораздо больше «не прямых» учеников, в том числе свыше 30 подготовленных докторов наук и около 70 кандидатов наук. «Жизнь в учениках – это жизнь с продолжением».

Понимая, что эффективное развитие науки невозможно без наличия такого механизма, как диссертационный совет, Гузель Валеевна уделяет огромное внимание его работе и поддержанию высокого качества диссертаций, аспирантуре и докторантуре. В диссертационном совете при Институте педагогики и психологии профессионального образования защищали свои диссертации такие известные ученые, как М.Н. Берулава, Б.С. Гершунский, В.С. Леднев, А.М. Новиков, М.И. Рожков, И.А. Халиуллин, Н.К. Чапаев и другие. В этой же связи

надо сказать, что в течение более чем десяти лет Гузель Валеевна является членом экспертного совета ВАК, куда попадают избранные специалисты.

Можно и дальше перечислять достижения Гузель Валеевны, но мне представляется, что гораздо важнее ответить на вопрос – как это ей удалось, как она смогла достичь этих высот? За счет чего? Благодаря каким свойствам и качествам? Естественно, что найти ответы на эти вопросы не просто, и вряд ли это можно сделать однозначно. Но для нас и для молодежи важно попытаться выделить те факторы, которые являются, на мой взгляд, той базой, которая лежит в основе ее успехов. Я бы эти факторы связал с воспитанием в семье и воспитанием в науке. Выделяя эти факторы, я, естественно, использовал такой метод научного исследования, как изучение документов. В качестве такого документа выступили высказывания самой Гузель Валеевны, мои беседы с ней на протяжении многих лет, ее оценки своего жизненного пути, описанные в книге «Жизнь в науке».

Если говорить о семье, то главное – заложенные в семье трудолюбие, ответственное отношение к выполняемому делу, стремление выполнять задуманное на высоком уровне. Гузель Валеевна как на непреложную истину опирается на то, что не раз говорил в семье ее отец: «Если человек умеет трудиться, то ему не страшны никакие перемены в жизни. Он устоит». Ежедневная кропотливая работа, ежедневное чтение огромной массы научной литературы, организация и участие в разного рода научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах и т.п. Она работает на износ и такого же требует от сотрудников. И имеет на это моральное право.

Другая черта, заложенная в семье, – любовь к книге. Она нередко

говорила нам, сотрудникам, и писала о том, что в их доме книги занимали главное место – все стены с пола до потолка занимали книжные полки. Гузель Валеевна часто цитирует свою маму, которая говорила: «Самое большое богатство – это книги». Отсюда ее любовь к книге, глубокое знание мировой литературы. Она может наизусть читать произведения наших и зарубежных классиков. Она блестяще ориентируется и в современной литературе.

Желание и умение работать с людьми, интерес к людям, высочайшее умение общаться с людьми – это тоже в немалой степени сформировано в семье, в доме, который, как говорит Гузель Валеевна, всегда был полон гостей. «Люблю коллекционировать хороших людей!» – часто повторяет она. Она никогда не жалеет времени на общение с людьми и умеет глубоко видеть их. С неинтересным ей человеком Гузель Валеевна не будет второй раз беседовать. Вот некоторые, ставшие крылатыми, ее фразы: «Жизнь человека измеряется не годами, а людьми, с которыми мы общаемся»; «Я люблю тех, с кем работаю»; «Торопитесь делать людям добро»; «Не играйте в одни ворота» и др.

Если говорить о воспитании в науке, то ясно, что Гузель Валеевна прошла блестящую школу научного формирования. С каким теплом, любовью, трепетом и восторгом она говорит о своем главном учителе в науке – профессоре Любинском Исааке Львовиче, с которым и под крылом которого она выросла как ученый. Больше того, превзошла своего учителя, достигнув нынешних высот. Она была участником методологических семинаров, которые вели такие крупные ученые, как М.Н. Скаткин, В.В. Краевский, Э.И. Монозон, В.И. Журавлев и др.

Такая научная школа сформировала у Гузель Валеевны трепетное

отношение к науке, занятия которой она считает «самым лучшим на земле занятием». Ее характеризуют такие важнейшие для ученого свойства, как умение видеть и формулировать перспективные направления развития науки. Так, задолго до того, что мы имеем сегодня (в частности, регионализация, инновационные процессы), Гузель Валеевны были поставлены эти проблемы и найдены варианты их решения на разных уровнях.

У нее редкая способность – видеть малое под большим углом. Это особенно ярко проявляется в процессе анализа диссертационных исследований и научных отчетов, других научных материалов. Она умеет увидеть в казалось бы незаметной, небольшой детали что-то важное и перспективное. Уже в зародыше она видит тенденции и это позволяет ей опережать время. Она уделяет очень много внимания работе с диссертациями аспирантов и соискателей, причем не только своих, но и всех, кто представляет диссертации в наш диссовет. Характерной чертой ее как руководителя является стремление поддержать оригинальность мысли коллег, желание способствовать их научному росту.

Гузель Валеевна наделена даром *красноречия и убеждения*. Но ее красноречие – это не традиционные красивые слова и их сочетания. Красноречие Гузель Валеевны – это сочный, глубокий, образный, содержательный, очень логично выстроенный язык. Одновременно это и ее голос, тембр, эмоции, вкладываемые в устную речь. Независимо от того, где, о чем, в какой аудитории она выступает, речь ее всегда безупречна. Она мастер слова. Интеграция ее большой гуманитарной культуры и культуры исследователя делают ее речи и выступления притягательными и заставляют аудиторию внимательно прислушиваться к тому,

о чем она говорит. Не случайно, что она может легко, в один присест написать стихотворение на ту или иную тему. Не случайно, она как бы мимоходом издала несколько сборников стихов. Она могла бы написать и блестящую прозу, но не хватает времени – наука не любит и не терпит, когда ее сочетают с другой деятельностью. Подлинная наука «захватывает» человека всего.

Гузель Валеевна по достоинству оценена за свои достижения на всех уровнях. Первый Президент РТ М.Ш.Шаймиев называл Гузель Валеевну «царицей образования». Нынешний Президент РТ Р.Н. Минниханов не раз высоко отзывался и отмечал

большую роль Гузель Валеевны в развитии образования и педагогической науки в Республике Татарстан.

Мы, ее современники, можем гордиться тем фактом, что имеем возможность быть рядом, работать вместе с таким выдающимся человеком, как Гузель Валеевна. Это есть прикосновение к большому, умному и мудрому человеку, который внес и еще внесет глубокий вклад в развитие образования и науки об образовании – педагогики.

Поздравляем Гузель Валеевну со знаменательным юбилеем и желаем ей скорейшего выздоровления и новых побед на ниве педагогической науки и практики.

УДК 94(470.41)

ЗАКИР АЮХАНОВ И ПРОБЛЕМЫ ЗАХИРИТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ТАТАРСКОМ БОГОСЛОВИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

И.А. Зарипов

Хотя изучение богословского наследия наших предков в последние годы все более расширяется и углубляется, вызывая интерес историков, исламоведов и мусульманских богословов не только в нашей стране, но и за рубежом, остается еще немало забытых имен татарских религиозных деятелей, предложивших новые и современные подходы к решению многих проблем мусульманского богословия и права. Если имена Ризаэтдина Фахретдина, Галимжана Баруди и Мусы Бигиева сегодня известны многим, то имя Закира Аюханова незнакомо даже специалистам. Хотя исследователи журнала «Шура», истории оренбургского медресе «Хусаиния» и истории башкирского языка, наверное, и встречали его имя, исследование богословско-правовых взглядов З. Аюханова будет представлено впервые.

Мало известно о дореволюционном периоде жизни ученого, особенно о его религиозной деятельности. Можно предположить, что в советский период, будучи видным представителем башкирского просвещения, он и сам не желал широкой известности своих богословских исследований, однако сегодня подробное изучение его новаторских взглядов в области мусульманского богословия и права, представленных на страницах журнала «Шура», представляет, на наш взгляд, значительный интерес.

Закир Насырович Аюханов родился 23 мая 1889 г. в селе Татарский Калмаюр Симбирской губернии (ныне Чердаклинский район Ульяновской области) в бедной семье. В 1901–1907 гг. он получил начальное образование в школе города Мелекесс (современный Димитровград Ульяновской области), в 1910 г. закончил оренбургское медресе «Хусаиния». В 1910–1914 гг. получил высшее образование в Каирском университете. После возвращения на родину в 1914 г. он начинает преподавать историю, арабский, турецкий и татарский языки в оренбургском медресе «Хусаиния»¹. Стоит отметить, что немного ранее в этом учебном заведении свои знаменитые лекции по истории религий давал другой выпускник каирского «Аль-Азхара», знаменитый богослов Муса Бигиев, с которым у З. Аюханова на страницах журнала «Шура» завяжется богословская полемика по вопросам ростовщичества и закята. Так же, как и М. Бигиев, З. Аюханов за свои новаторские взгляды будет подвергаться давлению со стороны попечителей медресе и в 1916 г. будет вынужден покинуть оренбургскую «Хусаинию». В этом же году он переедет в Уфу и начнет преподавать в медресе «Галия», основателем и ректором которого являлся также выпускник Каирского университета «Аль-Азхар», ученик известного египетского реформатора Мухаммада

Абду (1849–1905) Зыяэтдин Камали (1873–1942).

В этот же период на страницах журнала «Шура» выходят циклы статей З. Аюханова по истории ислама, о его богословско-правовых школах, а также о ростовщичестве и закяте. В частности, можно отметить его исследование «Мусульманское право» («Фикх»), посвященное истории и методологии мусульманского права (*фикх*)², «Первые проявления разногласий в исламе и секта исмаилитов» («Исламда иң өлек зуһур иткән ихтилаф вә исмагылия мэхэбы»)³, статью, посвященную сопоставлению выплаты закята и налогов, «Закят и доходы ислама» («Закәт һәм ислам ирадләре»)⁴, а также цикл статей «О ростовщичестве» («Риба хакында»)⁵.

Все эти факты свидетельствуют не только о том, что З. Аюханов имел превосходное классическое религиозное образование, полученное в оренбургском медресе и Каирском университете, но и о его активной богословской и научно-исследовательской деятельности наравне с такими знаменитыми татарскими религиозными деятелями начала XX в., как Муса Бигиев, Зыяэтдин Камали, Ризаэтдин Фахретдин и др.

После установления советской власти и начала гонений на религиозных деятелей З. Аюханов посвящает свою жизнь просвещению и филологии. С 1918 г. он преподает в сибирской татарской учительской школе, в татарском педагогическом техникуме и в других учебных заведениях Томска, где вместе с педагогической деятельностью он повышает и свой уровень образования, проходя обучение в Томском университете в 1918–1926 гг. Летом 1926 г. он приезжает в Уфу, где становится заведующим учебной частью и учителем начальных классов республиканской школы для детей-сирот им. В.И. Ленина.

В 1930–1936 гг. является доцентом сельскохозяйственного и педагогического институтов. В 1936 г. – учитель татарской школы №523 в Москве, в 1937–1956 гг. – учитель школы №14 Уфы. С 1959 г. вплоть до своей смерти в 1961 г. являлся сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, преподавал арабский язык в Башкирском государственном университете.

Он участвовал в разработке башкирского алфавита, составленный им букварь «Алифба» в 1929–1968 гг. являлся основным учебным пособием в школах Башкортостана и переиздавался 25 раз. Он также является автором и составителем 17 учебников и учебно-методических пособий. Помимо этого З. Аюханов транскрибировал и перевел на русский язык некоторые генеалогические древа – шежере⁶.

Цикл статей З. Аюханова «О ростовщичестве» представляет собой полноценное монографическое богословско-правовое исследование о ростовщичестве, процентах, кредитных и банковских операциях, которые были рассмотрены им на основе первоисточников ислама, сочинений мусульманских правоведов прошлого, через призму современных для него условий социально-экономического положения татарского общества. В цикле статей о ростовщичестве можно увидеть не только новаторскую позицию автора в отношении мусульманского запрета на ростовщичество, но и его оригинальную методологию извлечения богословско-правовых положений из первоисточников, идущую вразрез как с методами традиционных богословско-правовых школ ислама, так и с методами джадидов. Хотя сам автор и не выделяет отдельно данные темы, на основе изучения всего цикла статей нами была составлена достаточно

отчетливая картина его богословских убеждений и методологии.

Во-первых, следует обозначить четкую позицию З. Аюханова в отношении понимания ислама. Для него ислам и положения традиционных мусульманских богословско-правовых школ есть две разные вещи. Неоднократно на протяжении всей монографии он отмечает, что признание ошибочных заключений правоведов в качестве самой Божественной религии формирует у людей неверное суждение о ее оторванности от жизненных реалий, что приводит к ее забвению и даже неверию. З. Аюханов подчеркивает, что, видя подобные тенденции, именно мусульмане России «от мала до велика» первыми встали на защиту своей религии, на путь доказательства ее соответствия жизни и прогрессу. Отмечая заслуги своих современников – З. Камали, М. Бигиева, А. Баязитова, Р. Фахретдина и других прогрессивных религиозных деятелей, он также указывает и на недостатки их работ, наполненных, по его мнению, излишней философией, которая также ведет к уничтожению святости религии.

Первоочередную задачу на пути защиты ислама он видит в решении проблемы запрета ростовщичества – «самой значимой и самой священной задачи, выпавшей на долю мусульман», которая «противостоит экономическому развитию – самой важной области жизни»⁷. Ее решение, предложенное им в данной монографии, по его мнению, помимо всего прочего должно продемонстрировать разницу между религией и учением богословско-правовых школ (*мазхаб*), доказать соответствие «настоящего» ислама жизненным потребностям человечества.

Понимая необходимость решения проблемы ростовщичества в соответствии с условиями современ-

ности, он в то же время считает, что отношение ислама к ней было четко и ясно сформулировано текстом Корана, подробно разъяснено словами и действиями пророка Мухаммада, и никто не вправе изменить его. Многие современники З. Аюханова призывали к всестороннему использованию логико-рационалистических методов мусульманского права для решения насущных проблем мусульманского сообщества – всеобщему «открытию врат» иджитихада⁸, в том числе и в вопросе ростовщичества. Этого мнения в отношении ростовщичества придерживались М. Бигиев⁹ и М. Байтогулов¹⁰. Но, в отличие от них, З. Аюханов, напротив, категорично говорит о том, что иджитихад в отношении религиозного (*шариатского*) запрета ростовщичества недопустим. По его мнению, коранический запрет ростовщичества также ясно разъяснен пророческим Преданием (Сунна), как вопросы молитвы и омовения, в отношении которых никто не применяет иджитихад. Допуская возможность того, что смысл аята кому-то и может быть не ясен, он решительно отвергает предположение о том, что Бог или Его Посланник в полной мере не разъяснили какое-либо из положений религии. Богослов считает, что мусульманин, верующий в истинность Корана и пророческую миссию Мухаммада в соответствии с аятами «*И послали Мы тебе упоминание, чтобы ты разъяснил людям, что им ниспослано*»¹¹ и «*Сегодня Я завершил для вас вашу религию*»¹², обязан считать, что пророческая миссия была выполнена в полной мере, все необходимые религиозные положения были установлены и полноценно разъяснены, в том числе и в отношении ростовщичества. Считающие, что коранический аят о ростовщичестве имеет обобщенный смысл и требует иджитихада ученых, по его мнению, отрицают этим пол-

ноценное разъяснение религиозных положений, содержащихся в Писании и Предании, входят в противоречие с вышеприведенными аятами.

Он пишет: «В соответствии с доктриной ислама ни один человек, кроме Пресвятого Посланника, не может говорить от имени религии. Право законодательства в религиозных положениях есть только у Всевышнего Аллаха и Его Посланника. Соучастие в этом самозванцев – есть чрезвычайно великое преступление»¹³.

Кажущаяся противоречивость вышеприведенных слов, которые, с одной стороны, говорят о важности ростовщичества в современной экономике, а с другой – содержат отвержение иджитхада в отношении его религиозного (*шариатского*) запрета, объясняется авторской классификацией ростовщичества, разделяющей его на несколько видов. По мнению З. Аюханова, только один из видов ростовщичества подпадает под религиозный (*шариатский*) запрет, в отношении которого иджитхад недопустим, отношение же ко всем остальным видам ростовщичества может меняться в соответствии с изменением социально-экономических условий жизни.

З. Аюханов считает, что основная причина современных проблем мусульманского сообщества заключается в слепом следовании средневековым положениям традиционных богословско-правовых школ. Он пишет: «Мусульманский мир ставит слова богословов, противоречащих как разуму, так и религии, выше Божественных текстов и пророческого Предания»¹⁴. В то же время он отмечает, что положения, сформулированные великими муджтахидами¹⁵ прошлого, не входили в противоречие с социально-экономическими условиями их времени. Но по причине того, что эти положения не менялись вместе с изменением жизненных условий,

они пришли в полное несоответствие современным реалиям.

По мнению З. Аюханова, слепое и фанатичное следование современных мусульманских ученых ранним авторитетам и традициям богословско-правовой школы (*мазхаб*) привели к ошибкам в заключении дозволенности или запретности в отношении многих вопросов как религиозной практики (*'ибادات*), так и общественных отношений (*му'амалат*). Богослов заявляет, что слова коранического аята «*Когда скажут им: "Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!" – они говорят: "Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов"*»¹⁶ в полной мере относятся к ним. Он считает, что не невежество, а именно это слепое следование не позволяет людям правильно понимать священные тексты. Ученый говорит, что для понимания священных текстов не обязательно быть даже ученым, а «достаточно лишь в полной мере знать арабский язык, историю, остерегаться фанатизма и вышеуказанных ошибок, верить в то, что не Коран должен следовать твоим убеждениям, а твои убеждения должны следовать за Кораном»¹⁷. При этом он подчеркивает, что «ясный арабский язык» Корана понятен и в отношении значения каждого его аята не может быть разногласий, а все имеющиеся споры вызваны рассмотрением их через «мазхабные» очки.

Еще одной причиной грубых ошибок в определении религиозного положения о дозволенности или запретности чего-либо он считает выделение правоведами определяющей философии того или иного Божественного повеления, их убеждение, что каждый из запретов имеет свою причину (*'илля*) и является ее следствием (*му'алиль*).

Основываясь на кораническом аяте «*Он уже разъяснил вам, что вам запрещено, если вы к этому не буде-*

те приневолены. А ведь многие сходят с пути своими страстями без всякого знания»¹⁸, З. Аюханов заявляет, что все запрещенное религией было полноценно разъяснено самим Богом и Его Посланником. Пророческие слова и действия, по его мнению, так же как и Коран, являются боговдохновенными, в соответствии со значением аята «И говорит он не по пристрастию. Это – только откровение, которое ниспосылается»¹⁹. Он указывает, что ни у кого, кроме Бога и Его Посланника, нет права запрещения от имени религии. При этом он отрицает возможность извлечения причин (*та 'лиль*) и суждение по аналогии (*кьяс*) на основе явно запрещенного, отмечая, что «даже если причина (*та 'лиль*) и была объяснена ими самими [Богом и Его посланником], неуклонное следование именно этой мотивировке (в том виде, в котором она не была разъяснена ими) не обязательно, особенно, когда это противоречит интересам и пользе социальной жизни людей»²⁰.

Он однозначно утверждает, что «суждение по аналогии (*кьяс*) не является методом мусульманского права и совершенно неверно, боясь впасть в запретное, запрещать все подряд»²¹.

Подробно рассматривая и аргументировано критикуя каждую из богословско-правовых школ, использующих метод аналогии (*кьяс*), в их извлечении причин запретности ростовщичества, татарский богослов говорит, что огромное количество разногласий и противоречивость этих причин доказывает ошибочность самого метода аналогии (*кьяс*), а также демонстрирует тот факт, «что те, кто от имени религии судили по аналогии, делали это, как им захочется»²².

Отрицание данного метода не ново в истории мусульманского права. Такого же мнения придерживалась захиритская школа, которую исследовате-

ли относят к исчезнувшим суннитским школам мусульманского права. В правовой практике представители этой школы опирались исключительно на «внешнее», буквальное понимание Корана и Сунны, отрицая всякую возможность видеть в текстах скрытый смысл и толковать их аллегорически или рационально. Они считали дозволенным все то, что явно не запрещено. В вопросах методологии права (*усуль аль-фикх*) захиритские правоведы были противниками использования логико-рационалистических приемов (*кьяс*, *рай*, *истихсан*, *истихаб* и др.). В случае невозможности буквального понимания того или иного положения первоисточников в поздний период было допущено использование единодушного мнения сподвижников пророка Мухаммада (*иджма'*) в очень ограниченных пределах²³.

Эта богословско-правовая школа (*мазхаб*) была широко распространена в X–XIII веках. Ее представители имелись как на востоке арабского халифата (в частности, в Хорасане), так и на западе (в Андалусии жил захиритский богослов Ибн Хазм). В XII веке при Альмохадах захиритизм был признан официальной правовой школой. После XV века захириты постепенно исчезли²⁴.

Считается, что именно андалусский богослов Ибн Хазм (994–1064) формально оформил положения захиритской школы. Следуя захиритской традиции, он настаивал на буквальном толковании священных текстов, в качестве первоисточников права (*фикх*) признавал лишь Коран и Сунну, отвергая принятые в других юридических школах рациональные методы (в т. ч. суждение по аналогии (*кьяс*)). Применение единогласного мнения (*иджма'*) он ограничил единогласием сподвижников Пророка. Одновременно Ибн Хазм выступал против слепого следования (*таклид*),

допуская следование лишь Пророку (что, по его мнению, не является таклидом)²⁵.

Важно отметить, что основное правоведческое сочинение Ибн Хазма «Аль-Мухалля» З. Аюханов постоянно цитирует и ссылается на него во время своего исследования о ростовщичестве. В одной из статей он дает средневековому богослову такую характеристику: «Обладающий глубокими знаниями в области мусульманского права, а также не имеющий

равных в понимании Писания и Предания, истинный философ ислама»²⁶.

Все эти факты свидетельствуют о соответствии представлений татарского богослова начала XX века исчезнувшей в XV веке школе захиритов, его попытке переложить их методологию в современную ему действительность при решении проблемы ростовщичества. Предложенные З. Аюхановым методы представляют собой альтернативный путь реформирования мусульманского права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Башкирская энциклопедия, т.1. Научное издательство «Башкирская энциклопедия», Уфа, 2005. – С. 26. *Яйыкбаев К.Я.* Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укытыусылар һәм мәгариф эшмәкәрҙәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һурәтләмәләр. 1-се кит. Өфө, 2003. – С. 48–50.

² Шура. – 1914. № 23. – С. 726–728. – 1915; № 1. – С. 17–20.

³ Шура. – 1915. № 21. – С. 656–659; № 22. – С. 689–691; № 23. – С. 711–713; № 24. – С. 749–851. – 1916. № 2. – С. 40–43; № 3. – С. 68–71; № 4. – С. 97–99; № 5. – С. 126–129; № 6. – С. 137–139; № 7. – С. 161–163.

⁴ Шура. – 1916. № 1. – С. 9–15.

⁵ Шура. – 1915. № 2. – С. 42–52; № 3. – С. 81–82; № 4. – С. 107–109; № 5. – С. 146–148; № 6. – С. 177–178; № 7. – С. 204–206; № 8. – С. 245–247; № 9. – С. 269–271; № 10. – С. 299–301; № 11. – С. 336–340; № 12. – С. 361–362. 1916. № 9. – С. 222–224; № 10. – С. 237–239; № 11. – С. 260–262; № 12. – С. 383–385; № 13. – С. 308–311; № 14. – С. 333–335; № 15. – С. 357–359; № 16. – С. 382–384; № 17. – С. 405–407; № 18. – С. 428–432; № 19. – С. 452–455.

⁶ Башкирская энциклопедия, т.1. Научное издательство «Башкирская энциклопедия», Уфа, 2005. – С. 26. *Яйыкбаев К.Я.* Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укытыусылар һәм мәгариф эшмәкәрҙәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һурәтләмәләр. 1-се кит. Өфө, 2003. – С. 48–50.

⁷ *Закир Аюханов.* Рибә һакында // Журнал «Шура». – 1915. № 2. – С. 42–52.

⁸ Иджтиһад (дословно с арабск. – «проявление усердия», «настойчивость», «свободное исследование») – как термин мусульманского права обозначает самостоятельный поиск богословом-правоведом (*факих*) аргументов, методов и приемов решения богословско-правовых вопросов.

⁹ *Бигиев М.* Закият. Под общ. ред. И.А. Зарипова. – Наб. Челны: «Духовно-деловой центр «Ислам Нуры». – 2013. – 228 с.

¹⁰ *Байтогулов Мухаммадтаһир.* Рибә һәм вак бурыч жәмгыятьләре // Шура. – 1913. № 2. – С. 40–41; № 3. – С. 73–76.

¹¹ Коран, 16:44. Здесь и далее перевод Корана И.Ю. Крачковского с некоторыми уточнениями.

¹² Коран, 5:3.

¹³ *Закир Аюханов.* Рибә һакында // Журнал «Шура». – 1915. № 10. – С. 299–301.

¹⁴ *Закир Аюханов.* Рибә һакында // Журнал «Шура». – 1915. № 2. – С. 42–52.

¹⁵ Муджтахид – мусульманский правовед, имеющий право выносить самостоятельные богословско-правовые заключения, совершать иджтиһад.

¹⁶ Коран, 2:170.

¹⁷ *Закир Аюханов.* Рибә һакында // Журнал «Шура». – 1915. № 9. – С. 42–52.

¹⁸ Коран, 6:119.

¹⁹ Коран, 53:3-4.

²⁰ Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1915. № 12. – С. 361–362.

²¹ Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1915. № 12. – С. 361–362.

²² Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1915. № 6. – С. 177–178.

²³ Усуль-аль-фикх. Пер. с турецкого. Московский исламский университет, 2012. – С. 517.

²⁴ Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 76–77.

²⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru/elib/1159.html>. (Дата обращения 12.01.2013).

²⁶ Закир Аюханов. Рибха хакинда // Журнал «Шура». – 1916. № 11. – С. 260–262.

Аннотация

Статья содержит описание богословско-правовой методологии татарского богослова Закира Аюханова (1889–1961), выявленной на основе анализа его монографического исследования о ростовщичестве. Оригинальность данной методологии заключается в отрицании традиционных логико-рационалистических методов мусульманского права, в частности аналогии (кьяс), признании буквального смысла предписаний, указанных в первоисточниках ислама, а также обязательном учете исторических условий, при которых были сформулированы религиозные положения. Предложенные З. Аюхановым методы, на основе которых он строит собственное понимание коранического запрета ростовщичества, представляют собой альтернативный путь реформирования мусульманского права.

Ключевые слова: Закир Аюханов, методология мусульманского права, татарская богословская мысль, история общественной мысли татар, история татарского народа.

Summary

The article describes the theological-juristic methodology of Tatar religious scholar Zakir Ayukhanov (1889–1961), revealed during the analysis of his monographic survey about usury. The originality of presented methodology lies in refusal of traditional logical-rationalist methods of Muslim law, specifically of the analogy (al-kyyas) and acceptance of literal meanings of prescriptions, identified in Islamic primary sources. It also lies in obligatory consideration of historical conditions when religious regulations are developed. Provided by Zakir Ayukhanov methods, on which he develops his own conception of Quranic interdiction of usury, poses alternative way of Muslim law reforming.

Key words: Zakir Ayukhanov, Muslim law methodology, Tatar theological thought, history of Tatar social thought, history of Tatar nation.

УДК 2+80/81+09

«СОРОК ХАДИСОВ» АЛ-‘АДЖЛУНИ

А.М. Салахов, кандидат филологических наук

В связи с возросшим в последние годы интересом со стороны государственных и общественных институтов к религиозной литературе, бывшей в употреблении в системе народного образования татар как теоретической базе традиционной модели ислама для Волго-Уральского региона, и духовным возрождением в целом, актуализируется исследование рукописных источников и книг, издававшихся в типографиях Казани в дореволюционный период. Так, в Центре изучения письменного и музыкального наследия при ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в коллекции № 39 (шифр № 7444) нами была обнаружена рукопись с текстом сочинения Исма‘ила бин Мухаммада ал-‘Аджлуни «‘Икд ал-джавхар ас-самин фи арба‘ина хадисан мин ахадис сайид ал-мурсалин» = «Ожерелье из дорогих самоцветов (сорок хадисов господина посланников)». Просторечное название этого сочинения: «ал-Арба‘ина ал-‘Аджлунийя» = «Сорок [хадисов] ал-‘Аджлуни». К сожалению, имя и дата переписчика рукописи неизвестны. Эта работа издавалась в Казани (1901, 1902 гг.) и в печатном варианте [1: 75–76].

Исма‘ил бин Мухаммад бин ‘Абд ал-Хади ал-‘Аджлуни родился в 1087 году (по мусульманскому летосчислению) в городе ‘Аджлун (совр. Иордания). Выучив Коран наизусть в раннем детстве, как это было заведено в семьях ученых, в 1100 г. он прибывает в Дамаск, где обучается у крупнейших местных и представлявших другие

регионы Халифата ученых. В 1119 г. ал-‘Аджлуни посещает столицу Халифата Стамбул и получает право преподавания в Соборной мечети омейядов в качестве крупнейшего ученого Дамаска. О глубочайших познаниях ал-‘Аджлуни в области хадисов свидетельствует то обстоятельство, что он передавал хадисы (наиболее распространенных сводов) по цепочке, восходящей к Пророку Мухаммаду (да благословит его Аллах и приветствует) непосредственно [2: 11]. Знание цепочки передатчиков хадисов (иснад) являлось гарантом достоверности изречений Пророка (да благословит его Аллах и приветствует). Существует множество высказываний относительно важности иснада. В частности, имам ‘Абд Аллах бин ал-Мубарак сказал: «Иснад – из религии. Если бы не иснад, то всякий мог бы говорить (в религии) что вздумается» [2: 11].

Ал-‘Аджлуни является автором более пятидесяти сочинений [3: 5], наиболее известные из которых: «ал-Аджвиба ал-мухаккака ‘ан ал-ас‘ила ал-муфаррака» = «Обдуманнные ответы на различные вопросы», «‘Икд ал-джавхар ас-самин...», «Хулья ахл ал-фадр ва ал-камал би иттисал ал-асанид би куммал ар-риджал» = «Украшение людей достойных и совершенных в виде связи иснадов с совершенными мужьями», «ал-Файд ал-джари шарх “Сахих” ал-Бухари» = «Льющийся поток – комментарий к “Сахиху” ал-Бухари». Наиболее же ценной работой ал-‘Аджлуни являет-

ся «Кашф ал-хафа' ва музил ал-илбас 'амма иштахара мин ал-ахадис 'ала алсун ан-нас» = «Раскрытие тайны и удаление неясности от распространенных среди людей хадисов» [3: 5]. В этом труде автор определяет источник и степень достоверности для 3281 наиболее распространенного хадиса [3: 543]. Ал-'Аджлуни снискал известность не только как знаток хадисов, но также как историк, комментатор Корана и грамматик. Его перу также принадлежат следующие работы: «Ис'аф ат-талибин би тафсир китаб Аллах ал-мубин» = «Помощь учащимся в виде толкования Ясной Книги Аллаха», «ал-Кавакиб ал-мунира ал-муджтами'а фи тараджум ал-а'имма ал-муджтахидин ал-арба'а» = «Освещающие созвездия в биографиях четырех имамов-муджтахидов», «ал-Фава'id ал-мухarrerара фи шарх "Мусаввигат ал-ибтида' би ан-накира"» = «Пользы в разъяснении [книги] "Случаи допустимости начала [предложения] со слова в неопределенном состоянии"» [4: 292]. Скончался ал-'Аджлуни в 1162 г. по мусульманскому летосчислению.

На популярность «Сорока хадисов» ал-'Аджлуни указывает и то обстоятельство, что Мухаммад Джамал ад-дин ал-Касими (1283 – 1332), автор многочисленных сочинений, в том числе известного тафсира «Махасин ат-та'вил» = «Красоты толкования», написал к ним комментарий «ал-Фадл ал-мубин фи шарх 'ала "Икд ал-джавхар ас-самин"» = «Милость Всевышнего в комментарии к "Ожерелью из дорогих самоцветов"».

Традиция составления сборников из сорока хадисов берет начало во II веке по хиджре. Первым из множества составителей подобного рода сочинений считается хафиз (знаток хадисов), передатчик ал-Бухари, Ибн ал-Мубарак (118 – 181) [5: 19], труд которого,

к сожалению, до наших дней не дошел. Разнообразны были и принципы включения хадисов. Одни авторы собирали хадисы по определенной теме; другие делали привязку к месту жительства передатчиков (которые должны были представлять один либо различные регионы); третьи включали хадисы от одного определенного передатчика; четвертые – из одного либо различных сводов и пр. [5: 8].

Название сочинения – «Ожерелье из дорогих самоцветов...» – говорит о том, насколько трепетным и благоговейным было отношение мусульманских ученых к предмету своих изысканий. В данном случае к изречениям Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) – второму источнику исламской религии и законодательства после Священного Корана.

В свою работу ал-'Аджлуни включил хадисы из следующих сводов. «Сахих» ал-Бухари (194 – 252), «Сахих» Муслима (204 – 261), «Сунан» Абу Дауда (202 – 275), «Сунан» ат-Тирмизи (209 – 279), «Сунан» ан-Наса'и (215 – 303), «Сунан» Ибн Маджи (209 – 273), «ал-Мувагга'» Малика (93 – 179), «Муснад» Абу Ханифы (80 – 150), «Муснад» аш-Шафи'и (150 – 195), «Муснад» Ахмада (164 – 241), «Муснад» ад-Дарими (181 – 255), «Муснад» Абу Дауда ат-Тайалиси (133 – 204), «Муснад» 'Абд бин Хумейда (ум. 249), «Муснад» ал-Хариса бин Абу Усамы (186 – 282), «Муснад» ал-Баззара (ум. 292), «Муснад» Абу Йа'ла ал-Мавсили (210 – 307), «Сахих» Ибн Хиббана (ум. 354), «Сахих» Ибн Хузеймы (223 – 311), «Мусаннаф» 'Абд ар-Раззака ас-Сан'ани (126 – 211), «Мишкат ал-анвар» Ибн ал-'Араби (560 – 638), «Сунан» Абу Муслима ал-Кашши (ум. 390), «Сунан» Са'ида бин Мансура (ум. 227), «Мусаннаф» Ибн Абу Шейбы (ум. 235), «Сунан ал-кубра» ал-Байхаки

(384 – 458), «Тарих Димашк» Ибн 'Асакира (499 – 571), «Тарих» Йахйи Ибн Му'ина (ум. 233), «аш-Шифа» кади 'Ийада (476 – 544), «Шарх ас-сунна» ал-Багави (ум. 510), «аз-Зухд ва ар-рака'ик» Ибн Мубарака (118 – 181), «Навадир ал-усул» ал-Хакима ат-Тирмизи (ум. 320), «ад-Ду'а» ат-Табарани (260 – 360), «Иктида' ал-'илм ва ал-'амал» Хатиба ал-Багдади (392 – 463), «Мустахрадж 'ала "Сахих" ал-Бухари» Абу Бакра ал-Исма'или (277 – 371), «ал-Мустадрок 'ала "ас-Сахихайн"» ал-Хакима (321 – 405), «ал-Фарадж ба'да аш-шидда» Ибн Абу ад-Дунйа (208 – 281), «Мустахрадж 'ала "Сахих" Муслим» Абу 'Уваны (ум. 316), «Хульйа ал-авлийа» Абу Ну'айма ал-Исфахани (336 – 430), «Джийад ал-мусалсалат» ас-Суйюти (849 – 911), «аз-Зуррийа ат-тахира» ад-Дулаби (ум. 320), «'Амал ал-йавм ва ал-лайла» Ибн ас-Синни (ум. 364).

В качестве причины, побудившей к написанию данного сочинения, автор называет: первое – упрощение для желающих получить «разрешение» (иджаза) передавать от него хадисы и второе – стремление получить награду от Всевышнего и удостоиться высокой степени в Судный день, став одним из тех, кто сохранил для общины Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) сорок хадисов. Существует следующее предание от Посланника Аллаха: «Кто сохранит для моей общины сорок хадисов о ее религии, тот в Судный день будет воскрешен факихом». Этот хадис упоминает также и ал-'Аджлуни в своей книге «Кашф ал-хафа'...». Он приводит по его поводу высказывания знатоков хадисов, которые квалифицировали данный хадис как слабый (в отношении достоверности) [3: Ч. 2. С. 322]. Однако, по согласию ученых, допускается поступать в соответствии со слабыми хадисами, побуждаю-

щими к совершению праведных дел. Поскольку если хадис в действительности окажется достоверным, то (как то и требуется) будет применен на практике. В обратном же случае он не приведет ни к разрешению запретного, ни к запрещению дозволенного, ни к поправлению чьих-либо прав [6: 110].

Книгу ал-'Аджлуни начал с хадисов наиболее распространенных и чаще всего используемых сводов: ал-Бухари, Муслима, Абу Дауда, ат-Тирмизи, ан-Наса'и, Ибн Маджи. Далее приводятся хадисы из сборников Малика («ал-Муватта'») и «Муснадов» трех имамов – Абу Ханифы, аш-Шафи'и, Ахмада.

Ал-'Аджлуни отдельно указывает причину включения в свое сочинение «Муснада» Абу Ханифы: показать, что Абу Ханифа также следует относить к числу знатоков хадисов [2: 20]. Тем самым автор опровергает лиц, необоснованно утверждавших, что Абу Ханифа передал (с цепочкой, восходящей к Пророку) лишь несколько хадисов [6: 107]. В этом ал-'Аджлуни, последователь шафи'итского правового толка, демонстрирует пример беспристрастности и объективности, как и подобает истинному ученому.

В свою книгу ал-'Аджлуни включил по одному хадису – точнее первые хадисы – из вышеперечисленных сорока сводов. Чего было достаточно для получения от него иджазы передавать эти своды. Автор приводит не только текст хадиса из той или иной книги и имена передатчиков (исходя из цели своего сочинения – получение учащимися «разрешения» передавать своды хадисов), но также и название главы, сопутствующие аяты Корана и комментарии к ним, если таковые имелись. В качестве примера рассмотрим хадис первый.

Книга первая. «Сахих» имама ал-Бухари. Сказал Абу 'Абд Аллах Му-

хаммад бин Исма‘ил ал-Бухари (да пребудет над ним милость Щедрого, Творца) в начале своего «Сахиha»: «С именем Аллаха, Милостивого, Милосердного. Глава “О том, как началось Откровение Посланнику Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) и о словах Всемогущего и Великого Аллаха: “Воистину, Мы внушили тебе откровение, подобно тому, как внушили его Нуху (Нюю) и пророкам после него”». [Привожу сообщение] с санадом [восходящим] к нему [ал-Бухари (да смилуется над ним Аллах)]. Сказал [ал-Бухари]: Рассказал нам ал-Хумайди: Рассказал нам Суфйан: Рассказал нам Йахйа бин Са‘ид ал-Ансари: Сообщил мне Мухаммад бин Ибрахим ат-Тайми, что он слышал как ‘Алкама бин Ваккас ал-Лайси говорил: Я слышал как ‘Умар бин ал-Хаттаб (да будет доволен им Аллах) говорил [стоя] на минбаре [в мечети Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) в Медине]: Я слышал как Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) говорил: «Поистине, дела воздаются по намерениям...» [2: 21].

Завершается книга хадисом из сборника Ибн Синни «‘Амал ал-йавм ва ал-лайла» = «Что следует совершать в течение дня и ночи» как наиболее подходящий для заключения. Поместив хадис такого содержания в конце, автор указывает на бренность мирской жизни и необходимость поминания Всевышнего [6: 116]. «Рассказал нам Мухаммад бин ‘Абд Аллах бин ал-Фадл... со слов Му‘аза бин Джабала (да будет доволен им Всевышний Аллах), который сказал: «Самыми последними словами, с которыми я расстался с Посланником Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует), были следующие: Я сказал: “О Посланник Аллаха, сообщи мне о самом любимом Всемогущему

и Великому Аллаху деле”». Он ответил: “Умереть, тогда как твой язык влажен от поминания Всемогущего и Великого Аллаха”» [2: 74].

Несмотря на то, что книга ал-‘Аджлуни состоит из первых хадисов сводов вышеперечисленных авторов, их тематика и содержание достаточно разнообразны. Хадисы ал-‘Аджлуни можно разделить на следующие основные тематические группы. Первая: хадисы, в которых изложены основы мусульманской догматики. Вторая: хадисы, касающиеся вопросов культа. Третья: хадисы, содержащие наставления морально-этического характера.

В той же рукописи после сочинения ал-‘Аджлуни размещен раздел «Что следует говорить перед чтением Священных хадисов». Он имеет следующее содержание.

«Хвала Аллаху, Господу миров. Да пребудет благословение и мир над благороднейшим из посланников, нашим господином и пророком Мухаммадом, над его близкими и сподвижниками.

Далее. Поистине, наиправдивейшая речь – Книга Аллаха, лучший из путей – путь нашего господина и пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), худшие из дел – новшества, всякое новшество – нововведение, всякое нововведение – в Огне. [Говорю] с санадом, восходящим к имаму, хафизу, доводу, Абу ‘Абд Аллаху Мухаммаду бин Исма‘илу ал-Бухари, ал-Джу‘фи, да осветит Аллах его могилу и окажет нам пользу посредством него и вас. Амин. Рассказал нам...

Это следует говорить перед чтением хадисов, переданных ал-Бухари. При чтении же другого свода хадисов соответственным образом следует произносить имя его составителя».

Отрезок «Поистине наиправдивейшая речь... всякое нововведение – в

Огне» является частью хадиса, переданного со слов Джабира бин 'Абд Аллаха. Этот хадис приводят Муслим, Абу Дауд, ан-Наса'и, Ибн Маджа, Ахмад и ад-Дарими. Он указывает на совершенство исламской религии и недопустимость привнесения в нее изменений. В Коране сказано: «Сегодня Я завершил для вас вашу религию, довел до конца Мою милость к вам и одобрил для вас в качестве религии ислам» (сура «Трапеза», аят: 3).

Уместно отметить, что схожий по содержанию хадис содержится в другом сборнике из сорока хадисов (включившем основополагающие изречения Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), составленном выдающимся правоведом и знатоком хадисов имамом ан-Навави (631 – 676): «Кто привнесет в это наше дело (т.е. религию) что-либо,

оно будет ему возвращено». Данный хадис приводят ал-Бухари и Муслим. Сборник ан-Навави также издавался в Казани. В библиотеке Казанского исламского университета хранится экземпляр (№ 5829) 1914 г. издания.

Вышеизложенное позволяет сделать заключение о том, что в татарских медресе, наряду с другими, преподавалась такая традиционная исламская дисциплина, как изречения Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Изучение хадисов подразумевало не только знание собственно текстов хадисов, но также и цепочек их передатчиков, что обеспечивало аутентичность пророческих преданий. В качестве пособия по изучению иснадов, и хадисов в целом, использовалось сочинение виднейшего хадисоведа XVII века Исма'ила ал-'Аджлуни.

Источники и литература

1. Сафиуллина Р.Р. Арабская книга в духовной жизни татарского народа. – Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2003. – С. 75-76.
2. العجلوني إسماعيل. عقد الجواهر الثمين. – دمشق: دار البشائر، 1997. – 78 ص.
3. العجلوني إسماعيل. كشف الخفاء ومزيل الإلباس. – القاهرة: مكتبة التراث، د. س. – م. 1. – 567 ص.
4. كحالة عمر رضا. معجم المؤلفين. – بيروت: دار إحياء التراث العربي، د. س. – ج. 2. – ص. 292.
5. العود سهل. المعين على معرفة كتب الأربعين. – بيروت: عالم الكتب، 2005. – ص. 8.
6. القاسمي جمال الدين. الفضل المبين على عقد الجواهر الثمين. – بيروت: دار النفائس، 1983. – 526 ص.

Аннотация

В статье описывается арабоязычная рукопись с содержанием текста сочинения известного средневекового ученого-хадисоведа Исма'ила ал-'Аджлуни (1676–1748) – «'Икд ал-джавхар ас-самин фи арба'ина хадисан мин ахадис сайид ал-мурсалин» = «Ожерелье из дорогих самоцветов (сорок хадисов господина посланников)». В ней автор приводит сорок хадисов из сорока наиболее известных сборников хадисов, указывая цепочки их передатчиков. Работа была составлена с тем, чтобы облегчить лицам, изучающим хадисы, получение «иджазы» («разрешения») передавать их от автора сочинения – выдающегося знатока хадисов ал-'Аджлуни.

Ключевые слова: арабоязычная рукопись, средневековое сочинение, хадисы, цепочки передатчиков, достоверность, изучение хадисов, татарские медресе.

Summary

The article describes an Arabic manuscript containing the text works of the famous medieval scientist in the field of Hadith Ismail al-Ajlouny. In it, the author brings forty hadith of the forty most famous collections of hadith, indicating the chain of transmitters. Work was made in order to facilitate the persons studying hadith permission to transfer them from the author's works – an outstanding scholar of hadith al-Ajlouny.

Key words: An Arabic manuscript, medieval writing, hadith, chain of transmitters, veracity, the study of Hadith, Tatar faith-based schools.

УДК 78.03

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ТЕРМИНА «КОБУЗ» («МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ»)¹

М.В. Есипова

Тюркский термин «*кобуз*» (пра-тюрк. *копур/кобур*, более поздние варианты с разными ударениями: *кобуз, кобыз, коуз, комыс, гопуз, хомус* и т.п.) широко известен в Азии, включая островную Юго-Восточную Азию (куда попал в результате распространения мусульманской культуры), в Европе и даже в Африке. В одних культурах это обозначение реально функционирующего инструмента, в других – исторического, упоминаемого в эпосе и т.п. Вероятно, наиболее древнее значение термина – «струнный щипковый инструмент»², сопровождающий эпические сказания, но историческое «поведение» этого термина в разных культурных контекстах весьма прихотливо. В некоторых регионах он стал обозначать смычковый струнный, в некоторых – варган (щипковый идиофон). Подобное перенесение названия древнего струнного инструмента на исторически более молодой для данной культуры тип инструмента (варган и др.) в целом очень характерно. Например, в Норвегии варган называется *мунхарпа* (*munnharpa, munnharpe*) – букв. «ротовая арфа», в Эстонии *сууканнель* (*suukannel*) – «ротовой каннель [т.е. цитра]»; основное название *пармутиль*, в Тибете – *kha-rnga* – «ротовой барабан», в Японии XVIII–XIX вв. *кутибива* – «ротовая бива [то есть лютня]» и т.д. А в определенных контекстах он берет на себя значение

музыки вообще (например, в алтайских и тувинском языках).

Как обозначение музыкального инструмента термин «*кобуз*» сравним с более древним хунно-монгольским термином «*хуур*» (а может быть, и родствен ему – ср. древнетюрк. *копур/кобур* и монг. *хугур/хуур*), поскольку «*хуур*» также обозначает лишь струнные (главным образом смычковые) инструменты и варганы. Возможно, именно под монгольским влиянием название «*кобуз*» было перенесено на смычковый инструмент (в Казахстане и на Северном Кавказе).

Как правило, и термин «*кобуз*», и термин «*хуур*» употребляются с каким-то определяющим словом, выступая в качестве определяемого (*кыл-кобыз* – «волосяной кобуз», т.е. его струны скручены из конского волоса, *аман-хуур* – «ротовой хуур» и т.п.), зачастую обретая общее значение – «музыкальный инструмент».

Аналогичное словообразование характерно для многих культур, к подобному ряду терминов принадлежат: древнекитайский «*цин*» (как морфема в терминах *хуцин*, *янцин* и др.) и, соответственно, корейский «*кым/гым*» (может встречаться в обозначениях струнных, ударных и духовых) и японские «*кин*» (в слое лексики китайского происхождения: *кокин* – «ротовой *кин* [=кит. *цин*]» и т.п.) и «*кото*» (в собственно японской лексике: *сирагигото*, *бива-но кото*, *кин-но кото*

и т.п.). Вероятно, несколько позднее к этому ряду присоединился и древний персидский термин «чанг» – «арфа». Так, в культурах, испытавших персидское влияние, «чанг» стало названием варгана: в Афганистане, Пакистане, Непале – *чанг*, в Индии и Южной Азии в целом – *морчанг* (и производные термины), букв. – «ротовой чанг», т.е. «ротовая арфа», в Узбекистане и Таджикистане – *чанг-кавуз*, где «кавуз» выступает в общем значении «музыкальный инструмент».

Все термины этого ряда (за исключением корейского) относятся главным образом к струнным инструментам и варганам³.

Термин «кобуз» по мере распространения стал «прикрепляться» к самым разным струнным инструментам. В культурах, где было принято двуязычие, например в придворных кругах Османской Турции, тюркский термин «кобуз» и персидский «*рабаб/рубоб*» были взаимозаменяемы, обозначая персидский по происхождению инструмент – лютню с длинной шейкой и чуть приталенным корпусом (но Сельджуки предпочитали называть его *рабабом*)⁴. В Бухаре в XVII в., по данным «Трактата о музыке» («Рисале-и мусики») Дервиша Али Чанги, помимо *кобуза* древних тюркских сказителей, о котором ко времени создания трактата сохранились лишь легенды, был известен *кобуз*, «завезенный из Герата»⁵, и, судя по дальнейшему описанию, это была одна из разновидностей персидского *рабаба* (появившаяся около XII в.), аналогичная упомянутому османскому *кобузу/рабабу*. Подобный же инструмент попал в Китай во времена династии Юань (1280–1365, т.е. в эпоху Великой Монгольской империи) также под тюркским названием «кобуз» (в современном монгольском произнесении «*хобис*»), которое в китайских источниках передавалось как *хобусы*,

хубосы, *хобусы*, *хуньбусы*, *хупайсы*⁶; инструмент описан в династийной хронике «Юаньши» («История династии Юань», 1370) в составе придворного монголо-тибетского оркестра⁷.

В культурах Восточной Европы – Румынии и Молдавии, Венгрии, Чехии, Хорватии – термин «*кобза*» был настолько в ходу, что стал обозначать пришедшую туда западноевропейскую *лютню* (или более ранний инструмент – арабский *уд*, занесенный в регион цыганами)⁸.

Как считают некоторые лингвисты, этимология термина связана с именной основой коп-, ков-, означающей нечто полое, пустотелое (и термин «кобуз» является «однокоренным» с другими тюркскими словами, имеющими значения «дупло», «пещера», «улей», «нора» и др.). Корпус древних тюркских струнных щипковых лютневых инструментов выдалбливался из дерева, что могло зафиксировать само их название⁹. Есть и другие версии, в частности, одной из них придерживаются азербайджанские ученые: «коп/гоп» – высокий, «уз» – магический звук, мелодия; или «коп» – резкий захват (т.е. щипок струны инструмента).

В тюркском героическом эпосе «Деде Коркут» (в письменной версии «Китаб-и дедем Коркут»¹⁰), описывающем события тюркской древности (VI–VII вв. и IX–X вв.), упоминается *кобуз* – струнный щипковый инструмент певцов-сказителей озанов¹¹, изобретателем которого считается легендарный Коркут (озан в наиболее старой версии эпоса «ударяет» по струнам). Инструменту приписывалась магическая сила (он помогал обогнать самых резвых скакунов; положенный на могилу Коркута, он сам издавал звуки и т.п.). *Кобуз* упоминается также в каракалпакском эпосе (наряду с *дутаром*), в татарском историческом дастане «Чора бытыр», в «Дафтар-и Чингиз-наме» («Татарская

летопись», конец XVII в.) и ряде других.

Интересен термин «*каныр кобуз*», встречающийся в нартском эпосе (осетин) и обозначающий двенадцатиструнную угловую арфу. Он демонстрирует удивительное соединение древнейшего, восходящего к цивилизациям древнего мира слова «*кнар/канар*» (ср. с древнеегип. *knrr*, древнеевр. *киннор*, перс. *канар*, древнеармянск. *кнар*, груз. *кнари* и т.д.) – названия арфы или лиры – и тюркского слова «*кобуз*».

В применении к смычковым инструментам в некоторых культурах термин «*кобуз*» стал заменять параллельно существовавший тюркский же термин «*игил/икили*». Тувинцы этимологизируют его как «двухструнный»: «*ийи+хыл*», то есть «две струны», но есть предположение, что этот термин восходит к древнетюркскому термину *ekāta*, который встречается в Словаре Махмуда Кашгарского «Диван люгат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий», XI в.)¹² и обозначает смычковый инструмент¹³.

Термин «*игил*» распространен ныне в Саяно-Алтайском регионе, но также известен в Монголии и Калмыкии. В Турции в середине XV в. описан смычковый инструмент «*иклиги*», похожий на персидскую *кеманчу*. У туркмен бытует смычковый *икидилли*, иногда называемый *оклы-гопуз*. В тувинском языке и *игил* (2-струнный смычковый), и *доштулуур* (2-струнный щипковый) имеют обобщающее название *хыл-хомус* – «волосяной *хомус*»; аналогичный казахский термин «*кыл-кобыз*» обозначает только смычковый инструмент. В мифологии казахов Коркуту приписывается изобретение именно смычкового *кобыза*, то есть исторически более позднего инструмента. У тюркских народов Северного Кавказа тюркские по происхождению смычковые инструменты не

всегда сохраняют тюркское наименование, но иногда, все же, сохраняют. Так, родственный *игилу* смычковый у карачаевцев и черкесов, главным образом известный как *камлач*, иногда также называют *кобыз*; древнее название этот инструмент сохранил и у балкарцев – *кыл-кобуз*.

Что касается казахского *кобыза* (*кыл-кобыза*) и аналогичного киргизского инструмента, называемого *кыяк*, *кыл-кыяк*, то сам этот инструмент, скорее всего, является результатом смешения монгольского и индийского культурных влияний. Курт Закс – крупнейший музыковед-инструментовед XX в. – рассматривал эти инструменты как «сниженные» формы индийских смычковых (*саранги* или *саринды*)¹⁴. Действительно, округлые выемки в корпусе *кыл-кобыза* и *кыяка* могут свидетельствовать о влиянии на их форму индийских инструментов, однако выгнутая шейка старинных образцов *кыл-кобыза* может являться рудиментом формы кумысного ковша, а известно, что такую форму имел древний монгольский *хуур*.

Киргизы сохранили древний термин – «*комуз*» для струнного щипкового лютневого с длинной шейкой, излюбленного инструмента акынов (народных сказителей), а смычковый, аналогичный казахскому *кыл-кобузу*, получил иное название – *кыяк* (очевидно, от персидско-афганского «*гиджак/гейчак*»).

В Турции под названием «*кубуз*» был также известен исчезнувший ныне лютневый инструмент с короткой шейкой и наполовину кожаной декой, возможно, это был «наследник» древней персидской лютни *барбат* (о которой еще пойдет речь в дальнейшем).

Что касается современных наследников *кобуза* озанов, то турецкие ученые называют *багламу*¹⁵, азербайджанские – *саз* (в Турции эти два тер-

мина взаимозаменяемы); на Балканах, вероятно, это боснийская *шаргийя* (šargija; от араб. шаркий – «восточный»), в Албании *чифтелия* (çiftelia; букв. «двуструнка») и т.д. Впрочем, это тема отдельного исследования. Здесь же отмечу, что к этому же ряду можно отнести не только киргизский *комуз*, но и среднеазиатский *дугар*, и западноказахстанскую *домбру*, и афганскую *дамбуру* (хотя сами названия инструментов, вероятно, восходят к древнему арабскому слову «*танбур/тунбур*», как и названия лютневых с длинной шейкой на Балканах – *тамбура, тамбурица*), и лютневые тюрков Сибири, и даже западноевропейский *коласцион (колашон)* (итал. colascione, франц. colachon)¹⁶.

С термином «*кобуз*» генетически связан марийский термин «*ковыж*» – в названии струнного смычкового инструмента *ия-ковыж* (от тюрк. жья кобыз)¹⁷, вероятно, инструмент был заимствован марийцами вместе с тюркским термином¹⁸. Не исключено, что зафиксированное японской исследовательницей в Нерехтском районе Костромской области русское название корпуса *балалайки* – «ковш», происхождение которого никто из местных жителей не смог объяснить¹⁹, – есть результат народной этимологизации тюркского (или марийского?) слова. Здесь следует отметить, что распространившийся у гагаузов (тюрков Молдавии) смычковый инструмент византийского происхождения (так наз. *византийская лира*; в Болгарии – *гадулка*) также получил аналогичное тюркское наименование *кэуш* (производное от «*кобуз*»).

У разных тюркских народов или народов, подвергавшихся тюркским влияниям, в различных произносительных вариантах и с разными предшествующими определениями термин «*кобуз*» может иметь следующие значения²⁰.

I. СТРУННЫЙ ИНСТРУМЕНТ (ХОРДОФОН)

1. Лютневого типа: а) щипковый, у тюркских народов: у уйгуров (в прошлом, в т.ч. в буддийских текстах XIV–XV вв.) – *кобуз, кобур/кобур*, у киргизов – *комуз, кол/кыл комуз* («волосяной комуз»; трехструнный; др. название – *чертмек*), у каракалпков – *кобуз* (упоминается в эпосе), у турок – *копуз (коруз)*, *кобуз* (иногда он же *рубаб*), у турок Анатолии – *колча копуз*, у азербайджанцев – *гопуз (qoruz)*, *голча гопуз*, у дагестанцев (кумыков, а также у даргинцев, аварцев и др.) – *агач-кумуз, кумуз (кьо-муз)*, у тувинцев – *хыл-хомус* (также и смычковый), у башкир – *кыл-кубыз* (упоминается в сказаниях; щипковый он или смычковый неясно); у татар – *кубыз* (упоминается в конце XVII в.), у ряда тюркских народов Сибири подобный инструмент сопровождает эпические сказания, например, у шорцев – *комус, кай комус, кайладжанг кобус* (*кай* – название вида пения, используемого при исполнении эпоса; сам инструмент аналогичен тувинскому щипковому лютневому дошпулууру/топшулууру), *шертпе комус* (*шерт* – «щелкнуть пальцем»), или *шерчен комус* (двухструнный с долбленным треугольным корпусом, вероятно, связан с русской *балалайкой*); у тофалар – *чарты хомус* (*чарты* – букв. «полено»; трехструнный), у хакасов – *хомыс*, у кумандинцев и челканцев – *комос*, у кызыльцев, койбальцев и сагайцев (Хакасия) – *хомыс* (двух-трехструнный); у нетюркских народов: у монголов – *хобис* (в китайских исторических источниках аналогичная лютня описывается под названием «*хопусы*» и др.), у наси (тибето-бирманский народ, живущий на Юго-Западе Китая) – *хобоси, хубо* (основное название инструмента – *сугуду*²¹), у украинцев, белорусов, русских (главным образом южных и вос-

точных областей) – кобза²², у румын и молдаван (приблизительно с XV в.) – кобза, кобзэ (cobză), а также устаревшие кобуз/копуз, кобыш, лэута²³; у венгров – кобоз (koboz), у хорватов – копус (korpus); у арабийских арабов – кабус, канбус (qabus, qanbus), у малайцев и индонезийцев – гамбус (gzmбус); о трех последних терминах см. ниже), у мальгашей – кабоса (kabosa).

б) фрикционный или смычковый, у тюркских народов: у казахов – кобыз, или кыл-кобыз; у узбеков и каракалпаков – кобуз, у тувинцев – хыл-хомус (или игил), у алтайцев – аһаш комыс (по В.В. Радлову – «скрипка»²⁴), у башкир – кыл-кубыз (упоминается в сказаниях; щипковый он или смычковый неясно), у татар и татар-кряшен (в прошлом) – кубыз/кубыс/кобас (скрипка), у туркмен – оклы гопуз (основное название – икидилли), у балкарцев – кыл-кобуз, кобуз, у карачаевцев и черкесов – кобыз (или камлач), у гагаузов – кэуш, у чувашей – хама-копас (скрипка); у нетюркских народов: у марийцев – ия/ыя-ковыж; у украинцев кобыз – одно из народных названий колесной лиры (рыли).

2. Тип цитры: у древних тюрков – бучы кобуз, или бучы – цитра, подобная монгольской цитре ятга (здесь «кобуз» понимается как «музыкальный инструмент»); у горных алтайцев и теленгитов кыл-комус – шестиструнная щипковая или ударная цитра с корытообразным корпусом (у алтайцев, по В.В. Радлову²⁵, – жадыны комыс; вероятно, этот термин демонстрирует соединение монгольского и тюркского слов).

3. Тип угловой арфы, у тюркских народов: у балкарцев (в прошлом) – кыл-кобуз, кобуз; у нетюркских народов: у осетин – каныр кобуз (кыргыяр кьобуз; двенадцатиструнная; сопровождала сказывание нартского эпоса).

4. Тип лука музыкального у тюркских народов: у тувинцев – ча-хомус («лук-хомус»), или хыл-хомус (с ротовым резонатором), у татар – жэя-кубыз или кыл-кубыз.

5. Тип так называемой поющей струны (архаический инструмент): у тувинцев – хыл-хомус (конский волос, один конец которого держат в зубах, другой в руке, защищают указательным пальцем другой руки).

II. ВАРГАН (ЩИПКОВЫЙ ИДИОФОН), у тюркских народов: у алтайцев – комыс, ат-комыс («конь-комыс»), тьяк-комыс («челюстной комыс», звук, на котором извлекают языком, без участия рук), топшур-комыс («лютневый комыс», дуга этого варгана напоминает очертания корпуса лютневого инструмента топшур; термин демонстрирует соединение монгольского и тюркского слов); у кумандинцев и челканцев – комос/комус, у тубаларов – кобус, у теленгитов – кой-комус, тая-комус («ветка-комус»), у кызыльцев, койбальцев и сагайцев – хомыс, у хакасов – тимер-хомыс, у башкир – кубыз/кумыз, темир кумыз, агас кумыз, у татар – кубиз, у чувашей – кубс, купас, у тувинцев – демир-хомус («железный хомус»; др. название мыйыс-хомус), кулузун-хомус («бамбуковый хомус»; др. название – шелер-хомус, шелер – «дергать», сээк-хомус, сээк – «кость», чес-хомус, чес – «красная медь»), ыяш-хомус («деревянный хомус»; др. названия: адыр-хомус, адыр – «развилка», «ответвление»; дая-хомус, дая – «жимолость», сээскен-хомус, сээскен – «таволга», тал-хомус, тал – «тальник», хараган-хомус, хараган – караганник), чарты-хомус (чарты – «щепка»; др. название шавылаар-хомус; у тофалар чарты-хомус – струнный лютневый инструмент), у казахов – шанкобыз/шанкауыз, у киргизов – темир-комуз («металлический комуз [т.е. лютня]»), ооз-комуз («ро-

товой комуз»), жигач-ооз-комуз, у узбеков и таджиков – чанг-кобуз/кавус («арфа-кобуз»), у туркмен – гопуз, у азербайджанцев – агыз-гопуз (ағыз қорғизу; «губной гопуз»), у якутов – хомус, ыяш-хомус, мас-хомус («деревянный хомус»), чарты хомус²⁶, у нетюркских народов: у марийцев – умша-ковыж («ротовой ковыж»), или ковыж/комыж, также кабас, кабаш; у калмыков – комос, у иранцев – копуз (qorus; исторический термин, зафиксирован в Персии в XV в., ныне в Иране варган называется занбурак).

III. ГАРМОНИКА (АЭРОФОН): в XX в. у чувашей – кубос, или хут куб[о]с (букв. «бумажный кубос»), у алтайцев – комыс, в Хакасии у качинцев (а по Радлову – у теленгитов) – кат комус (кат – «слой, ряд»), у кумандинцев и челканцев – комос, у ногайцев Дагестана – кобыз.

IV. ДУХОВОЙ ИНСТРУМЕНТ (АЭРОФОН): а) у румын в XVII в. sobuz – пастушеский рожок, свирель; б) в районе Карпат в начале XX в. кобза – волынка.

В Этимологическом словаре тюркских языков (М., 2000. С. 70) упоминается такое значение: «кубыз – духовой миниатюрный инструмент».

V. СТРУННЫЙ (ФРИКЦИОННЫЙ) БАРАБАН (МЕМБРАНОФОН)²⁷: у чехов (в простонародье) кобза – одно из наименований струнного барабана, известного также как букал.

Приведенный обзор (который, вероятно, может быть еще расширен) показывает следующее.

1) Исконное значение термина – «струнный щипковый инструмент» охватывает огромный географический ареал.

2) Значение «струнный смычковый инструмент» компактно локализовано главным образом в Казахстане, отчасти Узбекистане и Туркмении и на Северном Кавказе, довольно

неожиданно «всплывает» у гагаузов Молдавии.

3) Значение «варган» также компактно локализовано, преимущественно в Средней Азии и Казахстане и в Сибири. В Европе, несмотря на широчайшее распространение варгана и множество его терминологических обозначений, наименование варгана термином, производным от тюрк. *кобуз* – «*кобза*», зафиксировано лишь в Белоруссии в одном источнике конца XIX в. (1879 г.). И в культурах Восточной и Юго-Восточной Азии, и в Африке варганы обозначаются исключительно своими национальными терминами (а всего в мире известно свыше 1000 наименований варгана).

4) Обозначение термином «*кобуз/кобза*» духовых инструментов и фрикционного барабана составляет исключение, но свидетельствует, скорее, о распространении термина в общем значении – «музыкальный инструмент».

5) Перенесение термина на новый для культуры инструмент – *гармонику* свидетельствует о его глубоком укоренении в народной памяти и расширении его значения до обобщающего – «музыкальный инструмент».

А теперь обратимся к арабскому миру. В первой половине XI в. значительная часть огузов под предводительством султанов из рода Сельджуков после захвата Ирана, юга Закавказья и почти всей Малой Азии покорила Сирию, Ирак и Йемен. Возможно, тогда-то на Аравийский п-ов и попал инструмент, восходящий к персидской лютне *барбат*, но под тюркским наименованием – в арабском произнесении *кабус*, *канбус* и др.²⁸ В Йемене лютневый щипковый инструмент, более известный как *уд ас-сан'а* («уд Саны», по названию города), имел и второе наименование – *кабус*. В Омане инструмент известен как *габ-*

бус (*gabbūs*), в Саудовской Аравии – *габус*.

Из Йемена инструмент попал в мусульманские культуры Юго-Восточной Азии: Индонезию, Бруней, Малайзию (вероятно, в начале IX в.), где ныне известен как *гамбус*. Причем в Малайзии под этим названием бытуют две разные лютни – *гамбус хадрамаут* («хадрамаутский *гамбус*», восходящий к арабскому *уду*), и *гамбус мелайю* (восходящий к йеменскому *кабусу*, то есть опосредованно – к персидскому *барбату*).

Аравийский термин образовал свою область родственных слов, подобное название лютни известно в Занзибаре (Танзания; в X в. здесь появились персы из Шираза) и на Коморских островах – *габуси*, *гамбуси* и даже на Мадагаскаре – *кабоса*²⁹.

В заключение рассмотрим исследуемый термин в разнонациональных письменных источниках (в хронологическом порядке), точнее – в тех из них, которые удалось обнаружить.

В византийском толковом словаре (ок. 800 г.), по сведениям Г.Дж. Фармера, термин «*кобоз*» (*koboz*) поясняется греческим термином «*пандурион*» (*пандура*, т.е. лютня с длинной шейкой³⁰). Арабский ученый (перс по происхождению) Ибн Даста (X в.), говоря о славянах (северных хорватах?), среди музыкальных инструментов (в русском переводе Д.А. Хвольсона 1869 г. – «лютни, гусли и свирели») называет *кобозы* (по непроверенным сведениям). В упомянутом словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) *кобуз* определяется как «струнный музыкальный инструмент». Термин упоминается в польских хрониках с кон-

ца XII в. Слово «*kobus*» встречается в средневерхненемецком языке, термин был известен и в Латвии. В Венгрии в середине XIV в. жил известный музыкант Николаус по прозвищу Кобзос («игрок на *кобзе*»)³¹. В начале XV в. крупнейший музыкальный теоретик Абд аль-Кадир Мараги (Абдулгадыр Мараги) среди лютневых щипковых инструментов своей эпохи упоминает наряду с *кобузом* озанов (*кобуз-и озан*, или *озан*; 3-струнный лютневый с длинной шейкой) и «византийский *кобуз*» – *купуз руми*, то есть византийскую лютню (с большим корпусом и 5-ю двойными струнами)³². Словом «*kobez*» в чешско-латинском словаре «*Bohemariis*» (XIII в.) передано латинское *nabulum*³³ (церковнослав. *набломъ*, то есть псалтирь). Термин «*kobos*» появляется даже в Пражской Библии 1488 г. (в Дан 3:5, 1 Пар 15:16, 28)³⁴, что ярко свидетельствует о его широкой известности³⁵. Он встречается в чешской литературе XVI–XVII вв. в одном ряду со словом «*лютня*». В иллюстрированном детском словаре чешского гуманиста Яна Амоса Коменского «*Orbis sensualium pictus*» (издания 1685 г.) среди разноязычных соответствий слову «*лютня*» есть венгерский («мадьярский») термин *koboz*³⁶ (и в Румынии, и Молдавии *лютню* также называли тюркским термином – *кобза*).

Завершая это краткое исследование, следует отметить, что тюркский термин «*кобуз*» отличается редкой «живучестью», а ареал его распространения столь обширен, что можно говорить о его уникальном положении в музыкальной инструментальной терминологии мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В основе статьи – расширенный и дополненный текст моего опубликованного доклада, см.: *Есипова М.В.* Древнетюркский термин «кобуз» («музыкальный инструмент»): история и география распространения // *Этнокультурные взаимодействия в Ев-*

разии: пространственные и исторические конфигурации. Материалы Международной научной конференции (Барнаул, 2012). Барнаул, 2012. – С. 71–81.

² Судя по поздним историческим свидетельствам, это инструмент типа лютни с длинной шейкой. Родина этого типа инструмента – Месопотамия, точнее Вавилон, первые изображения датируются 3 тыс. до н.э. Со II в. до н.э. он распространился в Средней Азии, куда пришел из Передней Азии.

³ Исключения единичны и касаются терминов позднего происхождения. К ним относится «кубыз – духовой миниатюрный инструмент», упоминаемый в Этимологическом словаре тюркских языков (М., 2000. С. 70), или, например, японский термин «мокин» – «деревянный кин» – обозначение ксилофона, т.е. ударного инструмента.

⁴ См. подробнее в кн.: *Feldman W. Music of the Ottoman Court*. Berlin, 1996.

⁵ См.: *Семенов А.А. Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII век)*. Ташкент, 1946. – С. 19, 76.

⁶ В очерке «Музыкальные инструменты Китая» (см.: Музыкальные инструменты Китая. Иллюстрированный очерк. Авторизованный пер. с кит. под ред. и с доп. И.З. Аллендера. М.: Государственное музыкальное издательство, 1958. С. 20) под аналогичным названием приводится изображение иной лютни с длинной шейкой и односторонними колками, датированной династией Мин (1368–1644). Этот инструмент, известный монголам как *хобис*, сохранился доньше в Китае у народа наси (под названиями *сугуду*, *хубо*, *хобосу*).

⁷ См.: *Courant M. Chine et Corée. Essai historique sur la musique classique des Chinois // Encyclopédie et Dictionnaire de la musique du conservatoire*. P. I. Histoire de la musique. Paris, 1931. P. 77–241; М. Куран приводит рисованное изображение инструмента, близкого современной тибетской лютне *даньен* и родственной *кобузу-рабабу* Османской Турции (подобный инструмент был известен и в Индии в эпоху Моголов). То есть под названиями, производными от слова «кобуз», в Китае описывали две конструктивно разные, но, видимо, родственные лютни с длинной шейкой.

⁸ Однако арумыны (македонские румыны) *кобузу-лютню* называют термином турецкого происхождения – *бузук* (*buzuke*), см.: *Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic – Dictionnaire aroumain (macédo-roumain) général et étymologique*. Ed. a doua augmentată. București, 1974. P. 300.

⁹ Интересно, что корень *коб-* в том же значении встречается в музыкальной инструментальной терминологии саамского языка: саамский бубен имеет название *кобдас* (также *каннус*), в прошлом, в своей древней форме, инструмент делался из выдолбленного корытообразно куска ствола дерева (то есть с точки зрения органологической классификации это был не бубен, а литавра). Однако в тюркском мире «*кобуз*» и производные слова никогда не обозначали ударные инструменты.

¹⁰ В.В. Бартольд относит время сочинения поэмы к началу XV в., но оговаривается, что «сюжеты некоторых легенд, конечно, могут быть гораздо древнее» (*Бартольд В.В. Китаби-Коркуд*, I, Архив АН СССР, ф. 62, оп. 1, №183, стр. 205 – по интернет-ресурсу). Предания о Коркуте встречаются у всех тюркских народов огузской и кипчакской ветви. Эпос дошел и в письменном виде (две рукописи – Дрезденская и Ватиканская, конец XVI – начало XVII вв.).

¹¹ Ныне слово «озан» у тюркских народов вышло из употребления; его заменили такие термины, как «бахши» (узб., туркм.), «акын» (казах.), «ашуг», «ашик» (азерб., тур.) и др. Однако есть исторические свидетельства, что в XV в. озаны выступали при дворе египетских мамлюков и турецких султанов; у туркмен термин еще в XVIII в. использовался как синоним слова «бахши». Объяснение смысла слова дает в середине XVII в. персидско-турецкий словарь Шу'ури (составлен в 1664–1665 гг.). По словам Шу'ури, которые приводит В.В. Бартольд, озанами (узанами) называют по-турецки класс людей, играющих на *тамбуре*, сказывающих песни и читающих «Огуз-намэ» (т.е. эпические сказания). Арабский термин «*танбур*» употреблен здесь, скорее, как типологический, т.е. как обозначение щипкового лютневого инструмента с длинной шейкой.

¹² Пер. на рус. язык З.-А. Ауэзовой-Эрмерс (Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 1300 с.).

¹³ См.: Сузукей В.Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М.: ИД «Композитор», 2007. – С. 76.

¹⁴ Sachs C. The History of Musical Instruments. New York, 1940.

¹⁵ Сам термин «баглама» появился лишь в XVIII в.

¹⁶ Названные инструменты принадлежат к древнейшему типу лютен с длинной шейкой, родина которых – Месопотамия (первые вавилонские ее изображения датируются 3 тыс. до н.э.). На территории Азербайджана при археологических раскопках были найдены сосуд и глиняные пластины с изображением лютни с длинной шейкой, датируемые 6 тыс. до н.э. В 3–2 вв. до н.э. из Передней Азии этот тип лютни попал в Среднюю Азию. Появление в изобразительных источниках инструмента, который можно считать *кобузом*, некоторыми исследователями датируется IV в.

¹⁷ См.: Герасимов О.М. Ия ковыж // Музыкальные инструменты. Энциклопедия. М.: Дека-ВС, 2008. – С. 234.

¹⁸ В финно-угорских языках есть аналогичный термин, обозначающий понятие «музыкальный инструмент», это – «kgez», возможно, как-то связанный с тюркским «кобуз» (в удмуртском языке «крэзь» – название цитровидного щипкового инструмента типа русских *гусель*; термин этимологизируется в удмуртском языке как «пение», «напев», исполнитель называется крезчи, то есть словом с тюркским суффиксом, обозначающим деятеля; в марийском языке термину «крэзь» соответствует термин «гарьзе»).

¹⁹ См.: Юноки-Оиз К. Балалайка бесписьменной традиции довоенного времени: Исследовательский очерк. М.: РАМ им. Гнесиных, 2004. – С. 17.

²⁰ Далее приводится абзац из моей статьи «Кобуз» (Музыкальные инструменты. Энциклопедия. М.: Дека-ВС, 2008. С. 279) с существенными дополнениями. Помимо названной энциклопедии использованы следующие основные источники: Атлас музыкальных инструментов народов СССР / Сост. К. Вертков, Г. Благодатов, Э. Язовицкая. 2-е изд. М.: Государственное музыкальное издательство, 1963, 2-е изд. 1975; Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002; Гуллыев Ш. Туркменская музыка (наследие). Алматы, 2003; Сузукей В.Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М.: ИД «Композитор», 2007; Гирфанова А.Х., Сухачев Н.Л. Балкано-тюркские изоглоссы, изопрагмы и изодоксы (Музыкальные инструменты и термины) // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В.Н. Топорова. М.: «Индрик», 2007. – С.182–189; Сузукей В.Ю. Хомус в традиционной культуре тувинцев. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2010.

²¹ Этот уникальный 4-струнный инструмент близок тибетской лютне персидского происхождения *даньен*, одно из зафиксированных названий которой – *korhons*, – вероятно, также восходит к слову «кобуз».

²² В XVI–XVIII вв. так обозначали два типа лютневых инструментов – с длинной шейкой и круглым корпусом (прототипом которого могла быть как русская *домра*, так и *турецкий танбур*, или *танбур тюрки*) и с короткой шейкой, аналогичный молдавской и румынской *кобзе* (т.е. восходящий к европейской *лютне*). На Украине с XVII в. «кобза» – синоним *бандуры*.

²³ Последнее название, как и европейское «*лютня*», происходит от арабского обозначения лютневого инструмента с артиклем – *аль-уд*. Оно дало наименование молдавским и румынским традиционным музыкантам – *лэутары*, так же как и украинская *кобза* образовала аналогичные термины – *кобезники*, позднее – *кобзари*.

²⁴ См.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1899.

²⁵ Там же. С. 652.

²⁶ Произносительная норма «*хомус*» породила и иную, народную, этимологию термина: от якут. «*хомуһун*» – «волшебство, колдовство, чары; шаманский фокус при мистерии: умывание кровью для изгнания злого духа», Г.В. Попов возводит термин к древнетюрк. «*ховуз*» – «слово, произносимое для изгнания злого духа»; «*ховуз огуз*» – «заклинание для изгнания злого духа».

²⁷ Вибрация мембраны струнных барабанов возбуждается посредством трения продетой через нее палочки, пучка конского хвоста и т.п.

²⁸ На вероятное родство тюркского термина «*кобуз*» и южноаравийского арабского названия лютни *канбус*, *кабус* (араб. qanbus, qabus) впервые обратил внимание Курт Закс. *Канбус* – это лютня с короткой шейкой и грушевидным корпусом, долбленным из цельного куска дерева, с наполовину кожаной декой, общей длиной 90–100 см. Вряд ли сам инструмент тюркский, скорее, он восходит к персидскому *барбату*.

²⁹ См. ст.: *Poche Ch.* Qanbus // *The New Grove Dictionary of Musical Instruments*. Vol. 2. Macmillan Press LTD., 1984. P. 168–169.

³⁰ Возможно, отсюда и возникшая значительно позднее парность украинских терминов *кобза/бандура*, *кобза* – в контексте народной культуры, *бандура* (от греч.) – в контексте книжной, письменной культуры.

³¹ От подобных «профессиональных» прозвищ ведут свое происхождение такие известные в России фамилии, как Кобузов (зафиксирована с конца XV в.), Кобуз, Кобзарев, Кобзев, Кобзиков, Кобзырев, Кобизов, Кобызов, Кобызев, Кобзон.

³² См.: *Farmer H.G.* ‘Abdalqadir Ibn Gaibi on instruments of music // *Oriens*. 1962. Vol. 15; *Агаева С.* Музыкальные инструменты средневековья в трактатах Абдулгадаыра Мараги // *Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка*. Ч. I. М.: Советский композитор, 1987.

³³ См.: *Фаминцын А.С.* Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа. С. 95–96.

³⁴ Перевод осуществлялся в течение XII–XIV вв.

³⁵ См.: *Коляда Е.И.* Музыкальные инструменты в Библии. Энциклопедия. М.:ИД «Композитор», 2003. С. 108. Как правило, при переводах Библии для передачи названий музыкальных инструментов использовали известные в данной культуре термины.

³⁶ См.: *Leng L.* Slovenské ľudové hudobné nástroje. Bratislava: Vidavateľstvo Slovenskej Akadémie vied, 1967. S. 23.

УДК 94 (470.41) “1941/1945”

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЫЛА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РЫНОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В Г. КАЗАНИ В 1941–1945 гг.*

А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук

В настоящее время среди российских ученых актуализировались исследования, посвященные различным аспектам проводившейся в советском государстве социальной политики. В том числе повышенный интерес специалистов вызывают проблемы военной повседневности 1941–1945 гг.

Нападение фашистской Германии, оккупация важных сельскохозяйственных территорий вызвали серьезные проблемы в сфере снабжения армии и гражданского населения продовольствием и товарами широкого потребления. В 1942 г. доля рыночных фондов основных продуктов питания по сравнению с 1940 г. сократилась: сахара – в 6,6 раза; жиров – в 2; кондитерских изделий – в 4,8; чая – в 2,3; мясных продуктов – в 2,8 раза¹. Также существенно уменьшились и фонды вещевого снабжения: хлопчатобумажных тканей – в 12, кожаной обуви – в 11, спичек – в 8 раз².

В условиях ограниченности продовольственных и промышленных ресурсов остро встал вопрос о необходимости жесткого регулирования и справедливого распределения имевшейся в наличии товарной массы. В стране произошло усиление централизации хозяйственного и партийного руководства. Планы реализации потребительских благ, определение

контингентов снабжаемого населения, распределение фондов согласно введенной в государстве карточной системе – все эти вопросы находились под постоянным контролем государственных и партийных органов. Более того, крайняя скудость централизованных фондов снабжения потребовала поиска и привлечения дополнительных источников выживания населения. Особое внимание было уделено формированию подсобных хозяйств предприятий и учреждений, расширению личных подворий колхозников, развитию огородничества, организации сбора дикорастущих плодов, ягод, грибов.

Сохранялось в военные годы и значение рыночной торговли. Правда, уровень товарооборота на рыночных площадках значительно снизился, что привело к резкому удорожанию продуктов питания и непродовольственных товаров. В данной статье мы предлагаем рассмотреть вопросы состояния рыночной торговли на материалах тыловой Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны, особо акцентируя внимание читателей на таких аспектах, как динамика цен в военное лихолетье, степень организации встречной торговли для привлечения сельчан, соотношение объемов привозимой на рынки кол-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-11-16012а/В/2013.

хозной и индивидуальной сельхозпродукции, санитарное состояние рыночных площадей и т.п. Надеемся, что привлечение новых архивных источников позволит во многом по-новому оценить качество и уровень жизни населения Республики Татарстан в военное время.

Согласно архивным источникам, наиболее крупные торговые операции проводились в столице Татарстана – г. Казани. Рынки функционировали в Дзержинском, Свердловском, Молотовском, Кировском и Ленинском районах города. В 1943 г. было начато строительство новых рынков в поселке им. Свердлова в Ленинском районе и в Дербышках³.

Операции на рыночных площадках в первый период войны осуществлялись с заметным затруднением. Привозы продуктов из колхозов существенно сократились. В конце 1941 – начале 1942 гг. рыночная торговля приобрела особенно напряженный характер. Для того чтобы исправить ситуацию, власти прибегали к испытанным еще до войны методам и формам воздействия на колхозников. В прикрепленные к городам районы направлялись уполномоченные для агитации и организации вывоза продуктов. В 1941 г. таким путем было заключено 257 договоров с колхозами, согласно которым за 10 месяцев указанного года сельчане должны были завезти в столицу 2110,7 тонны продукции. Правда, поступило лишь 109,45 тонны, что составило 5,2% от запланированных объемов. Среди проигнорировавших указания руководящих инстанций о необходимости насыщения рыночных площадок продуктами сельского хозяйства оказались Сабинский и Кзыл-Юльский районы республики⁴. Первый заключил 34 договора, второй – 15, но при этом ни одного килограмма продукции ими привезено не было⁵.

Наиболее резкое снижение в привозе было зафиксировано в ноябре–декабре 1941 г., в связи с чем республиканский обком ВКП(б) и СНК ТАССР провели совещание, на которое пригласили председателей близлежащих колхозов, а в дальние 56 районов направили указания об усилении агитационной работы среди колхозников и организации вывоза излишков полученной в хозяйствах продукции⁶. Благодаря принятым мерам, в целом за 1941 г. на рынки Казани удалось завезти 14 280,23 тонны продукции⁷, но это было существенно меньше того, что поставлялось в довоенный период (в 1940 г. объем привоза составлял 20 414,61 тонны⁸. – *А.К.*).

Начиная с первых чисел января 1942 г. продукты от колхозов – мука, горох, овощи – начали поступать более регулярно, причем по сниженным ценам. Например, если ранее мука крупного размола продавалась по 25 руб. за кг, то в этом месяце колхозы установили цену в 8–10 руб., горох продавался за 5–10 руб. против прежних 20 руб., капуста свежая – за 3–5 руб. против 10 руб. и т.д. Вместе с тем привезенных объемов было явно недостаточно, особенно если принять во внимание, что население г. Казани только за 1941 – 1942 гг. за счет эвакуированных возросло с 401 до 515 тыс. человек⁹. К тому же период снижения цен оказался очень недолгим. Сами вынужденные покупать промышленные товары втридорога с рук, колхозники не хотели отдавать за бесценок привезенную продукцию.

Получившая распространение в довоенный период т.н. встречная торговля, ранее служившая для колхозов определенным стимулирующим фактором, тоже неуклонно сворачивалась. Суть ее заключалась в том, что ранее за сданную по более низким ценам продукцию колхозни-

ки имели возможность на основании выданных справок приобрести в филиалах промтоварных магазинов товары повседневного спроса (посуду, одежду, сельхозинвентарь) по специальным расценкам. Но отсутствие достаточной массы промышленных товаров сдерживало развитие встречной торговли, причем тенденция к ее свертыванию сохранялась все военные годы. Так, если в начале 1941 г. в Казани насчитывалось 188 подобных торговых точек для колхозников, то к концу года их число уменьшилось на 80¹⁰. Ассортимент же в оставшихся не удовлетворял спроса приезжавших ни на товары сельского хозяйства, ни на предметы ширпотреба.

В 1942 г. положение с продовольствием заметно ухудшилось. В первом полугодии 1942 г. завоз сельскохозяйственных продуктов составил только 55% к количеству продукции, ввезенной за тот же период 1941 г.¹¹. Количество заключенных договоров снизилось до 117¹². Из предполагавшихся для поступления 102 тонн сельхозпродуктов в действительности было привезено только 18 тонн (18,2%)¹³. На специальном заседании Татарского обкома партии в апреле 1942 г., главным вопросом которого было обсуждение ситуации в гг. Казани и Зеленодольске, показательными со знаком «минус» оказались Балтасинский район, продававший в месяц на городских рынках только 0,4 тонны продуктов, Тюлячинский – 3,4 тонны, Столбищенский – 3,7 тонны, Пестречинский – 6,6 тонны¹⁴.

Недостаточный завоз продуктов, низкий удельный вес участвующих в торговле на городских рынках колхозов (в январе – 12% от общего количества, в феврале – 5,4%, в марте – 20,5%) предопределили тот факт, что на рыночных площадках существенно увеличилось число спекулянтов-перекупщиков¹⁵.

Торговали и продуктами, получаемыми из централизованных фондов, и промтоварами. В 1942 г. была предана суду и осуждена по ст. 107 Уголовного Кодекса гражданка Мамдуха Шайхутдинова, проживавшая в поселке Юдино. Незаконно приобретая хлеб через своего мужа, работающего возчиком продуктов столовой станции Юдино, она занималась спекуляцией хлебом¹⁶. В мае 1942 г. нарследователь Кукморского района Шарипжанов задержал на рынке Ивана Фокина, который продавал табак-махорку по 40 руб. за стакан. Следствием было установлено, что Фокин, следуя домой после излечения в госпитале, в пути занимался игрой в карты. Выиграв 2200 руб. у фронтовиков, закупил табак, который и продавал в Кукморе по спекулятивной цене¹⁷. В июне 1943 г. в г. Казани была вскрыта группа лиц, занимавшаяся спекуляцией марлей. Начальник аптеки эвакогоспиталя Ланцева выписывала фиктивные требования от имени госпиталя на марлю и покупала ее в аптеке № 14 по 80 коп. за метр якобы для нужд госпиталя, а затем передавала закупленное спекулянтам, которые реализовывали марлю на рынке по 2–3 руб. Всего таким образом преступная группа перепродала 40 583 метра ткани, «заработав» на этом 68 994 рубля¹⁸.

Борьбу со спекуляцией возглавляли работники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) и сотрудники уголовного розыска. Для усиления и улучшения своей работы они проводили внезапные проверки торговых организаций и столовых, контролировали работу вахтерско-сторожевой службы, следили за порядком на крупных предприятиях, обеспечивали сохранность и строжайшее распределение продовольственных и промтоварных карточек, выслеживали и задерживали с поличным спекулянтов.

По статистическим данным, только в 1942 г. по республике в целом ими было привлечено к уголовной ответственности в первом квартале – 428 чел., осуждено – 233; во втором квартале – 669 чел., осуждено – 441; в третьем квартале – 487 чел., осуждено – 238 человек¹⁹.

Спекулятивные настроения граждан подпитывались резким ростом среднерыночных цен на продукты питания. Согласно материалам РГАС-ПИ, стоимость 1 кг картофеля всего за два года войны (1941 – 1942 гг.) выросла в Татарстане с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., баранины – с 25 до 250 руб., свинины – с 28 до 250 руб., яиц – с 12 до 130 руб. за десяток, молока – с 5 до 60 руб. за литр²⁰.

Причем сельскохозяйственную продукцию, как правило, реализовывали не колхозы, а частники. Удельный вес торговли коллективных хозяйств за 1 полугодие 1942 г. составил всего 11,2%²¹, а за весь 1942 г. – 5,8%²². Остальное продавалось в индивидуальном порядке. Число торгующих всем и вся приобретало все более увеличивающиеся масштабы.

Причиной этого являлось в том числе продолжавшееся обвальное снижение объемов встречной торговли. Вместо того, чтобы привлечь колхозников на рынки города через открытие новых точек, торгующие организации, наоборот, закрывали существующие: всего за один год войны – с 15 июня 1941 г. по 15 июня 1942 г. – прекратили свою работу 159 торговых ларьков²³. В целом встречная торговля в 1942 г. снизилась против первого года войны на 31,2%²⁴.

Мало способствовало улучшению дела и неудовлетворительное состояние городских рынков. Территория их находилась в антисанитарном состоянии: проезжие дороги проходили близко к местам реализации продо-

вольственной продукции, площадь была загажена человеческими испражнениями, от загрязненных мест распространялось зловоние²⁵. На рыночных площадках не соблюдались элементарные санитарно-гигиенические правила: мясо продавалось без клеймения, молоко – без анализа, торговля пищевыми сельхозпродуктами производилась вместе с вещами и предметами домашнего обихода. Не в должном порядке находилось весоизмерительное хозяйство: например, на Суконном рынке при проверке весов было обнаружено расхождение в 45 граммов²⁶.

Тем не менее именно рынок в годы войны оставался единственным местом, где можно было купить необходимые для жизни продукты. Но позволить себе приобрести их по столь высоким ценам мог позволить не каждый человек. В заявлениях и жалобах людей во власть это проявляется наиболее заметно: «Кормиться с рынка нет никакой возможности», – пишет на фронт мужу Сабиру Минанбаеву его жена, – т.к. на рынке хлеб очень дорог, а средств на покупку хлеба с рынка нет»²⁷. Эвакуированная из Белорусской ССР в г. Бугульму Дистерло сообщает своим родным: «...Уже забыла, когда ела хлеб... Питаюсь картошкой, когда сыта, а когда и сутки ничего не ешь! Мука – 90 руб. пуд, не на что купить»²⁸.

Тяжелые жизненные обстоятельства обусловили даже появление на рынках «нового вида спекулянтов» – «ложечников», «стаканников», как они обозначались в информационных материалах судебных органов²⁹. В связи со значительным ростом цен и неспособностью граждан покупать продукты в тех количествах, в каких они приобретались ранее, распространенной практикой стала продажа продовольственных товаров не килограммами, а ложками, стаканами и т.д.

Совершенно неподъемные цены установились также на промышленные товары. Пальто мужское среднего качества в 1942 г. стоило в Казани 6000 руб., сапоги – 3000 руб.³⁰, шерстяной платок – 200 руб., валенки – 250 руб.³¹ Вышеупомянутая Дистерло, получив от отца денежный перевод на 200 руб., вместо того, чтобы радоваться, совершенно растерялась: «Вот, спасибо, папа, выслал 200 руб., да и не знаю, что на них покупать... Мороз ужасный (письмо датировано 13 февраля 1942 г. – *А.К.*), в осеннем пальто и шапка красненькая, и перчаток даже нет. Вот положение хоть куда»³².

Сложившуюся в 1942 г. неблагоприятную ситуацию на рынках города власти пытались исправить через принятие целого ряда мер. Наиболее важными являлись такие, как установление постоянной связи с сельскими районами и колхозами по вопросам развития колхозной торговли на городских рынках через уполномоченных, основной задачей которых являлась организация привоза продовольствия на рынки городов Татарстана; оборудование на каждом городском рынке специальных чайных; наведение порядка и чистоты в столовых и въездных дворах; организация торговли промтоварами с целью удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд колхозов и колхозников; выделение специального гужевого транспорта для отправки излишков продуктов от колхозников, изъявивших согласие продавать их по сходным ценам и т.п.³³.

Однако принятые меры не оказали в целом существенного влияния на увеличение привозов колхозами республики. Сельчанам было невыгодно сдавать выращенную сельхозпродукцию в потребкооперацию. Самостоятельная реализация приносила колхозникам гораздо большую выручку. Вместе с тем по отдельным,

прописанным в постановлении, позициям некоторый эффект наблюдался. Как показывают документы, частично была благоустроена территория существующих рынков, началось освоение новых рыночных площадок. Активизировалась деятельность сотрудников милиции, которые занимались выявлением спекулирующих граждан. Хотя из-за недостатка времени и наличного контингента правоохранительных органов, даже в случае задержания, нарушителей нередко отпускали, ограничиваясь наложением штрафа без применения более серьезных санкций³⁴.

1943 г. был отмечен увеличением привоза сельхозпродуктов на городские рынки, за исключением зерновых продуктов, торговля которыми была строго запрещена до выполнения госпоставок по республике. Но привоз этого года не показателен, т.к. он в значительной степени обеспечивался частниками. Из-за того, что 1943 г. стал самым тяжелым для аграрного хозяйства Татарстана, полученная в колхозах продукция составила только половину от запланированных объемов, причем практически вся она ушла на покрытие госзакупок³⁵. В связи с этим колхозный компонент в общем привозе сельскохозяйственной продукции снизился до максимальных пределов и равнялся всего 0,3%³⁶ (28,76 тонны)³⁷. Договора на доставку 546 468 кг излишков продукции были заключены в 171 колхозе 10 районов Татарстана, реализованы же они оказались в среднем на 0,9%. В том числе Высокогорский район, заключив 19 договоров, выполнил свои обязательства лишь на 0,2%, Столбищенский (31 договор) – на 1,8%, Юдинский (30 договоров) – на 0,8% и т.д.³⁸

Встречной торговли не было организовано совершенно, что немедленно отразилось на активизации деятельности перекупщиков. Особенно

много торгующих скапливалось на Центральном рынке Дзержинского района столицы Татарстана, они заполняли не только рыночные площади, но и подходы к ним, торговали «и фондовыми продуктами, и кустарными изделиями, и вещами домашнего обихода...»³⁹.

Вопросы борьбы со спекуляцией и расхитительством находились на особом контроле у советско-партийных структур. Примечательной в этом плане является речь Председателя Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухаметова от 6 апреля 1943 г. В своем выступлении, озаглавленном «Сохранность социалистической собственности – священный долг советского гражданина», он подчеркивал, что «жесточкая борьба с хищением соцсобственности, с расточительством, излишествами и пренебрежительным отношением к народному добру» является «проявлением советского патриотизма» и призывал: «...Ни одна копейка народного добра не должна пропасть даром. Нельзя допускать, чтобы ничтожная кучка шкурников на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на транспорте, в столовых и магазинах, в различных советских и кооперативных уч-

реждениях своими нечистоплотными действиями подрывала основы социалистического строя, расхищая общественное добро...»⁴⁰.

В следующем, 1944 г., завоз сельхозпродуктов на рынки г. Казани возрос на 770,9 тонны, или на 8% против предыдущего года, и составил 10 359,7 тонны. Произошел он в основном за счет мяса (рост на 21,5%), картофеля (на 14,7%), овощей (на 8,4%), но резко сократился привоз битой птицы, жиров, молока, муки и крупы⁴¹. Увеличение привоза объяснялось, во-первых, высокой урожайностью картофеля и овощей в изучаемом году; во-вторых, протекционистской политикой властей по отношению к развитию огородничества в городе и на селе, которая позволяла гражданам часть излишков отдавать на реализацию на рыночные площадки.

В отличие от 1943 г. возросла и колхозная составляющая в общем привозе сельскохозяйственной продукции. В 1944 г. она увеличилась до 3,07% (318,3 тонны)⁴². При этом оборот встречной торговли оставался невысоким. Попытки привлечь организации Наркомторга к расширению ассортимента и увеличению количества торговых точек не удавались.

Таблица 1

Привозы сельскохозяйственной продукции на рынки г. Казани в 1941–1945 гг. (в тоннах)*

Параметры	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Общее кол-во продукции	14280,23	9118,87	9588,85	10359,77	13187,45
В т.ч. завезено колхозами**	1173,0	532,42	28,76	318,34	159,7
Колхозный компонент в %	8,2	5,8	0,3	3,07	1,21

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р–3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–2; Д. 36. Л. 1–4; Д. 41. Л. 1–2.

** Здесь следует иметь в виду, что указанный процент составлялся не только из продукции колхозов ТАССР. Сюда включались также и объемы колхозной продукции, получаемой из соседних регионов.

Цены на основные продукты питания на рынках г. Казани в 1940–1945 гг.
(на 1 июня соответствующего года, в руб.)*

Наименование продукции	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Масло топл., кг	–	50	450	500	450	200
Масло слив., кг	–	42–50	425	425	400	150
Говядина, кг	28	26	250	200	270	140
Баранина, кг	25	25	300	200	300	150
Свинина, кг	28	28	300	350	400	190
Картофель, кг	2	2–50	25	35	47	8
Капуста, кг	2	–	40	50	70	12
Мука ржаная, кг	–	5	50	140	–	–
Крупа-пшено, кг	–	–	120	200	–	–
Яйца (дес.)	12	25	50	12	12	6
Молоко, л	–	9	30	35	40	15

* Составлено по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Ч. 1. Л. 7.; НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 26 – 27; Д. 36 Л. 2-4; Д.37. Л.1. Д. 41. Л. 1.

В основном преобладали скупочные и комиссионные палатки с низким качеством обслуживания и удельного веса предложенных для продажи протомварных изделий.

В последний год войны (1945 г.) привоз сельскохозяйственных продуктов на рынках Казани возрос на 2830 тонн, или на 27,3% против завоза 1944 г., и составил в абсолютных значениях 13 187,45 тонны⁴³. Управление рынками заключило 161 договор с колхозами в восьми районах Татарстана, по которым должно было быть завезено 904,3 тонны разных сельхозпродуктов. Фактически поступило 47,7 тонны по 71 колхозу, т.е. обязательства колхозами были выполнены всего лишь на 5,27%⁴⁴. Одновременно следует отметить и уменьшение колхозного компонента в общем привозе, он опустился до 1,21% против прежних 3,07% в связи с прекращением завоза картофеля и овощей из соседних областей из-за снижения цен на них⁴⁵ (см. табл. 1).

Итак, совокупный анализ объемов привозимой на рынки Казани сельскохозяйственной продукции показывает,

что наиболее резкое ее снижение произошло в первые годы войны. Затем, в течение 1943–1945 гг., наблюдался небольшой прирост. Безусловно, выявленная динамика непосредственно влияла и на среднерыночные цены. Наибольший рост цен отмечался в 1942–1943 гг., когда приобретение продуктов стало по существу недоступно для большинства населения. В последующий период стоимость продуктов на рынке более-менее стабилизировалась (см. табл. 2). Хотя нельзя исключать и роль привходящих факторов: цены устанавливались в зависимости от сезонных колебаний, урожайности в аграрном секторе. Реальное воздействие на уровень цен оказывала также деятельность властных органов, направленная на заключение договоров с колхозами, развитием встречной торговли, созданием соответствующих условий для торгующих и т.д.

По оценкам специалистов, в среднем по стране цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз⁴⁶.

Важную роль в нормализации торговли в военные годы и снижении стоимости продовольственных и промышленных товаров сыграло возрождение⁴⁷ системы коммерческой торговли. 18 марта 1944 г. было принято постановление СНК СССР «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, искусства и литературы, а также высшего офицерского состава Красной Армии», согласно которому у обозначенных категорий появились новые возможности для покупки продовольственных и промышленных товаров сверх утвержденных норм, без карточек. Но в реальности формулировки, прописанные в документе, оказались весьма условными. В коммерческой торговле обслуживались не только указанные лица, а все желающие, обладавшие необходимыми денежными активами. Единственное, при продаже товаров работникам

науки, искусства и литературы действовала скидка в 25%, офицерам Красной Армии – 35%⁴⁸. Т.е. коммерческая торговля, рассчитанная на людей со средствами, преследовала цель отвлечения платежеспособного спроса из сферы государственного нормирования.

Таким образом, в годы войны для решения вопросов материального обеспечения граждан власти использовали не только централизованные фонды, но и пытались привлечь и дополнительные источники потребительских благ. Тяжелое положение с продовольствием и предметами ширпотреба заставляло их принимать определенные меры, в том числе по активизации колхозной торговли. Однако дефицит товарной массы привел к тому, что цены на рынках города были непомерно высоки. Поэтому поход на рынок для большинства граждан был роскошью, которую они себе позволяли в крайних ситуациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1988. – С. 313.

² Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1985. – С. 131–133; История социалистической экономики СССР. Т. 5. – М., 1978. – С. 489.

³ НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 3 об.

⁴ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 26.

⁵ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 2 об.

⁶ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁷ Там же.

⁸ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 26.

⁹ Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Казань, 1977. – С. 78.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 28. Л. 27.

¹¹ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. 31. Л. 4.

¹² НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 788. Л. 4 об.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 5. Д. 372. Л. 62.

¹⁵ Там же. Л. 62 об.

¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 147. Л. 76.

¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 473. Л. 64 об.

- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 65.
- ²⁰ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической документации). Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Ч. 1. Л. 7.
- ²¹ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
- ²² НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
- ²³ НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 788. Л. 5.
- ²⁴ НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 829. Л. 147. В некоторых архивных источниках приводятся еще более существенные цифры снижения суммы оборота встречной торговли в 1942 г. по сравнению с 1941 г. В работе Е.Г. Кривоножкиной приводятся данные о ее сокращении на 47,5%. См.: *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001. – С. 108.
- ²⁵ НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 852. Л. 54.
- ²⁶ НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 788. Л. 5; Д. 829. Л. 147.
- ²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.
- ²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.
- ²⁹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 422. Л. 222 об.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 232. Ч. 1. Л. 7.
- ³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.
- ³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 343. Л. 2.
- ³³ Постановление Татарского обкома ВКП(б) от 8 апреля 1942 г. См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 372. Л. 62-63.
- ³⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 146. Л. 102–104.
- ³⁵ Татария в период Великой Отечественной войны: Сб. док. и мат. – Казань, 1963. – С. 155.
- ³⁶ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
- ³⁷ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- ³⁸ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 об.
- ³⁹ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 4 об.
- ⁴⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 322. Л. 76-78.
- ⁴¹ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- ⁴² НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- ⁴³ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
- ⁴⁴ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 41. Л. 1 об.
- ⁴⁵ НА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
- ⁴⁶ История СССР. – М., 1974. – Т. X. – С. 285.
- ⁴⁷ Попытки введения системы т.н. коммерческой торговли предпринимались еще в начале войны, о чем свидетельствует постановление СНК СССР от 18 июля 1941 г. «Об организации коммерческой торговли в городах Москве, Ленинграде, отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей». Согласно ему, предусматривалась организация через специализированную коммерческую торговую сеть реализации нормированных продовольственных товаров по повышенным ценам, без карточек. В 1942 г. она постепенно прекратила свое существование.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

Аннотация

В статье рассматриваются место и роль рынков в жизни населения г. Казани в годы Великой Отечественной войны. Автор показывает, что в условиях дефицита основных

прод- и промтоваров, ограниченности централизованных фондов значение рыночной торговли продолжало сохраняться, но цены на продукты питания и предметы широкого потребления были непомерно высоки. В статье освещаются такие вопросы, как конъюнктура рынка, динамика цен, состояние рыночных площадок в военное время и т.п.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, продовольственное снабжение, рыночная торговля, встречная торговля, динамика цен.

Summary

The article describes place and role of markets in life of population of Kazan at 1941–1945. Author considers maintenance of importance of markets in conditions of deficiency of food and manufactured goods, although prices of these general products were excessively high. The article deals with such questions like conjuncture of market, prices' evolution, markets' state at wartime, etc.

Keywords: The Great Patriotic War, the Republic of Tatarstan, subsistence, marketing, countertrade, price movement.

УДК 321(091)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА СРЕДИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР*

Р.М. Мухаметшин, доктор политических наук

А.Р. Мухамадеев, кандидат исторических наук

До появления на берегах Волги арабского посольства волжские болгары уже были знакомы с мусульманской религией. В целом болгары как этнос составляли одно из крупнейших сообществ Хазарского государства. Несмотря на то, что официальной религией Хазарского каганата считался иудаизм, а верхушка хазарского общества, включая самого кагана, придерживалась иудейской религии, среди народов этого обширного государства было очень большое количество как христиан, так и мусульман. Болгары, как правило, считались приверженцами ислама.

Еще в IX веке, в эпоху расцвета Хазарского каганата, здесь было распространено мусульманское право. Очевидно, болгарским купцам, посланам, чиновникам нередко приходилось сталкиваться с хазарскими мусульманами, даже на самом высшем уровне. Авторитетный историк X века ал-Масуди утверждал, что в Хазарии сам правитель и его окружение – иудеи, а большинство народа, советники и воины – все мусульмане. «Нынешнего визиря зовут Ахмад ибн Куба. Поэтому можно сказать, что Хазария в руках мусульман»¹. Ал-Бекри также сообщал: «Они имеют бани, рынки, мечети, имамов и муэдзинов. Большинство хазар мусульмане и христиане»².

Ибн-Русте упоминает о хазарских городах Хабнела и Сарашен, примыкающих друг к другу, где «живут мусульмане, имея мечети, имамов, муэдзинов и начальные школы». С этим упоминанием согласуются ибн-Фадлан и ал-Масуди. Они свидетельствовали, что мусульмане жили в восточной части города, уточняя при этом местонахождение хазарского войска в царской резиденции, т.е. в западной части города. Войска тем временем состояли, по крайней мере, большинство, из мусульман³.

Ал-Масуди пишет, что хазарские мусульмане в свое время жили в Хорезме, но когда там началась эпидемия чумы, бежали в Хазарию. Эти мусульмане были сильными, выносливыми, бесстрашными людьми, которых народ называл «ларшии» («ларсии»). Позже это название перешло ко всем мусульманам государства. Каган опирался на эту категорию населения, за поддержку он обязался соблюдать следующие условия для них:

1. Дает мусульманам возможность открыто соблюдать свои религиозные предписания, строить мечети, медресе, исполнять праздничные молитвы, говорить азан;
2. Советник кагана должен быть из числа ларшиев;
3. Когда хазарский каган воюет с мусульманами, местные мусульмане не участву-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-16011 а/В / 2013.

ют в этой войне, когда же он воюет с другими народами, ларшии оказывают ему всяческую помощь.

Действительно, в столице Хазарии у мусульман было много мечетей, медресе, где обучали Корану, минарет главной соборной мечети смотрел в сторону дворца кагана. Мусульмане обладали необходимыми средствами для войны и оружием, «и если мусульмане с христианами объединятся против кагана, то он не сможет противостоять им»⁴. Несмотря на широкое распространение среди населения, официально ислам был принят в Хазарском каганате лишь в конце X века.

Волжская Болгария официально входит в орбиту мусульманской цивилизации в начале X в. (922 г.). С распространением ислама среди болгарского общества развивается и правовая наука на основе шариата, идет процесс проникновения в широкие массы норм мусульманского права, регулирующие все стороны жизнедеятельности человека и общества. Создаются теоретические труды по правоведению, практическому применению норм шариата, появляются свои авторитетные знатоки религиозных норм и права.

Источники сохранили имена болгарских правоведов, кадиев того времени, которые, впрочем, были знаатоками и в других отраслях науки. Например, болгарского **кази** Якуба ибн Нугмана аль-Булгари (XII век), автора книги по истории Булгарии. Известно, что Абу Хамид ал-Андалуси в 1134 г. посетил Булгар и даже встречался с автором книги «Болгар тарихы», поэтому в своих произведениях он приводит некоторые цитаты из слов этого человека. Закария ибн Мухаммад ал-Казвини пишет, что автор этой книги был дружен с Абу ал-Магали Абдулмаликом ибн Абдуллою ал-Джавайни, который скончался в 1163 г.⁵

Еще один известный ученый – Абу ал-Аля Хамид ибн Идрис ал-Кадиди ал-Булгари (XII век)⁶. Также известны имена шейха имама **кази** Гимадуддина Абу Бакра Мухаммади ибн ал-Хасана ибн Мансура ан-Насафи, имама **факиха** Абу Бакра Мухаммада ибн Гумара ал-Баззара. Шейх Ахмад ал-Бьргьри (Булгари) (XI век) слыл великим ученым, знатоком законов шариата⁷. Сохранилось имя болгарина Йа`ла ибн Исхак ал-Хорезми, по прозвищу «Судья»⁸.

Имена некоторых болгарских правоведов до нас донесли древние надмогильные памятники: например, «шейха, имама славнейшего, ученого, поклоняющегося (Аллаху), аскету, **факиху** Садреддину аш-Ширвани»⁹.

К концу X века Волжская Болгария уже имеет все признаки развитого раннефеодального средневекового государства с единой культурой, территорией, центральной властью. Доказательством последнего является заключение договоров с Русью, в которых болгарские условия предлагаются от имени всего государства¹⁰. К этому времени сформировалась и прочная правовая база страны, регулирующая практически все стороны жизни общества и человека, основанная на законах шариата.

Если в X – начале XII века на Руси завершается переход от устного обычного права к писаному праву, образованному вследствие формирования княжеского законодательства, «Закон русский» был преобразован в «Русскую Правду» – основной закон великих киевских князей, то в Волжской Болгарии ситуация в этом отношении складывалась несколько по-другому. С официальным принятием в начале X века ислама у волжских болгар отпала необходимость письменного закрепления норм обычного права, основанного на древнетюркских традициях. Усиление власти болгарского

правителя происходило через внедрение и применение уже готового свода норм арабского мусульманского права на государственном уровне. Относительно древнерусского государства необходимо отметить, что в становлении правового обычая как источника права также влияло возвышение роли христианской религии (православной церкви), но этот процесс шел более плавно, как наслоение и наложение на нормы писаной Русской Правды.

С развитием болгарского общества и государства, принятием ислама древнетюркское руническое письмо начинает уступать более соответствующему данному периоду развития государства арабскому алфавиту. Вместе с господствующим в Волжской Болгарии северокавказским вариантом древнетюркского рунического письма здесь в большом количестве встречались и тюрко-орхонские и болгарские варианты рунического алфавита. Руническое письмо не сразу перестало использоваться, самые последние рунические надписи относятся еще к XII веку. Тюркские руны отныне выполняют функции знаков символов, ими по большей части обозначались рода, племена, представители той или иной профессии. В этом отношении рунические тамги характерны и для последующих тюрко-татарских государств Среднего Поволжья, в частности, их можно встретить в материалах Улуса Джучи, Казанского ханства и в более поздние времена¹¹.

Дальнейшее развитие государственных и правовых взаимоотношений как внутри страны, так и во внешних взаимоотношениях, необходимость консолидации на основе общеповолжской культуры и языка требовали введения единой графики и общепонятного письма. Единая письменность требовалась для централизованного государственного аппарата, чиновников на местах, особенно

при переписи населения, учете и сборе налогов и пошлин, финансовых делах, торговых и международных отношениях. С началом употребления арабской письменности правовые взаимоотношения поднялись на новый уровень.

В Волжской Болгарии мусульманского периода существовало государственное и частное землевладение. Имущественные права собственников и связанные с ними неимущественные права охранялись законом. Вещное право предполагало деление имущества на недвижимое и движимое, обязательственное право регламентировало договоры купли-продажи, мены, дарения, займа, личного найма и др. Этому способствовали как использование норм права, берущих начало с первых древнетюркских государств, так и давнее знакомство волжских болгар с основами мусульманского права.

О знакомстве волжских болгар с основами мусульманского права еще до официального принятия ислама говорят предания собственно болгарского периода. Ал-Гарнати рассказывает историю, как один из мусульманских купцов из Бухары, бывший знатоком права, прекрасно знавший медицину, прибыл в страну болгар, где вылечил тяжелобольную жену правителя и самого местного царя. Царь болгар и его супруга выздоровели «и приняли ислам, и принял ислам народ их страны»¹². Факт наличия подобных историй может свидетельствовать об укоренении исламского мировоззрения в Волжской Болгарии к XII в.

Будучи в Булгаре, ал-Гарнати общался со многими просвещенными людьми, учеными, правоведами. Смысл слова «булгар» он объясняет как «ученый человек», о чем он прочитал в книге «История Булгара», переписанной болгарским кадием, который был из учеников нишапурс-

кого факиха Абу-ал-Масали Джувейни» (1028–1086) и являлся не только знатоком мусульманского права, но одновременно и суфием¹³. В записках «Подарок умам и выборки диковинок» ал-Гарнати рассказывает о болгарских великанах (альпах), о которых он слышал в Булгаре из уст судьи Йакуба ибн Нугмана¹⁴. Согласно предположению Б. Дорна, этот кадий и являлся автором «Истории Булгар»¹⁵.

Более того, ал-Гарнати свидетельствует о развитии среди тюрко-болгар гражданско-правовых взаимоотношений. Когда арабский путешественник был в городе Саксине, он посоветовал одному старику, который не знал что делать с найденной драгоценностью, выкупить за цену этого браслета «пленников из рук тюрок» и спросил: «Разве нет здесь (кого-нибудь) из ученых, который предписал бы тебе подобное этому?». Старик ответил: «Здесь такие ученые, что говорят: дай его нам, мы знаем, что с ним делать, а на самом деле они хотят его присвоить»¹⁶. По идее здесь речь идет о норме мусульманского права, когда находка не становится собственностью нашедшего, если в течение полугода или года розыска хозяин не обнаружится, рекомендуется обратиться к благотворительным целям.

Несколько идеализированную форму мусульманского государства и права можно встретить в труде главного министра ханского двора государства Караханидов Ю. Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») (1069–1070 гг.), получившем широкое распространение среди татар Поволжья и Приуралья. Целью произведения является описание традиционных представлений просвещенных тюрков-мусульман XI века о морали, праве, управлении государством и правовой структуре того времени, а также раскрытие этих традиций и внушение их правителям и другим госу-

дарственным мужам. В данном случае для нас важны не описание событий, а беседы и споры, точнее, их тематика, посвященная социально-политическим, нравственным и правовым проблемам.

Несмотря на то, что это произведение было написано приблизительно через сто лет после распространения ислама в Восточном Туркестане, по мнению некоторых исследователей, размышления автора об общественной жизни, нравственности, об управлении государством полностью основаны на представлениях тюрок доисламской эпохи. Влияние ислама в этом произведении они определяют как очень поверхностное, т.к. «тюрки Китайского Туркестана, кроме ислама, а может быть, даже больше чем исламу, были подвержены влиянию буддийской религии. Даже в XI веке в Китайском Туркестане были люди, придерживавшиеся этой религии. Из философских воззрений других народов чувствуется влияние лишь идей Конфуция. Но все эти влияния растворены в тюркских представлениях, которые свойственны духу автора»¹⁷. Это утверждение С. Максуди насчет государства уйгурских тюрок, в свою очередь, дает нам основание предполагать, что нормы обычного права среди волжских болгар также сохранялись еще довольно продолжительное время после принятия ими ислама.

Принципы обустройства идеального средневекового тюркского государства определены Ю. Баласагуни довольно четко. Государство должно быть правовым, основанном только на законе и справедливости. Страной правит благородный нравом хан знатного происхождения, для которого высшая справедливость – закон, поле применения закона – его государство. В первую очередь он должен возвышать не свою власть, а власть

закона. В справедливом управлении государством ему необходимы грамотные и умелые помощники. Главные личные качества, необходимые правителю: справедливость, решимость, великодушие, ум, щедрость, осведомленность и умение выбирать себе помощников в управлении государством. Руководитель государством может потерять власть по двум причинам: насилия, нарушения установленных правил; пренебрежения своими обязанностями.

После провозглашения Волжской Болгарией ислама официальной государственной религией он занял господствующую позицию. Несмотря на то, что языческие верования, представления и традиции исчезли не сразу, а некоторые обычаи были восприняты из предшествующих языческих представлений, эпоха язычества для волжских булгар в целом закончилась. Переменились взгляды на устройство мира, изменились взаимоотношения между людьми, возникли новые обычаи, традиции и обряды. Отныне образ жизни и поведение булгар стали регулироваться шариатом – юридическими нормами, принципами и правилами поведения, соблюдение которых означало ведение правильного, угодного Аллаху образа жизни. В числе прочих, булгарин-мусульманин должен был соблюдать одно из обязательных правил – прилагать максимум усилий для точного выполнения мусульманских законов, обычаев, проявлять усилие в усвоении истинной веры.

Начиная с X века во всем мусульманском мире наблюдается переход от официального ислама факихов и мутакаллимов к суфийскому исламу. Однако эта тенденция в каждом отдельно взятом регионе несколько отличалась во времени. Г.Г. Галиахметова, изучившая в тюркских художествен-

ных памятниках мотивы и ценности суфизма, в частности, Волжской Болгарии домонгольского периода и периода Золотой Орды пришла к выводу, что идеи суфизма в этом регионе не имели место в очень своеобразном рационалистическом аспекте, представители и поклонники которого отличались большей рационализацией и этизацией мистического опыта, отстраненностью от непосредственного переживания¹⁸.

В южных степях Восточной Европы домонгольского периода среди кочевников-кипчаков (или половцев) тоже постепенно распространилось арабское право. Разбирая единственный письменный источник половцев, говорит Г. Губайдуллин, мы находим много арабских терминов, среди которых рельефно вырисовываются такие термины, как «шариат», «казий», взятые из арабского права. Это объясняется тем, что в конце XII века наряду с христианством сильно распространяется ислам, с которым и проникло арабское «фикх»¹⁹.

Однако нашествие монголов на восточноевропейских тюрков на полстолетия затормозило дальнейшее распространение арабского права. Монголы принесли с собой законодательный кодекс Чингисхана – Ясу. Хотя Яса как кодекс обычного права кочевых монголо-тюрков имела довольно много общего с правом другого кочевого народа – арабов, булгары к этому времени уже исповедовали ислам. Прошло около полстолетия, пока Золотая Орда стала мусульманской страной, за это время две правовые системы совмещались как могли.

О дальнейшем авторитете мусульманского права среди тюрко-татар может свидетельствовать эпитафийная надпись, сохранившаяся к XVIII веку: «...наставник в закон Садр-э-дина Ширванского...»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-хбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – С. 72–73.

² *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть I. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1878. – С. 60.

³ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даства. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. – С. 17,68.

⁴ *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара... – С. 73.

⁵ *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара... – С. 101.

⁶ *Измайлов И.* Распространение и функционирование ислама в Волжской Болгарии // *Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки.* – Казань: Изд-во «Фэн», 2006. – С. 45.

⁷ *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара... – С. 101–103.

⁸ *Измайлов И.Л.* Великий Волжский путь и распространение ислама в Поволжье // *Великий Волжский путь: История формирования и культурное наследие. Материалы III этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь».* Часть II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2004. – С. 36.

⁹ *Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгара. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. – С. 108.

¹⁰ *Казаков Е.П.* О становлении государственности Волжской Болгарии IX–XI вв. // *Актуальные проблемы истории государственности татарского народа.* Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000. – С. 25.

¹¹ *Давлетшин Г.* Булгарская письменность (раннебулгарский и домонгольский периоды) // *Эхо веков, № 1, 2008.* – С. 26.

¹² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу и Центральную Европу (1131–1153). – М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. – С. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ *Садри Максуди Арсал.* Тюркская история и право. Пер. с турецкого Р. Мухамметдинова. – Казань: «Фэн», 2002. – С. 97.

¹⁸ *Галиахметова Г.Г.* Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007 – С. 130–13.

¹⁹ *Мухаммадеев А.Р.* Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – С. 21.

²⁰ *Березин И.* Булгар на Волге // *Ученые записки КГУ. Книга III.* – Казань: Типография Казанского университета, 1852. – С. 110.

Аннотация

В статье авторы пытаются проследить развитие мусульманского права среди волжских болгар. Представители болгарского сообщества были знакомы с исламом еще в составе Хазарского государства, так же как и среди волжских болгар были мусульмане до официального принятия ими ислама в начале X в. Как полагают авторы, это привело к применению среди них основ мусульманского права. С вхождением в орбиту мусульманской цивилизации, среди волжских болгар идет процесс проникновения ислама в широкие массы. Развивается и правовая наука на основе шариата.

Ключевые слова: Волжская Болгария, болгары, мусульмане, Хазария, ислам, шариат, право, кади, фикх (факих).

Summary

In this article the authors attempt to trace the development of Islamic law among the Volga Bulgars. Representatives of the Bulgarian community were familiar with Islam even within the Khazar state, as well as among the Volga Bulgars were Muslims before their formal adoption of Islam in the early tenth century. The authors believe this led to the use of these foundations of Islamic law. With the entry into the orbit of Muslim civilization among the Volga Bulgars in the process of penetration of Islam to the masses. Legal science is also developed on the basis of Sharia law.

Keywords: Volga Bulgaria, the Bulgars, the Muslims, the Khazars, Islam, Sharia, law, qadi, fiqh (faqih).

УДК 314(091)

В ПОИСКАХ ТАТАРСКОЙ ИСТОРИИ

М.И. Роднов, доктор исторических наук

Упорный многолетний труд коллег из Татарстана по созданию обобщающего труда по истории татарского народа достиг, наконец, эпохи рубежа XIX – начала XX вв., одного из ключевых этапов в истории России и всех народов нашего Отечества. Из достижений и проблем того бурного и противоречивого периода произросли революция 1917 г. и Гражданская война с победившими большевиками, установившими невиданный в мировой истории социалистический строй. Поэтому научное сообщество к данной теме всегда будет относиться с особым вниманием.

К поставленной цели создания всеобъемлющей этнической истории, а руководит проектом Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ, идут постепенно и не спеша, затрачивая на подготовку каждого тома до трех лет, что совершенно естественно и верно. Но это накладывает и свои обязательства. В объемном шестом томе¹ мое внимание привлекли две темы: *этническая статистика* и *экономика*, которые показаны в первых трех разделах.

Труд получился в целом достойный, фундированный, с грамотным научно-справочным аппаратом, само изучение которого весьма полезно профессиональному историку, редакция не пожалела места для детального показа различных аспектов истории татар, видна цель – максимально охватить все стороны народной жизни. Качественная полиграфия и изящные

иллюстрации дополняют позитивное впечатление.

В последние годы в разных республиках РФ вышло немало этнических историй и одним из центральных, но проблемных вопросов является определение численности этноса, его формирование и развитие на своей, «исконной» и, конечно же, «исторически обоснованной» территории. Вот и в татарской истории текст начинается с параграфа «Динамика численности и расселение татар в Поволжье и Приуралье» (с. 48–54), автором которого является один из ведущих современных историков Татарстана Д.М. Исхаков, признанный специалист по средневековью. У него уже выходил ряд статей по этнической демографии вплоть до рубежа XIX–XX вв., и знакомство с параграфом сразу вызывает «приступ» критики. Ключевая тема вообще показана тезисно и кратко, буквально с первой страницы автор начал рассуждать о... башкирах (с. 48–49), предпочитая труды Р.Г. Кузеева. Главным остается вопрос – куда же делись свыше 120 тыс. башкир Мензелинского уезда, которых к 1926 г., по данным Шибеева (кстати, весьма сомнительным), осталось лишь 1,5 тыс. чел.? И вывод: они и не были башкирами, так как за 29 лет, с 1897 по 1926 г. мензелинские башкиры «полностью сменили свою этническую идентичность, что нам кажется невероятным». А вот мне не кажется, особенно когда за дело берутся боль-

шевики, тем более провозгласившие национал-строительство.

Автор решает загадку мензелинских башкир легко – те к концу XIX в. «попросту не могли уже иметь башкирского этнического самосознания». И в длинном абзаце дается обоснование сего тезиса со ссылкой на монографию У.Х. Рахматуллина (М., 1988), где вообще-то говорится о населении Башкирии XVII–XVIII вв., к эпохе конца XIX в. Урал Хамитович вообще не прикасался. Историки же из Башкирии, которые тоже десятилетиями «мучаются» над улетучившимися мензелинскими башкирами (Р.З. Янгузин, А.З. Асфандияров и др.) и книжки печатают², вообще не упоминаются, их труды и аргументация не доводятся до сведения читателя.

Среди рассуждений встречаем загадочное: «Недаром все попытки земских статистиков в 60–70-х гг. XIX в. разделить башкир и татар самой северо-западной окраины Приуралья неизменно заканчивались неудачей». Интересно, это про кого? Уфимское земство (там, где спорный Мензелинский уезд) возникло в 1875 г., а первые статистические исследования прошли как раз в Мензелинском уезде в 1884 г.³ В первом в России Самарском земстве оценочно-статистическое бюро было создано в 1882 г.⁴ Ну не было тогда еще земской статистики и, конечно, уфимским и самарским земцам делать больше было нечего как разделять башкир с татарами. Да им вообще была безразлична эта проблема. Во время обследования 1895–1897 гг. в Уфимской губернии каждое уездное земство само группировало мусульманское население как заблагорассудится⁵.

До чего все это знакомо по всему Башкортостану. Перед нами опять избирательный подход к литературе и источникам (автор «не заметил» увесистого тома подворной переписи

1912–1913 гг. по Уфимской губернии, где есть Мензелинский уезд со всеми деревнями и численностью башкир в 154 324 чел.⁶). Сейчас, увы, нередко работы, авторы, источники, что не «ложатся» в искомую концепцию, просто игнорируются, на что обращено внимание в челябинской рецензии на пятый том истории уже башкирского народа⁷. Фактически в отдельных республиках Урало-Поволжья (далеко не всех) сложились автономные, замкнутые национальные историографии, не замечающие конкурентов, отгораживающие «своего» читателя от «неправильных» исследований⁸.

Не для того ли, чтобы иметь возможность высказывать в учебниках подобные перлы, как: «Однако было отказано во включении в состав Татарской Республики Уфимского уезда, большинство населения которого составляли татары»⁹. Каково? Итоги переписи 1917 г. по Уфимскому уезду: из всего числа жителей (без города) в 477 453 чел. русских насчитывалось 250 609 чел., уже больше половины, иных славян (украинцы, белорусы и др.) – еще 34 217 чел., представителей народов Поволжья (марийцы, удмурты, мордва и чуваша) – 14 540 чел., прочих (немцы, латыши и т. д.) – еще 7756 чел., итого – 307 122 чел., или 64% населения Уфимского уезда. Остальные тюрки-мусульмане, из которых, однако, башкир было 66 760 чел. (14% населения уезда). Примем все остальные группы за татар, коих окажется лишь 22% от всего числа сельского населения Уфимского уезда¹⁰. Как с арифметикой? – она в границах Татарстана еще не отменена? По данным переписи 1920 г., наблюдается переход части башкир в татары, но далеко не всех. И в Уфимском уезде в 1920 г. башкиры благополучно сохранили свою идентичность в деревнях Кучумово и Имамутдиново Караяку-

повской волости, Чишмы-баш, Чукараклы Абраевской¹¹ и др.

И опять к учебнику: «В состав Татарской республики не вошли Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды, большинство населения которых составляли татары»¹². Школьники, видимо, должны пролить тут горючую слезу по поводу отторгнутых от родины-матери исконных земель. Обратимся к новейшим данным переписи 1920 г., мой подсчет по подворным карточкам, первоисточнику. В Белебеевском уезде, в условиях, как я уже сказал, массового перехода башкир, тептяр, мишар к этнониму татары, в 1920 г. из 595 518 чел. жителей тюрки-мусульмане охватывали 363 892 чел., или 61,1%. В их числе башкир насчитывалось 87 704 чел., или 14,7%. То есть даже на западе Уфимской губернии, в самом татарском уезде татар (к ним отнесем все остальные группы тюрков-мусульман) было 46,4%¹³.

По Бирскому уезду сообщаем новейшие, еще нигде не публиковавшиеся итоги переписи 1920 г.¹⁴ Из всего числа жителей (без города Бирска) в 625 433 чел. тюрков-мусульман было 365 592 чел., включая деревню Ново-Кайнлыково, где сельчане вообще не указали, к какому роду-племени они относятся (или статистик забыл про такую несущественную деталь), что составляет 58,4% общего количества населения. Остальные – русские, марийцы и даже 19 крещеных татар. «Чистых» башкир (не включая башкиро-татар, татаро-башкир, башкиро-тептяр, тептяро-башкир) имелось 140 928 чел., или 22,5%. Если опять все иные группы тюрков-мусульман (татар, тептяр, мишар, мусульман и пр.) отнесем к татарам, то последние будут составлять 35,9% всего населения Бирского уезда (224 664 чел.). Немногом более одной трети. Причем сведения переписи 1920 г. дают максимально высокую долю татар,

предыдущие переписи 1912–1913 и 1917 гг. показывают большой удельный вес башкир. Из какого чудотворного источника почерпнули авторы школьного учебника свои выводы, любопытно узнать? К реальной исторической ситуации они не имеют никакого отношения.

А в шестом томе истории татар многоуважаемый Д.М. Исхаков поговорил о татаро-чувашских взаимосвязях, зачем-то об урбанизации (далее этот вопрос рассматривается подробно), миграциях, сопровождая все это двумя таблицами из своих ранних работ, где доводит сведения о численности татар аж до 1897 г. А что, казанские земские статистики в начале XX в. бездельничали? Неужто вообще не интересовались татарами – их численностью, живут, дескать, а сколько – неведомо? В соседних регионах тоже вообще-то трудились. Могу, к примеру, пополнить шестой том сведениями по Вятской губернии на 1912 г., где всего проживало 170 255 татар, немалое число, в Малмыжском уезде – 67 136 чел., в Елабужском – 58 462 чел. и т. д.¹⁵

Удачный параграф о городском населении. Авторы (Н. Хамитбаева, И. Загидуллин, Л. Свердлова, А. Сызранов, Д. Денисов) собрали интересный и новаторский материал¹⁶. Просто увлекательно читается вся вторая глава «Татары в регионах» – яркий, сочный текст, как будто совершаешь путешествие по татарским общинам, украшение тома!

А сам шестой том истории татар можно рассматривать как некий итог развития татарской историографии за прошедшие 20 лет суверенного существования местной исторической науки: свое независимое финансирование, свои институты и академия, свободное (да?) научное планирование, свои издательства, журналы и пр. и пр. И что же видим: историческая

демография татарского народа рубежа XIX–XX вв. не изучалась, пришлось извлечь из «средневековья» Д.М. Исхакова, больше никого не подготовили. В результате из истории татар (!) невозможно узнать о численности татар в начале XX в. в Казанской губернии. Ошеломляющее наблюдение! По-моему, в книге должны быть поезда данные, сколько татар проживало в Спасском, Лаишевском, Чистопольском и др. уездах. Прекрасные очерки о Касимове и литовских татарах и вакуум по основной этнической территории. Как это понять?

У каждой медали есть обратная сторона. Добротные материалы о городских татарах Российской империи прикрывают такой же вакуум в исследованиях по истории татарского крестьянства важнейшего пореформенного периода. Что нового создано в историографии Татарстана после трудов Ю.И. Смыкова? Практически ничего, социально-экономическое (и демографическое) положение абсолютного большинства этноса два десятилетия фактически не изучается. Все кинулись в политику и идеологию.

Когда-то начинавший как историк-аграрник И.К. Загидуллин представил параграф «Землевладение и землепользование татар-хлебопашцев в пореформенный период». Все верно, но... скромно, сноска на новую литературу единицы (за отсутствием этой самой литературы). Кто пишет параграф о налогообложении – О.И. Марискин из Саранска, кто говорит о социально-экономическом развитии татар Поволжья – Н.Ф. Тагирова из Самары. Собственно татарстанскую историографию представляет этнограф Н.А. Халиков (монография 1995 г., итог еще советской эпохи). А третий раздел тома хорош. Названные авторы (а также Л. Свердлова и М. Гибадуллин) создали прекрасную панораму общего хозяйственного развития

Поволжья, удачно вписав туда собственно этническую историю. Мои поздравления коллегам!

К этнической истории возвращаемся во втором разделе тома «Сословно-социальные группы татар». Лилия Байбулатова справедливо акцентирует внимание на татарском дворянстве Уфимской губернии. Их было много по России, но татарские дворяне-помещики существовали только здесь. Надо четче отделять мелкопоместных (без крепостных) «дворян-лапотников», как звали их у нас, в Башкирии, от владельцев усадеб. Ну и, конечно, в академическом томе не удержались от популистского фрагментика о русских дворянах – потомках татарских мурз. Интересно, о русских женах татарских деятелей советской эпохи будет говориться в следующем томе?

После грамотного материала о татарах в качестве отметим параграф о мещеряках башкирского историка Л.Ф. Тагировой. Еще один «суверенный вакуум» татарстанской историографии последних десятилетий. Недавно переиздали классическую работу Р.Г. Мухамедовой о татарах-мишарах, а где же новейшие исследования? Практически ничего существенного, нижегородцы пишут. Не потому ли такой жалкий интерес в Татарстане к мишарской теме, что она не подпадает под господствующую идеологию «казанской сироты» (назовем ее так) – про угнетенный и закабаленный железной имперской пятой (то бишь русской) татарский несчастный народ? А вот мещеряков не крестили, землей в изобилии наделяли, они сами шли в авангарде российского империализма.

Ильшат Файзрахманов детально рассказал о тептярях, весьма неплохо, но почему-то остановился на 1865 г. Тептяри фиксируются и в переписях начала XX в., вплоть до советской эпохи. Читателю об этом знать не положено?

Отдельный параграф в истории татар «*Башкиры*» (с. 174–177) И.К. Загидуллина сразу добавил адреналина при чтении. А что, совершенно логично, ведь большое количество башкир вошло в состав современного татарского народа, было ассимилировано, инкорпорировано (в следующем томе должен быть, по-моему, раздел – ассимиляция мензелинских, елабужских, бугульминских башкир). Автор скрупулезно повествует о военно-служилом положении башкир в кантонную эпоху (без сноски на Алишева можно было обойтись). На с. 176 автор четко указывает на двойное понимание башкир – «сословное и этническое». Bravo! Есть башкиры по сословию¹⁷, а есть башкиры по национальности. Именно так и рассуждали современники, например Н.А. Гурвич в 1860-е гг. Но, видимо, убоявшись своего радикализма, И.К. Загидуллин затем пускается в неуместные рассуждения, опустившись аж в XVII в. Том хронологически о чем? Ну хорошо, хоть про стольный град Башкорт ничего не сказал. И вот за это нельзя не похвалить, позитивно оценил кантонную эпоху (с. 177).

Замысел редакторов тома особо выделить сословный фактор, забытый и «приниженный» в советский период, нельзя не приветствовать. В Российской империи все население делилось по конфессиям и сословиям, этничность была побочным, дополнительным, малозначимым компонентом идентификации. Например, если бы царское правительство выделило крещеных татар в отдельное сословие со своими правами и обязанностями, землей и налогами, то, возможно, кряшенская этническая группа сейчас была бы совершенно иной. Вот и говоря о башкирском вопросе, «занозе» татарской историографии, о котором в этом томе (напомню, истории *татар*) начинают

рассуждать с первого параграфа первой главы первого раздела, читатель (непредубежденный) должен ясно видеть конкретную сословно-этническую ситуацию.

Башкиры («исторические») были единственным, уникальным в этом смысле народом, у которого сословие (вотчинник) и этничность практически совпадали (иные сословные группы были незначительны). В Российской империи не было просто башкира, был башкир-вотчинник. И постепенный распад всей сословной структуры, который медленно происходил на последних этапах империи (первыми «откололись» башкиры по сословию), прямо влиял на этническую идентификацию. А когда в 1917 г. Временное правительство отменило сословия де-юре, а большевики – де-факто, «рухнувшая» сословная идентичность «потянула» за собой этническое самоопределение, тем более когда за это взялись большевики¹⁸.

Без сомнения, если бы Ленин и Сталин отдали в ТАССР еще Белебеевский и Бирский уезды, там сейчас тоже не было бы никаких башкир. Национал-коммунистические элиты Татарии разобрались бы и с ними (как в Мензелинском уезде), и ничего удивительного и оригинального здесь нет, вспомним судьбу русинов и кашубов в социалистической Польше. Впрочем, татарским историкам не надо так далеко смотреть на запад, проще глянуть к восходу солнца. В условиях авторитарных, а тем более тоталитарных режимов, элиты и решают кому кем быть, с кем дружить и что читать (особливо в учебниках). Нам в Башкортостане это тоже прекрасно известно.

В целом же шестой том истории татар отразил современную историографическую ситуацию перехода, затянувшегося кое-где, увы, перехода от автократических (в интернациональ-

ном или национальном вариантах) возможной свободой научного познания. Но движение есть, неумолима наступающей демократии, с максимально поступь истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. – Казань, 2013.

² Из последнего: *Асфандияров А.З.* Аулы мензелинских башкир. – Уфа, 2009. – 598 с.; *Асылгузжин Р.Р., Юсупов Ю.М., Салауши Т.А.* Западные башкиры: политическая история, проблема этнической идентификации. – Уфа, 2010.

³ См.: *Роднов М.И.* Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5; *Он же.* Массовые источники по истории Мензелинского уезда рубежа XIX–XX вв. // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 71; др.

⁴ *Кабытов П.С., Арнольдов Н.А. и др.* Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). – Самара, 2009. – С.167.

⁵ *Роднов М.И.* Спор о цифре: численность башкирского народа во второй половине XIX – начале XX вв. // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М., 2006. – С. 126.

⁶ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 254–255 (кроме того, в Мензелинском уезде проживали русские – 135 150 чел., татары – 93 403, тептяри – 36 783, крещенные татары – 26 058, мордва – 6151, чувашаи – 3922, марийцы – 2448, а всего – 458 239 чел.).

⁷ *Назыров П.Ф.* Региональная история через призму национальной историографии: к выходу пятого тома «Истории башкирского народа» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. История. Вып. 52. С. 158–159.

⁸ Мои взгляды: *Роднов М.И.* Уроки Любавского // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономического и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа, 2010; *Он же.* Конструирование образа крестьянства (современная историография Башкортостана на переломе эпох) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М., 2011.

⁹ *Галлямова А.Г., Гибатдинов М.М., Кабирова А.Ш.* История татарского народа (XX – начало XXI вв.): учебное пособие для 11 класса средней общеобразовательной школы с русским языком обучения (профильный уровень). Казань, 2012. С. 20.

¹⁰ *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. – Уфа, 1997. – С. 188–189.

¹¹ ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 684, 909.

¹² *Галлямова А.Г., Гибатдинов М.М., Кабирова А.Ш.* Указ. соч. С. 21.

¹³ *Роднов М.И.* Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М., 2009. С. 118–119.

¹⁴ Подсчитано по: ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 751–868, 925.

¹⁵ Перепись населения и скота Вятской губернии. Подворная перепись населения и скота в Вятской губернии 1912 г. Вятка, 1914. С. 318 (данные любезно предоставил А.Д. Коростелёв).

¹⁶ Уточним еще одну цифру. На с. 88 И. Загидуллин утверждает, что в Уфе к 1910 г. татары составляли уже треть уфимцев (32,8%, или 31 897 чел.), ссылаясь на издание «Города России в 1910 году» (СПб., 1914, страница не указана). А по данным на 1 января 1912 г., в Уфе из общего числа жителей в 106 459 чел. лиц, исповедующих магометанство (то есть не только татар, но и башкир и пр.) насчитывалось 19 318 чел.,

или всего 18,2% (Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1914. С. 22). Татарская община веками являлась в Уфе второй по численности, но чтобы в начале XX в. они составляли треть жителей города – это нелепица, в которой легко убедиться, взяв любой из справочников по Уфе того времени.

¹⁷ «Башкирами» называли себя тептяри, мишари, маришцы и некоторые другие группы населения, состоявшие в Башкиро-мещерякском (Башкирском) войске, что свидетельствует о второстепенности этнической идентификации перед сословной. И даже после роспуска войска в 1863–1865 гг. они продолжали именовать себя башкирами, что подтверждают данные переписи 1917 г. Полностью «сословные» башкиры перешли к другим этнонимам – татары, мари – лишь в годы революции и Гражданской войны. Существование башкир «по сословию» некоторые исследователи переносят на весь башкирский этнос, «не замечая» исторических башкир, в состав которых, конечно же, в XVI – начале XVIII и даже в XIX (казахи) вв. влились различные иноэтничные группы. Но совершенно те же процессы (ассимиляции, инкорпорации) происходили у русских и даже казанских татар (вспомним чувашей Арской дороги).

¹⁸ И снова учебник: «Большие споры разгорелись вокруг Мензелинского уезда, который в конечном счете по настоянию самих его жителей был включен в состав Татарской Республики» (*Галлямова А.Г., Гибатдинов М.М., Кабирова А.Ш.* Указ. соч. С. 20). То есть трудящиеся Мензелинского уезда, где только что отгремели залпы Гражданской войны и ушли карательные отряды, расстреливавшие крестьян – участников восстания «Черного орла», конечно же, возмечтали присоединиться к Татарской автономии, других желаний в условиях начинавшегося в 1920 г. страшного голода у них не было. Любопытно, что напишут об этом в седьмом томе?

Аннотация

В рецензии 6-го тома «Истории татар с древнейших времен» оценивается определенный итог развития татарской историографии за прошедшие 20 лет; автор уделяет главное внимание первым трем разделам тома, посвященным этнической статистике и экономике. Подробно анализируется демографическая ситуация в Уфимской губернии, отмечаются просчеты при подсчете башкирского и татарского населения региона, вкратце указываются достоинства и некоторые упущения в разделах.

Ключевые слова: шестой том Истории татар, демографическое развитие татар, башкиры, сословные группы татар, социально-экономические процессы, Волго-Уральский регион XIX – начала XX вв.

Summary

The certain result of the development of the Tatar historiography for the last 20 years is estimated in the review of the 6th volume of the "History of the Tatars from ancient times", the author focuses on the first three sections of the volume devoted to ethnic statistics and economics. The demographic situation in Ufa province is analysed in detail, errors in the calculation of the Bashkir and Tatar population of the region are marked, the advantages and shortcomings in some sections are indicated briefly.

Keywords: the sixth volume of the History of the Tatars, the demographic development of the Tatars, Bashkirs, Tatars caste groups, socio-economic processes, the Volga-Ural region in the XIX – early XX centuries.

УДК 94(470.41)

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ВПК 1945–1955 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЗЕЛЕНОДОЛЬСКОГО СУДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА ИМ. ГОРЬКОГО)

Г.Д. Смирнов, аспирант

Первые послевоенные годы для оборонной промышленности ТАССР ознаменовались двумя тенденциями. Если для одних предприятий начинался этап временного перехода на выпуск гражданской продукции, то для других – процесс реконструкции и модернизации основного производства. Наиболее ярким примером второй группы является Зеленодольский судостроительный завод № 340. В данной статье на его примере мы хотим показать, что приоритеты в государственной политике не всегда означали легкость и простоту проведения модернизации.

Зеленодольский судостроительный завод ведет свою историю с 1895 г., когда были основаны Паратские судоремонтные мастерские, но статус судостроительного предприятия он получил только после реконструкции в начале 1930-х. В 1939 г. завод, к тому времени получивший имя А.М. Горького, переходит на выпуск оборонной продукции – большого охотника за подводными лодками проекта 122 (БО пр.122) для нужд пограничной охраны НКВД¹. В годы войны наряду с основным изделием предприятие было загружено производством бронекатеров, барж, буксиров и боеприпасов².

Первые послевоенные годы ознаменовались окончательным оформлением производственного облика предприятия. С июня 1945 г. завод № 340 прекратил выпуск последней непро-

фильной продукции – корпусов 76-мм снарядов³. Перед судостроителями была поставлена задача освоения массового выпуска нового изделия для ВМФ – большого охотника проекта 122 бис (пр.122б), разработанного горьковским Центральным конструкторским бюро № 51(ЦКБ-51) в 1944 г. Головной корабль опытной серии был заложен в Зеленодольске 30 июня 1945 г.⁴.

В связи с тем, что десятилетним судостроительным планом (1946–1955 гг.) предполагалось произвести 226 кораблей⁵, возникла необходимость в модернизации производства. Существовавшая на тот момент технология постройки кораблей в судояме с последующей, после паводков, достройкой на плаву не могла обеспечить выполнение высоких плановых заданий. Так, например, за все предыдущие годы было сдано только 16 кораблей проекта 122/122а⁶, что ставило на повестку дня вопрос о переходе к более прогрессивному поточному методу производства.

Фактически в десятилетнем процессе модернизации производства выделялись два этапа. На первом – путем общей ускоренной реконструкции производственные мощности поднимались до плановых показателей, что обеспечивало темпы выпуска изделий. На втором – происходила глубокая модернизация отдельных производств, замена временных со-

оружений и дальнейшее совершенствование технологий.

Начало первого этапа было положено в декабре 1945 г., когда при отделе главного технолога была сформирована бригада по разработке проекта постройки пр.122б поточно-позиционным методом, который был одобрен Техсоветом 12 февраля 1946 г. Согласно ему, выход на поточную линию устанавливался к 1 июля, а срок завершения генеральной реконструкции завода определялся 1949 г.⁷ В целях надежной перестройки с 1 сентября 1946 г. предлагалось организовать учебу для инженерно-технических работников, причем не только по изучению специальных дисциплин, но и иностранных языков, а также и передового зарубежного и советского опыта. Были предусмотрены также командировки на другие заводы и подготовка аспирантов⁸.

К началу 1946 г. силами завода удалось перебазировать 6, расширить 4 и организовать 2 новых цеха, наладить производство секций кораблей в корпусном цеху и, кроме того, смонтировать 198 станков, полученных по репарациям⁹. Однако уже тогда стало ясно, что выдержать плановые сроки по вводу конвейера не удастся. Неудовлетворительная организация работ генерального подрядчика, проблемы с выделением спецконтингента (военнопленные) на строительство¹⁰, несвоевременное снабжение стройматериалами и проектной документацией¹¹ привели к тому, что закладка кораблей все еще происходила в затоне.

В связи с этим заказчиком были урезаны производственные задания на 1947 г. Они предусматривали достройку и сдачу 9 из 20 находившихся в постройке судов со степенью готовности на начало года в 37–79%¹². Кроме того, было разрешено использовать комплектующие, полученные по ленд-лизу¹³. Вследствие чего

на все корабли 1-й серии (выпуска 1946–1949 гг.) устанавливались дизеля фирмы «Дженерал моторс», пулеметы системы «Кольта-Браунинга» и другое импортное оборудование¹⁴.

Но уже на начальном этапе возникли производственные трудности, поводом к которым стал головной корабль, находившийся к началу 1947 г. на сдаточной базе в Баку. Значительные доработки корабля на этапе ходовых испытаний, в связи с особенностью КБ от завода, создали ситуацию, когда доведение до завода изменений в документации происходило неоперативно, что в свою очередь приводило к переделкам всех объектов 1 серии. Так, например, были временно возвращены старые бомбометы БМБ-1, изменена установка компаса в рубке и конструкция клюзов. Всего за 1-й квартал 1947 г. ЦКБ-51 внесло 711 изменений в чертежах¹⁵.

На ритмичность работы производства сказывались и неувязки с многочисленными смежниками. В связи с отсутствием дизель-генератора «Хилль-Дизель» с шестого корабля серии перешли на установку «Джон-Райнер», с переделкой всех предыдущих пяти объектов, а проблемы с поставками насосов «Блекмер» на тот момент были нерешаемыми – отечественный аналог насоса «Красный Факел» РЗ-30 только проходил испытания. В течение года завод также испытывал трудности с поставками надстроек, гирокомпасов, эхолотов НЭЛ-3, труб, стальных листов¹⁶.

Кроме того, чрезвычайно осложнялось производство и природными факторами: в 1947 г. отмечался самый ранний (на 20–25 дней) за 50 лет паводок. В этих условиях, чтобы предотвратить затопление строящихся кораблей при подъеме Волги, с апреля 1947 г. все цеха, обеспечивавшие работы по всплытию объектов, были

переведены в режим чрезвычайного положения – на круглосуточную работу¹⁷. Тем не менее сроки производства части кораблей были сорваны на месяц, а два объекта всплыли недостроенными. Достройка их вне доков не представлялась возможной¹⁸. В результате всего этого план по номенклатуре заводом был выполнен лишь на 33,7%.

Тем не менее к 1 кварталу 1948 г. была освоена поточно-позиционная линия постройки (со сборкой на временном конвейере)¹⁹, а в марте – секционная сборка надстроек. Одновременно был сдан головной корабль, а со следующего года завод сдавал их уже по 25–30 единиц²⁰. За освоение этой, не имевшей до того аналогов в отечественном судостроении, технологии руководство завода в лице директора Б.Е. Бутомы, главного технолога В.С. Гусева, главного инженера В.Ф. Ивочкина, главного конструктора В.И. Цюпака, заместителя главного конструктора Н.М. Шомина, начальника производства С.Л. Смерковича, главного сварщика А.Г. Шаповалова и главного конструктора ЦКБ-51 по А.В. Кунаховича в 1949г. было награждено Сталинской премией 2-й степени²¹.

В течение 1948 г. были введены важные новшества в модернизацию материально-производственной базы завода: введен в строй цех надстроек и дымовых труб, что сокращало время их монтажа с 3 месяцев до 10 дней, пущена 1-я очередь потока с закладкой на ней объектов, построено и освоено спусковое устройство. Следствием внедрения секционной сборки было сокращение срока постройки в 3 раза. Кроме того, были организованы цеха оснастки, механизации и начаты работы по плавучей мастерской и набережной²². План сдачи объектов в 1948 г. был полностью выполнен, хотя из-за проблем предыдущих лет

отставание от плана пятилетки все же составляло 25%²³.

В то же время сохранялись трудности в работе строительного подрядчика, который, из-за разногласий с заводом по финансовым вопросам²⁴, за 10 месяцев 1948 г. освоил только 36% средств. В связи с этим были затянуты сроки по вводу 3 и 4 позиций конвейера, а строительство зимнего эллинга временно остановлено²⁵.

Началом второго этапа модернизации производства стало освоение заводом выпуска БО пр.122б II серии, рабочие чертежи которого были окончены конструкторами ЦКБ-51 в 1946–1947 гг. Новая серия предполагала отказ от импортных комплектующих (с монтажом отечественной силовой и вспомогательных установок) и переход на изготовление ходовой рубки и мебели из более совершенных материалов – легких сплавов с новыми радиоприборами²⁶.

В ходе осуществления поставленных задач в отдельных цехах были проведены важные технологические преобразования. Наиболее успешно осуществление мероприятий 1949 г. проходило по цеху № 3, где уже в январе были введены два комплекта кондукторов для объемных и плоскостных секций (что удвоило выпуск корпусов объектов). По цеху № 40 были смонтированы станки, рельсовая дорога и склады²⁷. Кроме того, был организован цех комплектации, перепланированы позиции потока и наконец-то введены в строй «долгострой» – зимний (теплый) эллинг поточного цеха, плавучая мастерская и причал. По плану новой техники были внедрены: механизм расточки валовых линий, с экономией времени в 2 раза²⁸, агрегатный монтаж надстроек и вспомогательных двигателей, освоено литье под газовым давлением, станки переведены на скоростное резание и сковки на штамповку²⁹.

Вместе с тем встала проблема снабжения комплектующими, в связи с чем в IV квартале 1949 г. встали корпусной, поточный, монтажный и деревообделочный цеха. Особо тяжелое положение складывалось с поставкой новой дюралевой мебели и заменой (из-за сильной вибрации) дизель-генератора марки 2Ч 13/18³⁰. Из-за необеспеченности металлическим листом и электродами объекты спускались в готовности 65–70% (вместо 85%) и достраивались в затоне³¹. Кроме того, при общем выполнении плана по вводу в строй капитальных объектов на 87,1% работы генерального подрядчика составили всего 55,3% к плану³², следствием чего стало отставание работ по большому и малому конвейерам. Таким образом, на начальном этапе производства полностью перейти на поточный метод по новому изделию не удалось³³.

Важным шагом в модернизации производства предприятия стала организация его конструкторского бюро – ЦКБ-340, которое было организовано 18 ноября 1949 г. из специалистов переведенного в Зеленодольск из Горького ЦКБ-51 (30 человек), среди них: Н.П. Бобров, Н.Х. Желясков, А.В. Медведев и конструкторы завода № 340: В.П. Цюпак, И.К. Святлов, В.Н.Знаменский, П.В. Голубев, П.Г. Голубятников, Н.Т. Шавыркина, А.М. Дегтярев, В.И. Ермасов, И.В. Бандурин, С.П. Антонов, Б.Ф. Баскаков, Г.А. Березовский. Начальником ЦКБ стал Александр Викторович Кунахович, с 17 мая 1947 г. работавший главным конструктором по пр.1226 и пр. 159 в ЦКБ-51³⁴.

В 1951г. началось строительство постоянного цеха конвейерной сборки для осуществления поточного производства судов. Он включал главный (4 тыс. м²) и малый конвейеры (6 тыс. м²)³⁵. Из-за проблем с поставкой металлоконструкций и настила³⁶

строительство цеха затягивалось, но тем не менее во 2-й половине 1951 г. стали проводиться попытки поставить новый вариант пр.1226 на конвейер³⁷. Одновременно с этим в цехе № 3 был освоен участок узловой сборки с внедрением передового опыта Сталинградской судовой верфи – технологии совмещенной сборки и сварки секций. Кроме того, на основании разработок ЦКБ был реорганизован винтотрубный участок с монтажом валопроводов на эластичных соединениях³⁸. Таким образом, впервые за 5 послевоенных лет был достигнут определенный прогресс. За 1951 г. завод изготовил 32 корабля.

В первой половине 1950-х гг. перед заводом ставилась задача построить 60 больших охотников пр.1226бис II серии, из них 42 уже в 1953 г. С учетом остальных заказов темпы производства должны были достигнуть выпуска 1 корабля в неделю. Основную роль по совершенствованию производства выполнял ЦКБ-340. К началу 1952 г. кроме модернизации пр.1226 и работ по новому изделию – катеру связи проекта 357 (на базе большого охотника) – коллективом была разработана техническая документация по варианту БО пр.1226 для ВМФ Польской Народной Республики³⁹, а в 1953 г. подготовлена техническая документация по постройке этих же кораблей в КНР⁴⁰. В течение 1954–1955 гг. проводились работы по оборудованию в испытательных целях опытного корабля пр.1226 (№ 833) ускорительной гидромоторной установкой на основе реактивного двигателя АМ-3К производства завода № 16 МАП⁴¹. В 1956 г. он был успешно сдан в г. Баку⁴².

Модернизация производства сопровождалась расширением и совершенствованием производственной базы предприятия. К 1954 г. были в основном завершены работы по пере-

воду основных цехов (корпусно-сборочного и конвейера) в новый блок корпусных цехов (БКЦ) с эллингом, что переводило серийную постройку судов на новый – блочный метод⁴³. Кроме того, были модернизированы два пролета старого корпусного цеха⁴⁴. Проведение в течение пятой пятилетки комплекса мероприятий позволило не только выполнить плановые задания, наращивая выпуск, но и снижать себестоимость в среднем на 6,5% в год⁴⁵.

Вместе с тем в первой половине 1950-х гг. завод испытывал те же трудности, что и в предыдущее пятилетие. Сохранялись проблемы несвоевременных поставок, невыполнения плана строительных работ. Под угрозой срыва оказались цеха корпусов и контрагентов⁴⁶. Кроме того, имелись проблемы и с поставками по кооперации нового оборудования, что приводило к неритмичной работе завода, следствием которой стала двойная загрузка потока объектами⁴⁷. Так, в 1952 г. завод № 206 затягивал поставку гидролокаторов Т-11 и дизель-генератора 4М4, завод № 194 – дюралевой мебели, завод № 457 – арматуры. К тому же только по кораблям пр.122б план возрос до 38 единиц с темпом одно изделие за 7,5 дня⁴⁸.

Кроме того, явно не способствовало ритмичной работе завода то, что стройтрестом № 40 так и не были до конца возведены цех сборки надстроек и мебели, спусковые устройства, дамба и укрепления берега в зоне затопления ГЭС⁴⁹. Частично это решалось собственными силами завода, например, для преодоления отставания по изготовлению надстроек, был переоборудован малый конвейер цеха № 40 под сборку их из деталей, поставляемых заводом № 134⁵⁰.

Программа последнего года пятилетки стала для завода знаковой, хотя выполнение ее было осложнено зна-

чительной перегрузкой цехов⁵¹ из-за одновременной работы на конвейер и экспортные поставки. Кроме всего прочего, программа включала в себя переход на выпуск нового изделия – катера пр.357 и освоение опытных объектов. Но, несмотря на все это, заказы на 1955г. по кораблям пр.122б, кроме одного (опоздавшего на 10 дней), были сданы в срок⁵². Что касается катера пр.357, то в течение года была организована постройка его блочно-секционным методом на конвейере с освоением изготовления его надстроек в цехе № 40. Кроме того, был пущен новый цех цветного литья, что снизило брак на 40%⁵³.

Для большого охотника же этот год стал последним в производстве. Хотя государственная программа и предполагала выпуск 31 объекта к 1965 г., от их постройки ввиду морального устаревания конструкции корабля отказались⁵⁴. В 1956 г. завод с крупносерийного производства одного изделия переключился на выполнение малосерийных заказов по многим проектам. Хотя и после свертывания производства БО пр.122б, ЦКБ-340 продолжало работу над ними до середины 1960-х гг. Но уже в качестве опытных изделий и испытательных стендов.

Таким образом, в течение послевоенного десятилетия Зеленодольский судостроительный завод прошел стремительный путь от небольшого предприятия, выполнявшего разовые заказы, до специализированного производства с самостоятельным конструкторским бюро. Завод стал головным производителем кораблей противолодочной обороны в стране. От устарелой технологии постройки в судовой яме он перешел к конвейерной сборке с механизированным спуском. И все это время своеобразным «двигателем» этих процессов служил «большой охотник», прошедший с заводом все основные этапы его исто-

рии 1930–1950-х гг. В последующие за этой 15-летней «эпопеей» годы завод и ЦКБ перешли на выпуск разнообразной, более сложной и современной продукции, от буксиров-толкачей и самоходных рефрижераторов до гражданских и военных кораблей на подводных крыльях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Качур П.И. Большие охотники за подводными лодками проекта 122а/122бис // Морская коллекция. – 2004. – № 1. – С.8.
- ² Большому кораблю – большое плавание /под ред. Н.Ш.Нагуманова. – Казань: Скрипта, 2010. – С.107.
- ³ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.186, л.29.
- ⁴ Качур П.И. Большие охотники за подводными лодками проекта 122а/122бис. – С.21.
- ⁵ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.208, л.3.
- ⁶ Большому кораблю – большое плавание. – С.108.
- ⁷ НА РТ, ф.Р-3828, оп.2, д.58, л.1–1об.
- ⁸ Там же, д.57, л.228–229.
- ⁹ ЦГА ИПД РТ, ф.1951, оп.1, д.101, л.3–4.
- ¹⁰ Там же, ф.15, оп.6, д.791, л.48–49.
- ¹¹ Там же, д.774, л.93–94.
- ¹² Там же, л.65–66.
- ¹³ Там же, л.52об.
- ¹⁴ Качур П.И. Большие охотники за подводными лодками проекта 122а/122бис. – С.29.
- ¹⁵ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.938, л.49–50.
- ¹⁶ Там же, л.53.
- ¹⁷ НА РТ, ф.Р-3828, оп.2, д.66, л.110.
- ¹⁸ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.938, л.50.
- ¹⁹ Там же, ф.1951, оп.1, д.102, л.2–6.
- ²⁰ Качур П.И. Большие охотники за подводными лодками проекта 122а/122бис. – С.23.
- ²¹ Там же. С.23.
- ²² ЦГА ИПД РТ, ф.1951, оп.1, д.132, л.36.
- ²³ Там же, л.38.
- ²⁴ Там же, ф.15, оп.6, д.1636, л.6–7.
- ²⁵ Там же, ф.1951, оп.1, д.108, л.76–78.
- ²⁶ Качур П.И. Большие охотники за подводными лодками проекта 122а/122бис. – С.28.
- ²⁷ ЦГА ИПД РТ, ф.1951, оп.1, д.133, л.97–98.
- ²⁸ Там же, д.165, л.30–31.
- ²⁹ Там же, д.161, л.14.
- ³⁰ Там же, ф.15, оп.6, д.1633, л.109–111.
- ³¹ Там же, ф.1951, оп.1, д.165, л.34.
- ³² Там же, д.165, л.35.
- ³³ Там же, д.161, л.14.
- ³⁴ Полвека в кораблестроении (к производственной деятельности Зеленодольского проектно-конструкторского бюро)/ составитель Г.С. Дмитриев. – Казань: ГУП «Полиграфическо-издательский комбинат», 1999. – С.4.
- ³⁵ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.2352, л.76.

- ³⁶ Там же, л.30.
³⁷ Там же, д.2862, л.11.
³⁸ Там же, ф.1951, оп.1, д.209, л.2–3.
³⁹ Полвека в кораблестроении. – С.9.
⁴⁰ Там же. С.10.
⁴¹ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.4251, л.33.
⁴² Полвека в кораблестроении. – С.12–15.
⁴³ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.5850, л.68.
⁴⁴ Там же, ф.1951, оп.1, д.225, л.16.
⁴⁵ Там же, ф.15, оп.6, д.5850, л.71.
⁴⁶ Там же, ф.1951, оп.1, д.211, л.8.
⁴⁷ Там же, л.9.
⁴⁸ Там же, ф.15, оп.6, д.2352, л.8 – 11.
⁴⁹ ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.6, д.3376, л. 86–86 об.
⁵⁰ Там же, л.57.
⁵¹ Там же, ф.1951, оп.1, д.229, л.21–22.
⁵² Там же, д.227, л.142.
⁵³ Там же, л.145.
⁵⁴ *Качур П.И.* Большие охотники за подводными лодками проекта 122а/122бис. – С.23.

Аннотация

Зеленодольский завод имени А.М.Горького – одно из крупнейших судостроительных предприятий России. Оно ведет свое начало с основанных в 1895г. судоремонтных мастерских в Паратском затоне и за свою историю прошло несколько этапов модернизации. В данной статье затрагивается период послевоенной десятилетки 1945–1955 гг., период формирования современного облика предприятия и организации собственного конструкторского бюро.

Ключевые слова: судостроение, оборонная промышленность, модернизация, советская промышленность, история промышленности.

Summary

Zelenodolsky Plant named after A.M. Gorky is one of the largest shipbuilding companies in Russia. It dates back to 1895, based on ship repair workshops in Paratsky backwater and in its history passed several stages of modernization. This article touches upon the post-war period of ten years, 1945–1955, the period of formation of the modern image of the company and organization of its own design office.

Keywords: shipbuilding, defense industry, modernization, Soviet industry, the history of the industry.

УДК 339.1

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ПЕРИОДА*

Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук

А.Р. Мухаммадеев, кандидат исторических наук

Исследователями были основательно изучены и определены основные формы торговли волжских болгар домонгольского периода: меновая торговля, денежно-вещевая, ярмарки, городские рынки, купеческие кварталы и колонии в городах, договорные бумаги, торговые фактории и договоры. Шел процесс активного развития внутренней и внешней торговли, товарных отношений. Важную роль в товарном обращении играли вначале ярмарки, затем торгово-ремесленные поселения и города¹. Совершенствование предыдущих и появление новых форм торговли и ее правового регулирования приходится на мусульманский период развития государства. Расцветает как внутренняя, так и внешняя торговля Волжской Болгарии.

Вместе с тем, наряду с развитыми формами в Волжской Болгарии XI – начала XIII вв., еще сохранялись и формы торговли, характерные для первоначального периода. К такому можно отнести меновую и немую торговлю. Ал-Гарнати, дважды посещавший Волжскую Болгарию в первой половине XII в., описывает область Ару, где «охотятся на бобров и горностаев, и превосходных белок... И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров»². Далее арабский путешественник продолжает свое повествование об области Йура, куда

болгары «приносят с собой товары, и кладет каждый купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары». В очередной раз, упоминаемая область «Йура», ал-Гарнати уточняет наименование некоторых товаров, предлагаемых на обмен: это мечи в виде клинков, сделанные и привезенные из Зенджана, Абхара и Исфохана. «И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных – только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль»³.

Мечи, доставляемые из исламских стран, приносили болгарам существенную прибыль. Купцы «везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и ее жители покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников. А каж-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-16011 а/В / 2013.

дому человеку, живущему там, нужен каждый год меч»⁴. В отличие от «Выборки воспоминаний о чудесах стран», ал-Гарнати в «Подарке умам и выборке диковинок» уточняет не конкретные города изготовления мечей, а страну: «И выезжают купцы из Булгара в страну... Вису, из нее идут превосходные шкурки бобров, а к ним привозят мечи, которые делают в Азербайджане, в виде клинков без полировки»⁵. На этом путь мечей не заканчивался, «жители Вису отправляются с этими мечами в страну близости от Мраков..., и продают эти мечи у них за соболиные шкурки»⁶.

К этому времени волжские булгары, завоевавшие торговые рынки, уже не нуждались в силовых и жестких методах ведения торговли, она уже не была сопряжена с разбоем. Однако, северные племена, с которыми они вели немую торговлю, еще долго пребывали в язычестве, вследствие чего булгары были вынуждены торговать по правилам, установленным по обычному праву соседей еще несколько веков назад.

Другие источники также дают представление о правилах и подробностях совершения немой торговли булгар с народами севера. Мубаракшах сообщает в отношении народа йура, что «купцы, которые ездят туда, привозят различные товары, потребные той области, и кладут их в степи, где уже со старины совершают куплю-продажу, а сами удаляются. Те дикие люди также приносят товар, который у них есть, и кладут рядом с тем товаром купцов. Если сделка между ними соответствующая, они оставляют свое имущество, а уносят имущество купцов. Если (сделка) – несоответствующая, свое оставляют, а то, что купцов откладывают, ставят в отдаленности от своего товара, а сами уходят. Когда купцы увидят это, они подкладывают к своему товару кое-что другое и уда-

ляются. Снова появляются те дикие люди, если находят соответствующим, забирают принадлежащее купцам и уносят, а свое оставляют. Купцы тогда приходят и забирают тот товар. И так друг с другом не говорят ни слова и таким образом совершают сделку». Марвази писал об особенностях торговли с народом йура: «Булгары ездят к ним... торгует народ йура при посредстве знаков и тайно из-за дикости их и страха перед людьми...»⁷.

Казвини включает повествование о немой торговле в раздел, посвященный не народу йура, а народу вису: «Народ булгар возит свои товары туда для торговли; каждый кладет свой товар в определенном месте, делает на нем отметку, оставляет его; затем он возвращается (к тому месту), находит сбоку некий товар, потребный для его страны, и, если соглашается (на сделку), берет замену, оставляя свой товар; если не соглашается – берет свой товар и оставляет замену; не видит торговец покупателя, а покупатель – торговца, как то мы указывали в отношении стран юга в земле Судан»⁸.

Ибн Баттута рассказывает о немой торговле булгар с народами севера, ссылаясь на сведения, услышанные им в Булгаре: «Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал у «мрака». Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят насупротив него (известное количество) соболей, белок и горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те, т.е. жители «мрака», набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте) товары купцов. Так (происходит) купля и продажа их. Те, которые ездят сюда,

не знают, кто покупает у них и кто продает им, джинны ли это или люди, не видят никого»⁹.

Арабские авторы описывали и способы передвижения купцов и доставки товаров. Ал-Гарнати писал, что «дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их», т.е. торговцам часто приходилось двигаться на лыжах, применять лыжные палки, и «если бы не эта выдумка, то никто бы не мог там ходить...»¹⁰. Из арабских и персидских средневековых источников об этом факте наиболее значимым является текст Марвази, который сохранился наиболее полно: «Булгары ездят к ним, возят товары, как то: одежду, соль, другие вещи на санях, которые тащат собаки по сугробам снега, никогда не сходящего с земли; невозможно ходить людям по такому снегу иначе, как прикрепляя к ступням ног своих бычьи кости (которые у них, (быков), в голенях), берут они в свои руки два копья, втыкают их позади себя, таким образом скользят ноги их вперед по ледяной поверхности, и двигаются они со скоростью ветра, так что проходят они за день большое пространство»¹¹.

Сюжет о санях был более полно разработан Ибн Баттутой: «Путешествие туда совершается не иначе как на маленьких повозках, которые везут большие собаки, ибо в этой пустыне (везде) лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины... Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или более того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки...»¹².

Как видно, в исламизированном государстве волжских болгар продолжала процветать меновая и немая торговля. В торговле с северными народами булгары, как и раньше, были

вынуждены использовать рунические знаки.

Очередной этап развития в становлении булгарского купечества был тесно связан с ростом количества городов и развитием городской культуры, во многом обусловленным разложением родоплеменного строя. Вместе с ростом городов, соответственно, увеличивалось городское население, одновременно происходило расширение прежних и появление новых видов ремесленного производства. Постепенно торговля превращалась в прибыльную городскую профессию. Ремесла становились все более специализированными и со временем начинали приобретать черты мелкотоварного производства, стимулируя внутренний обмен и экспорт товаров, апогей которых пришелся на XII и начало XIII столетия. Воздействие ремесленной промышленности на развитие социальных отношений неизмеримо возрастает, города становятся центрами ремесла и торговли. Расцвет ремесел и торговли Волжской Болгарии продолжается вплоть до монгольского нашествия.

Русские летописи сообщают о заключении нескольких договоров между Волжской Болгарией и Русью¹³. Это договоры 985, 1006 и 1229 гг., которые определяли на взаимной основе правовую защиту пребывания булгар по торговым делам на Руси, и наоборот, а также различные привилегии. Эти договоры действовали на протяжении домонгольского периода, и в Болгарии в IX – начале XIII вв. шел активный процесс формирования внешней и внутренней торговли.

В «Повести временных лет» под 985 г. говорится о заключении политического союза между Киевской Русью и Волжской Болгарией. Этот договор сыграл значительную роль как в булгарской, так и русской истории и свидетельствовал об искрен-

нем желании русских и болгар жить в мире и согласии. Известно, что князь Владимир, уважив мнение Добрыни, заключил мир с булгарами, утвердив его следующими словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть в воде»¹⁴.

Действительно, рассмотрение летописей показывает, что более чем на целый век сохранялся мир между Киевской Русью и Булгарией. Этот политический союз, по всей видимости, пишет Р.М. Валеев, исследовавший торговлю и денежно-весовые системы Волжской Болгарии IX – начала X в., получил свое подтверждение и в специальном торговом союзе, подписанном в 1006 г.

Как заметил исследователь, в этом сообщении, кроме самого факта заключения договора, интересен факт предоставления печати, который получил свое археологическое подтверждение в ходе раскопок Биллярского городища. Здесь была обнаружена «свинцовая вислая печать», которая, по мнению В.Л. Янина, принадлежала князю Всеволоду Юрьевичу, княжившему в Новгороде в 1222, 1224 гг. и в ряде других княжеств. Иную трактовку дает М.В. Седова, которая считает, что она могла принадлежать Всеволоду Большое Гнездо, или его сыну Юрию Всеволодовичу¹⁵. Кому бы ни принадлежала эта печать, факт ее существования говорит о том, что двусторонние межгосударственные отношения между Русью и Булгарией в X в. скреплялись специальной печатью. Это придавало документу особый правовой статус и обеспечивало правовую защиту и безопасность торговцев и купцов обеих стран.

Торговый договор 1006 г. действовал долго, т.к. русские летописи особо не упоминают о каких-либо особых регламентациях в торговле Руси и Болгарии вплоть до 1088 г. В про-

межутке между этими двумя датами есть упоминание от 1024 г. о голоде в суздальской земле, когда булгары помогли соседям хлебом. Очевидно, что эта помощь была следствием ранее заключенных соглашений. «Между тем жители искали помощи в изобильной стране казанских болгаров и Волгою привезли оттуда множество хлеба. Голод миновался»¹⁶.

До 1120 г. в русских летописях не имеется сведений об ухудшении торговых отношений между Русью и Волжской Болгарией, когда Юрий Долгорукий со своим братом совершил поход на болгар. После этого летописи сообщают о двусторонних военных походах вплоть до 1220 г. Но и в это время торговля не прекращалась. Под 1183 г. В.Н. Татищев сообщал, что волжские булгары вели с Русью непрерывный торг. Очередной конфликт в этом году разгорелся из-за грабежа со стороны русских на Волге болгарских купцов и разорения по Волге болгарских сел и городов. Булгары, не дождавшись помощи от владими́ро-суздальского князя Всеволода, предусмотренной заключенными прежде договорами, разорили Городец, Муром и дошли до Рязани, т.к. разбойники были именно с этих земель. В ответ в 1183 г. русскими был организован объединенный поход против волжских булгар¹⁷.

Все же противостояния случались регулярно, что, скорее всего, было связано с борьбой за рынок. Стороны систематически, в основном русские болгарских купцов, грабили друг друга. Временами болгарские купцы остерегались торговать в русских княжествах. Случающиеся грабежи нередко провоцировали и межгосударственные конфликты. После одного из подобных недоразумений, в 1221 г., владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович задумал предпринять новый поход на Булгарию. Булгары

три раза направляли к нему послов, которым с трудом удалось отговорить князя от такой затеи: «Князь же Юрий, послушав прозрбы их, учинил с ними мир **на прежних договорах**, каковы учинены были при отце его»¹⁸.

Карамзин пишет об этом договоре так: «Болгары всячески старались отворотить бедствие войны; наконец, посредством богатых даров, обезоружили великого князя. Послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир клятвою по закону магометанскому. Георгий, будучи тогда сам на берегах Волги, имел случай снова осмотреть их, выбрал место и чрез несколько месяцев заложил Нижний Новгород...»¹⁹.

Исследователи упоминают и о мирном торговом договоре между русскими и булгарами 1229 г., условия которого были благоприятными для обеих сторон: «В то время князь болгарский, уведав в Руси великую скудость жит, прислал к великому князю Юрию Всеволодовичу послов для учинения мира, князь же великий принял их с честью. И послали с обеих стран послов, знатных людей, на особое место близ границы Русской, на остров именуемый Коренев. И оные учинили мир на 6 лет, купцам ездить в обе стороны с товары невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно, рыболовам ездить в обе стороны до межи; иметь любовь и мир, пленников всех освободить, а буде распря, судить съехався судиям от обоих на меже»²⁰.

Согласно Карамзину, также опиравшемуся на древнерусские летописи, этот договор между Владимир-Суздальским княжеством был заключен не на 6 лет, а после 6-летнего противостояния с Георгием Всеволодовичем: «Болгары искали дружбы Георгиевой после шестилетнего несогласия: разменялись пленниками, с обеих сторон дали аманатов и клят-

венно утвердили мир... их труны, или знатные люди, и чернь присягнули в верном исполнении условий»²¹.

В целом, несмотря на некоторое ухудшение двусторонних отношений XII – начале XIII в., торговля между двумя государствами – Русью и Волжской Болгарией не пресекалась. Периодические военные действия прекращались мирными договорами, которые сопровождались договорами торговыми, правовым регулированием торговых взаимоотношений между сторонами.

Разгром Хазарии в 965 г. Святославом обусловил то, что роль Волжской Болгарии как центра транзитной торговли еще больше усилилась. В развитии торговли не менее чем купцы, было заинтересовано само государство. В «Повести временных лет» упоминается уже установившимся: «Тем же и из Руси может ити по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток дойти в жребий Симов». Каспийское море, называвшееся Хазарским, в XI в. получает название Булгарское, на что есть прямое указание Махмуда Кашгари²².

Развитие международной торговли Европы и Руси с Востоком, мостом которой являлась Волжская Болгария, привело к возникновению Великого Волжского пути. Протяженность торговых путей по суше и воде, многочисленность караванов делали эту крупную магистраль не только экономически выгодным предприятием. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживающие путешественников: контролировавшие опасные участки пути (военные гарнизоны), ремесленные поселения, места для торговли с местным населением (ярмарки). Как заметили исследователи, путь обрстал сложной инфраструктурой, системой связанных с ней комплексов, число и функциональное значение которых продолжало увеличиваться²³.

Очевидно, что не только обслуживание, но и сам факт существования этого пути было бы невозможно без правового регулирования торговых отношений, как международных, так и внутри каждой из отдельно взятых стран и территорий. Волжская Болгария в числе других государств и народов была кровно заинтересована в сохранении роли и значения Великого Волжского пути и ее развития. Межгосударственные договоры и

соглашения, поддержка со стороны высших властей стран давали возможность купцам всех стран и уровней беспрепятственно пользоваться торговыми путями и всеми существующими в пути видами услуг, уверенность в собственной безопасности.

Таким образом, мы можем констатировать, что торговля в Волжской Болгарии мусульманского периода вышла на новый прогрессивный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань, 1995. – С. 74.

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М., 1971. – С. 31.

³ Путешествие... – С. 33.

⁴ Путешествие... – С. 33–34.

⁵ *Хамидуллин Б.Л.* Из глубины столетий. – Казань, 2000. – С.101.

⁶ Там же.

⁷ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М., 1967. – Т. 2. – С. 63.

⁸ *Заходер Б.Н.* Указ. соч. – С. 64.

⁹ *Заходер Б.Н.* Указ. соч. – С. 64.

¹⁰ Путешествие... – С. 33

¹¹ *Заходер Б.Н.* Указ. соч. – С. 65.

¹² *Заходер Б.Н.* Указ. соч. – С. 66.

¹³ См., например: *Хамидуллин Б.Л.* Русские летописи о Волжской Булгарии // Идель. – Казань, 1998. – № 5. – С. 46–48.

¹⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Ростов н/Д, 1988.– Кн. 1. С. 156; *Хамидуллин Б.Л.* Когда камень станет плавать... // Идель. – Казань, 1991. – № 8–9. – С.96–98.

¹⁵ *Валеев Р.М.* Указ. соч. – С. 36.

¹⁶ *Карамзин Н.М.* Указ соч. – С. 193.

¹⁷ *Валеев Р.М.* Указ. соч. – С. 70.

¹⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. – М. – Л., 1964. – Т.3. – С. 209.

¹⁹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. – С. 448.

²⁰ *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 225.

²¹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. – С. 499.

²² См.: *Валеев Р.М.* Указ. соч. – С. 36.

²³ *Измайлов И.Л.* Великий Волжский путь и распространение ислама в Поволжье // Великий Волжский путь: история формирования и культурное наследие. – Казань, 2004. С. 39.

Аннотация

В статье рассматриваются торговые отношения Волжской Болгарии мусульманского периода: меновая и денежно-вещевая торговля, ярмарки, городские рынки, купечес-

кие кварталы и колонии в городах, договорные бумаги, торговые фактории и договоры. Отмечается процесс активного развития внутренней и внешней торговли, товарных отношений. Важную роль в товарном обращении играли вначале ярмарки, затем торгово-ремесленные поселения и города. Совершенствование предыдущих и появление новых форм торговли и ее правового регулирования приходится на мусульманский период развития государства. В этот период расцветает как внутренняя, так и внешняя торговля Волжской Болгарии.

Ключевые слова: Волжская Болгария (Булгария), торговые отношения, мусульманский период.

Summary

The article deals with trade relations of Volga Bulgaria in the Muslim period: the exchange and monetary-merchandise trade, trade fairs, urban markets, merchant quarters and colonies in the cities, the treaty papers, trading posts and contracts. The process of the active development of commodity relations, domestic and foreign trade is noted. Initially an important role in the circulation of commodities played fair, then trade and handicraft villages and towns. Improvement of the previous and the emergence of new forms of commerce and its legal regulation take place on the Muslim period of development of the state. During this period both internal and external trade of the Volga Bulgaria blooms.

Keywords: Volga Bulgaria (Bulgaria), trade relations, the Muslim period.

УДК 82.0(091)

МАРСИЯ НА КОНЧИНУ ШЕЙХА МУХАММАД-ЗАКИРА КАМАЛОВА

А.А.Хасавнех, кандидат филологических наук

Личность Мухаммад-Закир ишана ал-Чистави (Камалова, 1804–1893), его жизнедеятельность за последние годы стали привлекать внимание все большего количества как отечественных, так и зарубежных ученых. Принимая во внимание тот факт, что к XIX столетию в Волго-Уральском регионе действовали два основных духовных лидера: в юго-восточной его части – Зайнулла Расулев (1833–1917), в центральном же Поволжье – Мухаммад-Закир ал-Чистави, сложились два основных очага мусульманского образования: медресе «Расулия» в Троицке и медресе «Камалия» в Чистополе, куда съезжались тысячи студентов не только из центральных регионов России, но и с сопредельных территорий – Средней Азии, Кавказа, Казахстана, несомненно, духовное наследие и жизнедеятельность этих двух центральных фигур, суфийских наставников накшбандийского тариката требуют самого детального и пристального изучения. К сожалению, деятельность М.-З.Камалова к настоящему времени все еще остается малоисследованной. Что касается его биографии, то, пожалуй, единственным, кто наиболее серьезно подошел к ее изучению, является Р.У.Амирханов¹. За последние два года нами были опубликованы статьи, которые приоткрывают некоторые новые детали из биографии татарского духовного деятеля, но особое внимание в них обращено анализу его собственного объемного сочинения

«Табсират ал-муршидин мин ал-машаих ал-халидийин» [1] (Руководство наставников от шайхов халидийской [ветви]), рассказывающего об этике и ритуальной практике представителей суфийского тариката Накшбандийа².

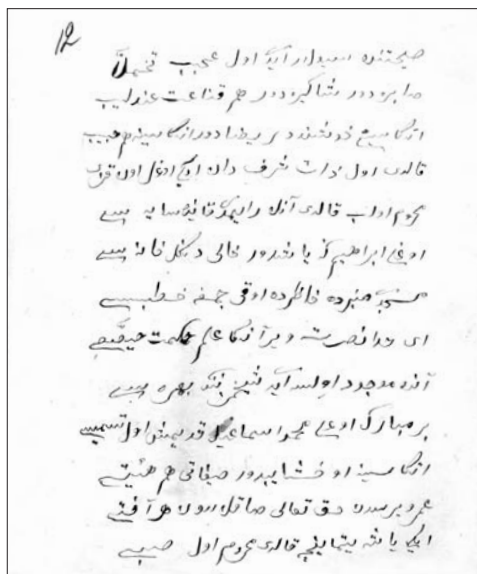
Великому шейху, имаму М.-З. ал-Чистави, еще при жизни было посвящено множество касыд (восхвалений), появляется целый ряд марсия (элегий) уже после его смерти. Одна из них была найдена во время археографической экспедиции в 1983 г. на территории Бугульмы литературоведом Шакиром Абиловым (1915–2004) [11]. Объем рукописи – 20 листов, формат 22,5 x 18 см, 14 строк на листе, постраничная современная пагинация. На полях рукописи встречаются глоссы автора рукописи. Штемпель конгрессного тиснения на листе 2^а указывает на то, что бумага российского производства, изготовлена на фабрике Волынской губернии в период с 1886 по 1901 г.

Автор марсии-элегии по каким-то причинам оставил свое поэтическое произведение безымянным, но, судя по содержанию, несомненно, это – один из муридов М.-З.Камалова. Данное предположение подтверждается строками из данной элегии, где восхваляются качества наставника М.-З.Камалова – дагестанского шейха накшбандийского тариката Махмуд афанди ал-Алмали ад-Дагестани (1853–1919), где автор называет его «наставником нашего наставни-

ка»: *Хак риза улсын Чистай ишан хэзрэтдин вә-с сәлам, / Остазымыз остазыдыр Мәхмуд әфәнде галәйһи-с-сәлам* [11, с. 9^а]. (Да останется же доволен Всевышний ишан-хазратом Чистави, / Наставник нашего наставника же – Махмуд афанди, мир ему). Примечательно то, что элегия написана в четырех различных вариантах, притом в каждом из них встречаются определенные повторы с добавлениями новых деталей повествования³. В процессе изучения данной элегии сложилось такое впечатление, что автор, всякий раз переписывая свое произведение, старался его улучшить, включая все новые и новые детали из жизни и деятельности Закир ишана, а где-то местами и чуть видоизменяя его. Таким образом, мы выделили основной вариант, состоящий из 177 поэтических строк, а дополнения к нему в цитатах помечали номерами листов, с которых они взяты.

Согласно традиции, сложившейся в мусульманских литературах Востока, первые девять строк элегии начинаются с восхваления дарующего блага Аллаха, ниспославшего религию Ислам в качестве великого дара всему человечеству, Его Пророка – «любимого» (*хабиб*), заступника в День Суда, а также его благородных жен. Отдав должное традиционным отступлениям, поэт переходит к основной части элегии, где воспоминания и сведения о достойных качествах и благих деяниях шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави переплетаются с отступлениями, где автор ведет философские рассуждения, либо выражает свою авторскую позицию по тому или иному вопросу.

Сразу же после традиционного начала автор вводит читателя в первое философское отступление, где ведет рассуждения о неизбежности смерти, когда никакие внешние усилия и даже лечение уже не в силах изме-

нить предначертанного Всевышним срока пребывания человека на земле: *Тордыгынча гарше көрси, ләүхе калям, арзы-сәма / Вәҗиб улды безә мәүте Зә-л-җәләл, Зә-л-кәмал* [11, с. 1^а]. (Пока существуют небесный престол, Божий трон, Книга судеб, земля и небосвод / Предписана нам смерть, о Обладающий величием и совершенством). Жанру элегии как в восточных, так и западных литературах свойственны такого рода отступления, где автор ведет речь о таких антитезах, как жизнь и смерть, радость и горе, любовь и ненависть и т.д. Поэтому неудивительно, что в данном произведении татарского автора значительное место уделено рассуждениям об извечных вопросах. В продолжении темы о смерти поэт уже в суфийском духе рассуждает о преходящей ценности материальных благ. В контекст элегии включена кораническая эпитафия из 185 аята суры «ал-Имран»: *Кәлл-е нәфс зәһик әл-мәүт, би-гыйләҗдер би-мәҗсәл* («Каждая душа вкусит смерть», и лечение неуместно). Тема о предопределении срока жизни человека широко представлена в Коране: «Каждая душа вкусит смерть, а потом к Нам вы бу-

дете возвращены» (29: 57); «Ни один человек не умрет, кроме как с дозволения Аллаха, в предписанный Им срок» (3: 145) и т.д. В известном хадисе Пророка сказано, что когда человек рождается, ему записывается четыре вещи: удел человека, срок его жизни, его дела, а также будет он счастливым или злосчастливым [9].

По словам автора, даже совершеннейшего человека (*инсан камил*) – посланника Аллаха – не миновала смерть, и он оставил бранный и непостоянный мир. Вводя в канву рассуждений об ограниченном сроке пребывания человека на земле образ пророка Мухаммада, который совершил ночное вознесение (*мирадж*) на небеса и является «гордостью восемнадцати тысяч миров»⁴, поэт создает некую контрастность, желая тем самым сказать, что смерть настолько неумолима, что не миновала даже самого Пророка, а что же остается простым смертным? *Унсигез мең галәм фәхре кәлде, күрдең рихләте, / Алды җәһәннәм, китде, дус ирде, аңа нәүбәте* [11, с. 1⁶]. (*Гордость восемнадцати тысяч миров пришел, ты знаешь о его переходе [в мир иной], / Подошел черед – взял и его душу [Аллах], [хотя] он другом Его был*). Включение в литературные произведения сур из Корана или отдельных отрывков из священных хадисов обернулось необратимой традицией как в татарской литературе, так и в других мусульманских литературах. По мнению Х.Ю.Миннегулова, «то влияние, которое Коран оказал на арабскую литературу, а через нее и на литературы всех мусульманских народов, не поддается никакому измерению... С течением времени в исламской литературе все чаще и чаще встречаются коранические изречения, ассоциации с речью пророка и содержанием его проповедей, развитие коранических образов и доктрин» [8, с. 112].

Эта часть элегии как бы предваряет повествование о самом М.-З.Камалове, которое, в свою очередь, можно условно разделить на три части: о примечательных деталях жизнедеятельности Мухаммад-Закира ишана, включая его достохвальные качества; подробное изложение его кончины и, наконец, заключительная часть элегии, где рассказывается о многочисленном потомстве шейха, дальнейшей судьбе некоторых из его детей и последователей-муридов.

Биографических сведений о шейхе Мухаммад-Закире сохранилось не так много. Вот, например, что пишет о нем известный религиозный деятель и просветитель Ш.Марджани: «Мулла Закир, сын Абдул-Вагапа, сын Абдул-Карима ас-Саснави. Родом из большого села Сасна Малмыжского уезда, сын купца. Получив образование в Маскаре⁵ у муллы Габдуллы, сына Яхьи, и в Сасне у муллы Тазетдина, сына Габдур-Рашида эль-Иштиряки, стал имамом в этом городе. Получал поддержку муллы Махмуда, сына Мухаммеда, сына Садыка, сына Мустафы ад-Дагестани, заслужил его доверие» [7, с. 207]. Согласно изысканиям, проведенным Р.У.Амирхановым, Мухаммад-Закир почти полвека был имам-хатыбом мечети в г. Чистополе Казанской губернии. Там же он содержал медресе «Камалия», выпускниками которой стали такие выдающиеся представители татарского народа, как Р.Фахреддин, Ф.Карими, Г.Гафуров-Чыгтай, Г.Исхаки и др. [3]. Эти сведения подтверждаются и со слов автора элегии, современника и мурида шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави: *Хәмде бәгъдә башлайалым бер тәбәрәк, и әхи, / Чистай илендә улыбды бер гәҗҗәйеб хуш сәхи. / Исме мәшһүр Закир иде, әткәсе Габделваһһаб, / Чиставидыр, Сасनावидыр, бу сүзә тотың колак* [11, с. 1⁶]. (*После «Фатихи» начну читать я «Табарак», о брат /*

В Чистополе жил благодетельный и славный [шейх]. Имя его Закир, по отцу – Абдулваххаб, / ал-Чистави ал-Саснави, запомни это). Шейх Чистави, уроженец деревни Сасна, получил блестящее образование в знаменитом Маскаринском медресе. В произведении всячески прославляется данное учебное заведение. Шакирды получали совершенные знания по мусульманским наукам, в медресе царил дружелюбная атмосфера. Маскара в то время была одним из основных образовательных центров для мусульман всего Волго-Уральского региона: *Дәрсе гыйльмен укымыш иде Мәчкәрәдә би-тәмам, / Мәчкәрәдә сигез иде мәдрәсә, фәнә тәмам. / Мәдрәсә гадәденчә иде, кафиләр (?) йәшләрә фирка-фирка беләр иде һәр берен заһир-гайан* [11, с. 5⁶]. (Наукам обучался он в Мачаскаре, / В Мачаскаре насчитывалось восемь зданий медресе. / Медресе обычное, молодежь [из студентов] группами, знают друг друга хорошо...). По окончании этого медресе Мухаммад-Закир Камалов, как известно, назначается имам-хатибом Чистопольской мечети и разворачивает там бурную деятельность. Успешно занимаясь торговлей, он становится купцом второй гильдии. На свои средства он строит несколько добротных зданий, в том числе само медресе «Камалия». Согласно данным, полученным Р.У.Амирхановым, это был своего рода религиозный комплекс, состоящий из четырех зданий. По словам ученого, это «учебное заведение дало путевку в жизнь сотням молодых людей, прибывших сюда из различных уездов и губерний России для получения исламских знаний»⁶. Однако, согласно марсие, речь идет не о сотнях, а о тысячах муридов Мухаммад-Закир ишана. В произведении также говорится о том, что слава о Закир ишане распространилась по всей необъятной территории Российского

государства: *Жәһед йек салыутде гомре илдә имамлык кылыб, / Мәсҗед-мәдрәсәләр, ханәләр ташидин йавыб. / Гариф иде, гамил иде, гыйльмедер гыйрфан илә, / Шәех иде, мәршид иде нәчә мең мәрид илә. / Уфа, Казан һәм Орынбур һәм Троицки каласы, / Дагыйстани, Әчтерхани – канда булды сайәсе* [11, с. 9^а]. (Год жизни провел [ишан] с усердием на посту имама, / Из камня он отстроил мечети, медресе. / Он просвещенным был, а знания и в жизни применял, в науки сокровенные посвящен, / Шейхом и наставником он был, имея тысячи муридов / Из Уфы, Казани, Оренбурга и города Троицка, / Дагестана, Астрахани – куда только не упала его тень).

Стихотворные строки, где даются сведения или восхваляются многочисленные достоинства, личные черты характера Закир ишана ал-Чистави, начинаются, как правило, со строки: *Хәмде бәгъдә баилайалым бер тәбәрәк, и әхи* (После чтения суры «ал-Фатиха» начну читать я табарак⁷, о брат). Вот те качества, которые были присущи Закир ишану: *гажәб* (удивительный), *хуш сәхи* (добродетельный); *гариф* (обладающий мистическим знанием), *гамил* (тот, чьи поступки соответствуют его мыслям, словам), *гыйльмедер гыйрфан илә* (познание особое, которое достигается посредством внутренних озарений); *жәмләсендин фазыйл иде шул заман* (превосходил всех в то время); *мәхтәсибдер* (религиозный ученый), *мөгътәбәрдер* (достойный уважения); *һимам* (доблестный) и, наконец, самое высокое звание в иерархии суфиев – *шәйхе котыб* (полус шейхов). Как видим, в преобладающем большинстве при описании достойных и благородных качеств, коими обладал Закир ишан, внимание читателей акцентируется на его образованности, широких и глубоких познаниях в религиозных науках, особом

мистическом знании, присущем избранным суфиям, и т.д. Кроме того, он в своем арабоязычном сочинении «Табират ал-муршидин...» (Руководство наставников) отмечал, что «качествами истинного шайха являются: отстраненность от бренного мира, отсутствие к стремлению достижения высокого положения [в обществе]; кроме всего прочего он должен довольствоваться малым: в еде, питье, разговорах и сне, приложить большее усердие в молитвах, подаяниях (*садака*) и посту» [1, с. 34]. Кроме того, среди лучших качеств суфийских наставников он выделял соответствие их поступков словам, ибо знания, по мнению М.-З.Камалова, должны подкрепляться мыслями, образом жизни и действиями [1, с. 34]. Поэтому-то автор марсии среди похвальных качеств шейха выделяет слово «гамил», что свидетельствует о том, что Закир ишан не только был искусным проповедником, но и на собственном примере демонстрировал окружающим безупречный с точки зрения исламской этики образ жизни. В элегии Мухаммад-Закир ишан предстает ученым в исламских науках, достигшим высочайших вершин в знаниях, и просто прекрасным человеком. Согласно мнению Р.У.Амирханова, «правительство наградило его [Закир ишана] за усердную службу большой серебряной медалью» [2]. О добром и уважительном отношении к Закир ишану со стороны правительственных органов, которое проявлялось до тех пор, пока он не стал активно препятствовать политике русификации, что, в частности, выражалось в протесте против введения преподавания русского языка в его мектебы и медресе, сказано и в марсии: «*Шунча галим булды аның фазыйләте, хуш холкыны, / Әмиринләр, хакиминләр сакладылар кадерене* [11, с. 9^а]. (Его

превосходство – в его учености, / Оберегали [ишана] правители, государи).

Вторая часть элегии посвящена описанию кончины шейха М.-З. ал-Чистави. Она выделяется особой глубиной переживаемых чувств, тонким психологизмом и эмоциональностью. Автор сообщает уже известную для многих исследователей дату кончины Мухаммад-Закир ишана, добавляя при этом, что душа шейха отошла в мир иной после ночного намаза: *Сәна бең дә сизгә йөз дә ки туксан өченче румийа / Жүһандин кәчдә бер шәех, мең өч йөз унберенче тарихда / Шәрәф зөлкагъдә аенда егерме өченче йәүмендә / Әмәнат рухы тәслимат көч атна кич йәсигъ бәгъдә* [11, с. 1^б]. (В 1893 году по Милляди, / в мир иной шейх отошел по Хиджри в 1311 году – В благородном месяце Зуль-када, / Душа его достигла покоя после ночного намаза, к вечеру). В марсии сказано также, что до своей кончины М.-З.Камалов болеет неизлечимым недугом и, спустя два дня и одну ночь, умирает. С глубоким психологизмом автор описывает последние минуты жизни Закир ишана. Рядом с ним находились его жена Бибифатима и дочь Гандалиб. Бибифатима-ханым обращалась к нему с проникновенными и чувственными речами, ласково называя суженого: «опора детей моих», «богатство жизни моей», «верный», «преданный», «обладающий прекрасным терпением». Молясь Всевышнему, Бибифатима-ханым просит для мужа и отца ее детей всяческих благ: *Жәлес улды баиш тарафда Ганәлиб – рәис кызы / Һәм садыр тарафында улды Бибифатыйма зәүжәсе. / Кәримәсе йалварды хуш мәкал лотфилә: / Вай фәрзәндәләрем пәнаһы, гомеремнең сәрмайәсе дийүбән аһлә. / И, кәримем, зә-л-вафа, хәснә-р-риза, сәмма риза,*

/ *Ике жиһан шаһы хушнуд улса иде һәб сәңа* [11, с. 2^а]. (*У изголовья [шейха] сидела Гандалиб – дочь предводителя / А у груди его жена Биби-фатима. / Благородная [Фатима] ласково молила: / Ах, «прибежище» и «опора» детей моих, «богатство» моей жизни. / О, благородный мой, преданный, ты – обладаешь терпения, / Да одарит тебя повелитель двух миров*). Мухаммад Закир ишан, несмотря на тяжелое состояние, проявляет стойкое смирение. Он прощается со своими родными с чувством удовлетворенности и большой благодарности к ним, а в первую очередь, к своей спутнице жизни, с которой они вместе вырастили и воспитали четырнадцать детей: *Чук ризалык күстәреб рифкылә диде аңа: / Халеме хуш белеңез, димәңез тәкран бәңа. / Рифкылә миһрилә бакды күзене Гандалибә, / Сыйһәтендә сунәр (?) иде ул гажәб тәхәммел* [11, с. 2^а]. (*Проявив истинное довольство, с добротой сказал ей [жене]: / Знайте, что все в порядке, не повторяйтесь, прошу. / [Затем] с милосердием и нежностью взглянул на Гандалиб, / Здоровье таяло его, но стоек был*).

О кончине шейха автор выражается символично: *Кабзә улынды рухы аның, калды кафәс фанәсе* [11, с. 6^б]. (*Душа его принята [Всевишним], а клетка бренного мира осталась*). В данном контексте образ клетки означает тело, которое остается в земле, в то время как душа в виде птицы (хотя в произведении образ птицы отсутствует, но подразумевается) взлетает ввысь. Вообще прием образного выражения смерти очень широко распространен и в тюркской поэзии. Мотив отделения души от тела и полета ее в обличье птицы в просторы неба встречается еще в первой классической поэме тюркских народов «Наука быть счастливым» Юсуфа Баласагунского (1018–1075):

Случилось нечто странное
со мною –
Раскрылись крылья
за моей спиной.
Я стал крылат, я в небо вознослся,
Тускнел мой взгляд, и разум мой
мутился [4, с. 158].

В легендарной поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» данный мотив присутствует в сюжете смерти отца Йусуфа – Якуба:

Шәриф тәндин айырулды
газиз жаный,
Коша бәнзәп ождама таба
очар имди [6, с. 158].
От благородного тела
отделилась его душа,
И, птице уподобившись,
взметнулась к раю.

Татарский поэт периода Золотой Орды Кутб в «Хәсрәү вә Ширин» также задумывался над вопросом отделения души от тела:

Бу сүз әйгинчә, нәгяһ вакты йитте,
Кафәсдин жаны кош тик,
очты китте [10, с. 128].
Только слово с уст сорвалось,
наступил черед,
Словно птица, дух сей
вылетел из клетки.

Таким образом, вторую часть поэмы, где описываются последние минуты жизни шейха М.-З.Камалова, выделяет яркая образность, специфические термины и символизм, которые, с одной стороны, имеют глубоко суфийские корни, а с другой – восходят к традициям, бытующим в средневековых литературах мусульманского Востока, татарской литературе в частности.

Третья, самая объемная, часть элгии рассказывает о многочисленном потомстве некоторых избранных му-

ридов и последователей шейха М.-З. Камалова, об их дальнейшей судьбе после кончины главы семейства. Из элегии мы узнаем, что после смерти шейха у него остались два сына и десять дочерей. В обязанности старшего сына Ибрагима входило чтение пятничных проповедей. В силу его молодости, автор элегии выражает сожаление, что отца его, который мог бы наставлять и направлять сына в нужном русле, уже нет рядом; он возносит мольбы к Аллаху и просит ниспослать ему помощь в углублении своих познаний: *Угълы Ибраһим ки йәшдер, хале дәгел фанәсе, / Мәсҗед-минбарда хазир укый җомга хәтбәсе. / И Хода, нәсрәт бир аңа гыйлмехикмәт хиссасы, / Анда мәҗһүд улса иде шәйхемезнең бәһрәсе* [11, с. 6⁶]. (Сын его Ибрагим еще молод, (?) / С минбара⁸ мечети читает он пятничные проповеди. \ О Аллах, ниспошли ему помощь в постижении премудростей наук, / Ах, если б было в том участие нашего шейха). Что касается его второго сына Мухаммад-Исмагила, то из произведения мы узнаем, что на момент кончины Мухаммад-Закир ишана ему не исполнилось и двух лет. Автор элегии называет его благословенным, так как и внешне, и характером он очень похож на своего покойного отца: *Бер мөбәрәк угълы Мөхәммәд Исмәгыйль тәсмисе, / Әткәсенә охшайыбдыр сыйфаты һәм һийәте. / Гомер бирсен Хак Тәгалә, сакласын һәр афәте, / Ике йәше йитмәйенчә калды мәхрүм ул сабый* [11, с. 6⁶]. (Один благословенный сын по имени Мухаммад-Исмагил, / Правом и внешностью похож он на отца. / Пусть долгую жизнь дарует ему Аллах и защитит его от разных напастей и бед, / Остался сиротинушкой он, не достигши и двух лет). Говоря о многочисленных достоинствах представителей многочисленного семейства Мухаммад-Закир ишана, автор с

восхищением восклицает: *Фазлы Хакдыр җан-кузең ач вә-с-сәлам, / Бу нә мәнзел, бу нә җәннәт бу мәкам* [11, с. 9^а]! (По милости Аллаха открой глаза и душу, / Что это за дом – райское место, [не дом]!). Действительно, многие дочери М.-З.Камалова удачно выходят замуж; их мужьями становятся известные и высокообразованные представители татарского народа.

В элегии значительное место уделено Мухаммад-Наджибу Амирханову, и это не случайно. Как известно, Наджиб Амирхан был сыном близкого друга М.-З.Камалова – Мухаммад-Хусаина Амирхана, с которым ишан вместе учился в Маскаринском медресе. Согласно сведениям Р.У.Амирханова, «в 1893 году в Чистополь приезжает Мухамед-Наджиб... В тот год шейх Мухаммад-Закир уже тяжело болел, ему было трудно руководить людьми. Постепенно он задумывается о том, на чьи плечи он возложит после своего ухода миссию духовного наставничества. В феврале состоялась свадьба Мухаммад-Наджиба и дочери шейха (имеется в виду дочь М.-З.Камалова Камилятенниса. – А.Х.) ... По благословению Шейха, Мухаммад-Наджиб начинает активную деятельность среди мусульман Чистополя. Вскоре он стал преемником шейха Мухаммада-Закира Чистави» [3]. Все эти сведения относительно Наджиба Амирхана отражены и в элегии с некоторыми немаловажными дополнениями. По словам автора произведения, Наджиб Амирхан, поистине, был духовным преемником (*халифа*) шейха, так как характеризовался как человек основательный, надежный и стойкий. Он заслужил любовь и доверие Мухаммад-Закир ишана и получил от него *иджазу* (разрешение на наставничество), что давало ему право самому обучать учеников (*муридов*). После смерти своего наставника Наджиб Амирхан остается

исполнять обязанности имама мечети, т.е. продолжает дело, начатое его наставником – М.-З.Камаловым. Также из элегии мы узнаем, что у Наджиба Амирхана также было несметное количество муридов со всех концов России: *Имди калды ул мөкандэ кияу мулла Нәҗиб, / Гыйльмелә, хыйльмелә мәсуф булды хәзрәткә хәбиб. / Дәрсе мәшгуль калды, аны изен вирде би-тәмам, / Мәсҗед-михрабда хазир кылды аны ул имам... / Көлле әтрафдин мөридләр димәгә, хәдд, йук саны* [11, с. 4^а]. *(Итак, остался на том месте зять мулла Наджиб, / Образованностью и надежностью отличался, полюбил его хазрат. / Остался он преподавать, [шейх] дал ему иджазу, / Он подготовил его как имама мечети... / Муриды, числа им нет, [съезжались] со всех концов).*

Также из элегии мы узнаем о печальной судьбе дочери Мухаммад-Закир ишана Хадичи, вышедшей замуж за муллу Закира⁹. Мулла Закир, сам родом из Чистополя, занимался преподаванием в медресе и служил имамом во второй мечети прихода Мухаммад-Закир ишана. Из поэтического произведения мы узнаем, что мулла Закир, как и остальные зятья, являлся муридом М.-З.Камалова и во всем ему повиновался; он блестяще освоил исламские науки, был знатоком Корана (*хафиз*), однако за три месяца до кончины Мухаммад-Закир ишана он безвременно ушел из жизни. В элегии с глубоким психологизмом описываются страдания Хадичи. Мухаммад-Закир ишан сам очень тяжело переживает смерть зятя; это известие отражается на его сердце: *Вафаты өч ай мөкаддәм иде шейхдин шул заман, / Шәйхемезнең йөрәгенә гассә йагъды рәдд һаман* [11, с. 4^а]. *(Он погиб за три месяца до [кончины] шейха, / Сердце нашего шейха прихватило кряду много раз).* Но за первым ударом в жизни дочери шейха Хадичи

последовал второй – уже после кончины отца умирает ее сын, которому едва исполнилось два года.

В этой же, заключительной части элегии приводятся сведения и о суфийском наставнике (*мушиид*) самого М.-З.Камалова – Махмуд-афанди ад-Дагистани ал-Алмали (1810–1877), который был родом из дагестанского села Алмали. В произведении заключены уже известные сведения о шейхе Махмуд-афанди, а именно то, что он был способен творить чудеса (*карамат*), а также то, что похоронен он на территории Астрахани. Автор произведения отмечает, что Мухаммад-Закир ишан в свое время научился у совершенного наставника (*камил устаз*) многим наукам: *Шәех Мәхмуд әл-Фәгал улдыр әһле камәл, / Камил остаз улмакыдин сабак алды би-мәҗсал. / Нәчә фәндин хасыйл итмеш ул ирәнләр сөрүре, / Гәм кәрәмәт садыр улмыш, кабере идүр Әчтерхани* [11, с. 9^а]. *Шейх Махмуд был из суфиев, / Будучи совершенным наставником, он давал наставления. / Скольким наукам научились у него, [источника] радости мужчин, / Из него исходили чудеса, могила же его в Астрахани).*

В марсии, словно крупницы, рассыпаны изречения автора в суфийском духе. Они выполняют роль своего рода коротких афоризмов, что, несомненно, скрашивает все произведение, придавая ему законченную форму и лаконичность. Например: *Нитәкем җан тәндәдер, и мөмкинәт, / Җан кидәчәк, малың улыр би-сәбат* [11, с. 7^б]. *(В то время, как душа в теле, [существует возможность], / Душа покинет [тело], а земное богатство непостоянно),* или: *Раббенә, Раббе Кәрим, Мөгътыйәт! / Хөббе дөнйә илә итмә беги мат* [11, с. 12^б]. *(О Господь, Милостивый и Дарующий! / С любовью к [бренному] миру не забывай наши души)* и т.д. Местами эти же самые афоризмы выполняют роль

«заключений», разделяя, таким образом, текст на отдельные повествования о том или ином члене большого семейства Мухаммад-Закира Камалова. Так, например, после рассказа о мулле Наджибе Амирхане читаем: *Нә өчен кәлдең вәҗүдә, бел, үзең, / Мәҗрифәтлә, бел, нә җәүһәрәң сүзең* [11, с. 14^a]. (*Зачем тебе дана жизнь, постигни сам, / Ради познаний, знай, и слова твои как благородные каменья*). После повествования о мулле Закире заключено следующее двустишие, смысл которого так или иначе связывается с личностью самого мурши-дина Закира: *Әгәр гәрчәк ир исәң, мәдрә ул, / Фәна ул әүвәл, андин патша ул* [11, с. 15^a]. (*Если ты мужчина, то будь человечным, / Земной мир сначала, потом уж будь царем*). Иными словами, этот афоризм в определенной степени раскрывает перед нами личность мурши-дина Закира, который, по всей видимости, будучи практикующим суфием, не сторонился и мирских дел, собственным трудом добывая себе хлеб насущный. Как известно, основной принцип Накшбандийа: «Сердце – возлюбленному (т.е. Богу), рука – делу». Многие из татарских поэтов-суфиев (М.Кули, А.Каргалий, А.Тубыли и др.), будучи приверженцами накшбандийского

тариката, несмотря на свою ученость и высокое положение в обществе, занимались простым крестьянским трудом, а земледелие воспевалось в их стихах как самое достойное и благородное занятие. Жизнедеятельность Мухаммад-Закира ал-Чистави также ярко демонстрирует нам этот же принцип.

Данная элегия раскрывает читателям лишь небольшую часть фактов из биографии и деятельности Мухаммад-Закира Камалова, его родных и некоторых из муридov и преемников. Многие из жизни Закир ишана, других представителей духовной элиты татарского народа остается неизученным. Поисковая работа год от года выявляет все новые и новые труды татарских богословов. Хочется надеяться, что дальнейшие изыскания ученых смогут постепенно восполнить этот пробел, ведь на современном этапе изучение трудов религиозных деятелей такого масштаба, как М.-З.Камалов, З.Расулев, Г.Баруди, активно отстаивавших право татарского народа на самобытность, борющихся за развитие духовной культуры, за достойное настоящее и будущее своих соплеменников, представляет большую актуальность и значимость.

Литература

1. Абу 'Абдуррахман Мухаммад б. 'Абдулваххаб ал-Чистави. Табсират ал-муршидин мин ал-маша'их ал-халидийин // Шуайб б. Идрис ал-Багини. Табакат ал-Хваджакан ан-Накшбандийа вас адат ал-маша'их ал-Халидийа ал-Махмудийа (на арабском языке). Дамаск: Дар ан-ну'ман ал-'улум, 1999. – С. 5–76.
2. Амирханов Р.У. Закир ишан Камалов и татарское просвещение [Электронный ресурс] / Р.У.Амирханов – URL: // http://tat-business.ru/finlyandskie_tatary13/finlyandskie_tatary16/.
3. Амирханов Р.У. Путь шейха Мухаммад Закира Чистави [Электронный ресурс] / Р.У. Амирханов. – URL: <http://www.sufizm.ru/lib/douknow/chistavi/>.
4. Баласагунский Юсуф Хасс-Хаджиб. Наука быть счастливым. – М.: Худ. лит-ра, 1971. Перевод Наума Гребнева. – С. 158.
5. Клепиков С.А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. / С.А.Клепиков. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. – С. 103.
6. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – Б. 208.

7. *Марджани Ш.* Мостафад эл-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. – Казань: Типоли-тография Императорского ун-та, 1900. – Т.2. – С. 207.
8. *Миннегулов Х.* Татарларда ислам дине / Х.Миннегулов // Мирас. – №4. – 1998. – 112 – 115 б.
9. 40 хадисов имама ан-Навави: хадис 4.
10. *Хисамов Н.* Бөек язмышлы эсэр. –Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Б. 128.
11. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ: ф. 39, оп. 1, ед. хр. 3251.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Амирханов Р.У.* Закир ишан Камалов и татарское просвещение // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2001, № 1/2, с. 69–78; *Амирханов Р.У.* Путь шейха Мухаммад Закира Чистави [Электронный ресурс] / Р.У. Амирханов. – URL: <http://www.sufizm.ru/lib/douknow/chistavi/>; *Амирханов Р.У.* Знаменитость всероссийского масштаба (Закир ишан Камалов) [Электронный ресурс] / Р.У. Амирханов. – URL: <http://www.tataroved.ru/institut/novhist/publ/3/>.

² См. подробнее: *Хасавнех А.А.* Биография татарского накшбандийского шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави (Камалова) в дагестанских арабоязычных сочинениях // Суфизм: идеи, практики, институты. Традиции и современность (Международный научно-методологический семинар). – Киев, 2012. – С. 10–13; *Хасавнех А.А.* Сочинение татарского шейха Мухаммад-Закира ал-Чистави “Табсират ал-муршидин”: краткий обзор // Суфизм: идеи, практики, институты. Традиции и современность (Международный научно-методологический семинар). – Киев, 2012. – С. 13–15; *Хасавнех А.А.* Биографические сведения о татарском шейхе Мухаммад Закире ал-Чистави в дагестанских арабоязычных рукописях // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2012. – № 1(18). – С. 78–81.

³ Далее в цитатах такого рода дополнения к основному варианту марсии заключены в квадратные скобки.

⁴ В истории исламской мысли насчитывается восемнадцать тысяч миров, куда входят мир людей, мир ангелов, мир джиннов и т.д. В суфийской литературе имеются сведения о восемнадцати тысячах миров (Саджади – «Словарь мистических слов, терминов и выражений», с. 567). В произведениях таких известных мистиков Востока, как И.Насими, Ш.И.Хатаи и др., можно часто встретить выражение «восемнадцать тысяч миров».

⁵ Маскара – по другим источникам, в том числе и в самой анализируемой марсии – Мачаскара (совр. Кукморский р-н РТ).

⁶ *Амирханов Р.У.* Путь шейха Мухаммад Закира Чистави [Электронный ресурс]...

⁷ Табарак – сура «Мульк», которая является 67-й по счету.

⁸ Минбар – кафедра, трибуна.

⁹ К сожалению, в марсии не дается полного имени муллы Закира.

Аннотация

В статье представлен литературный анализ марсии-элегии неизвестного автора на смерть татарского накшбандийского шейха М.-З.Камалова. В произведении рассказывается о примечательных фактах жизни и деятельности М.-З.Камалова, его личных достоинствах, излагаются эпизоды последних минут перед его кончиной, а также сведения о дальнейшей судьбе некоторых из детей, последователей и муридов прославленного шейха.

Ключевые слова: марсия, Мухаммад-Закир ишан Камалов, суфизм, накшбандийский шейх.

Summary

The article presents the literary analysis of marsiyah-elegy of the unknown author on the death of the Tatar Naqshbandi Sheikh M.-Z.Kamalov. The work describes some remarkable facts of the life and activity of M.-Z.Kamalov, his personal merits, episodes of last minutes before his death, as well as the information about the life of some of his children, followers and murids.

Keywords: marsiyah, Muhammad-Zakir Ishan Kamalov, Sufism, Naqshbandi Sheikh.

УДК 82.09(091)

«ХОСРОВ И ШИРИН» КУТБА В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

А.И. Ахметова, аспирантка

Татарская литература, так же как и литературы других народов, прошла длительный путь развития. При этом особое место занимает исследование ее средневекового периода, т.к. актуальность этой проблемы связана с тем, что к настоящему времени многие древние рукописные памятники до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Отметим, что именно этот период сыграл действенную роль в развитии духовной жизни татарского народа, на литературную арену вышли выдающиеся поэты и писатели, чьи произведения являются достоянием не только татарского народа, но и всего тюркского мира в целом.

Как уже известно, первые сведения о поэме «Хосров и Ширин» Кутба зафиксированы во втором томе каталога тюркских рукописей Парижской национальной библиотеки, опубликованном Э. Блоше в 1933 г. [14]. С тех пор поэма неоднократно подвергалась историко-литературному, лингвистическому, лингво-текстологическому и социально-философскому анализу.

Так, анализируя исследовательскую деятельность татарских литературоведов в этом направлении, отметим значительный вклад А.Т.Тагирджанова [8, с.140–159], Э.Н.Наджиба [3], Х.Ю.Миннегулова, [5], Х.У.Усманова (Хатипа Госмана) [11], Н.Ш.Хисамова [12, с. 73–80] и других.

А.Т.Тагирджанов одним из первых начал более полное и детальное ис-

следование поэмы Кутба. Написанная им в 1946 г. диссертация посвящена изучению жизни и деятельности поэта. В этой работе, наряду с лингвистическими особенностями этого произведения, ученый также выявил его языковые и стилистические особенности [9].

В науке бытует мнение о том, что автором произведения «Хосров и Ширин» является известный иранский ученый и философ Кутбетдин ар-Рази (ум. в 1365 г.), более известный под псевдонимом Тахтани. Профессор А.Т.Тагирджанов на основе анализа поэмы и путем сопоставления имеющихся исторических фактов с содержанием текста доказал, что Кутбетдин ар-Рази и Кутб – это не один и тот же человек, а две личности с их разными социальными статусами, интересами и деятельностью [8, с. 105–106]. Но одним из самых ценных заключений, которые он сделал в процессе исследования данной поэмы, является то, что он смог привести доказательства, подтверждающие факт, что Кутб является поэтом Поволжья. Эти выводы А.Т.Тагирджанова полностью опровергают мнения некоторых узбекских ученых, считающих Кутба выходцем из Хорезма [8, с. 109–110].

Еще один большой труд профессора о произведении Кутба включен в первый том «Истории татарской литературы» («Татар әдәбияты тарихы») [7, с. 170–196]. В частности, выделяя особую значимость данного произведе-

дения для всего тюркского мира, автор отметил: «Наряду с тем, что Кутб писал свою поэму под влиянием произведений «Котадгу белег» Йосыф Хас Хаджи, «Кыйссаи Йусуф» Кул Гали и других тюркоязычных авторов, также значимо влияние этой поэмы на более поздние произведения таких авторов, как Мухамедъяр («Тухфаи-мардан», «Нуры содур»), Мир Хайдар («Махзанел Асрар») и др. [7, с. 172].

В 1969 г. появляется публикация текста поэмы «Хосров и Ширин» на арабской графике в двух книгах, выполненная под редакцией литературоведа Х.У.Усманова (Хатип Госман) [2]. Ему же принадлежат еще такие работы, как «Шестьсот двадцать лет назад» («Алты йөз егерме ел элек») [1], «Источники древнетюркской и татарской литературы» («Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы: уку-уқыту әсбабы») [11, с. 44–143], в которых прилагаются описание и анализ сюжета «Хосров и Ширин» Кутба.

Так, в статье «Шестьсот двадцать лет назад» Х.У.Усманов подтверждает, что Кутб является поэтом Поволжья, который «... перевел поэму азербайджанского классика Низами (Абу Мухаммада Ильяса ибн Йусуф Низами Ганджави (1141–1209) с персидского на тюркский, т.е. на литературный язык наших предков» [1, с.135]. Анализируя сюжетную линию произведения, а также обращая внимание на отдельные строки, он пришел к выводу о том, что, несмотря на принятое в те времена религиозное мировоззрение, Кутб ищет ответ на многие жизненные вопросы с точки зрения человеческой сущности, человеческого мировоззрения, которые в некоторой степени противопоставляются принятым религиозным нормам. Ученый также пишет, что в этой поэме «... полностью отсутствуют идеи суфизма и аскетизма, наоборот, произведение от первой строчки до

последнего бейта пронизано любовью к миру, восхищением красотой и безграничной любовью. Именно в этих качествах Кутб видит истинное счастье человека» [1, с.136].

Э.Н. Наджип, продолжив изучение произведения Кутба, выявил языковые особенности этой поэмы [4]. Тот факт, что Кутб при написании поэмы использует дословный перевод, а также авторскую интерпретацию поэмы Низами, где-то сокращая, а где-то вводя новые детали и сюжеты повествования, дал основание ученому прийти к выводу, что «Хосров и Ширин» является поэмой, созданной в традиции назире [10, с. 343]. В 1979 г. ученый издал часть словаря произведения Кутба [3].

Труды профессора Х.Ю. Миннегулова также позволили раскрыть немаловажные факты из сюжета поэмы. Ему принадлежит ряд работ по изучению произведений таких известных поэтов, как Саиф Сараи (1321–1396), Таджутдин Ялчыгул (1768–1838), Шамсутдин Заки (1825–1865) и др. Наиболее значимым для нас является его монография [6], представляющая собой учебное пособие о жизни и деятельности Кутба, где ученый дает более глубокое и детальное описание поэмы. При этом автор затрагивает историю изучения произведения, анализирует труды других медиевистов в этой области, описывает сюжет поэмы, интерпретирует идейно-художественные особенности поэмы Кутба.

Особенно важной, на наш взгляд, является информация о Берке Факихе (полное имя – Берке бин Баракиз бин Кандуз бин Идегу ал-Кипчаки) (2-я половина XIV в.), который приблизительно в 1383 г. в Египте нашел рукопись, переписал и отредактировал ее. Также в этой монографии дается наиболее полная информация о местонахождении и происхождении рукописного варианта произведения,

где М.Ю.Миннегулов уточняет, что оригинальная рукопись поэмы «Хосров и Ширин» Кутба считается утерянной, а переписанный Берке Факихом вариант рукописи хранится в Парижской Национальной библиотеке (Mss. Turcs. Anc. F–312). Поэма, по мнению многих ученых, в том числе и Х.Ю.Миннегулова, предположительно написана в 1341 г. в Белой Орде и посвящена старшему сыну хана Узбека (ум. в 1340 г.) Тенибеку и его жене Малике [6, с. 8].

Х.Ю.Миннегулов, в свою очередь, анализируя поэму «Хосров и Ширин» Низами и Кутба, а также труды Э.Н.Наджиба и других медиевистов, больше склоняется к мысли, что поэма «Хосров и Ширин» написана в традиции назире. Ученый дает анализ этим двум работам. В его работе «Есть что сказать ...» («Дөнъяда сүземез бар...») [5], где, наряду с разделами о Хусаме Кяйтибе, Мухаммедьяре, Акмулле, Тукае и других татарских поэтах, есть и раздел, посвященный творчеству Кутба.

Литературовед Н.Ш. Хисамов, который является одним из специалистов по средневековой тюркской литературе, написал немало трудов, касающихся изучения произведения Кутба¹.

В сборнике «Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.)» он отметил ценность творчества Кутба и определил место произведения поэта среди других средневековых тюркских памятников [13, с. 73–80]. Так, в разделе о творчестве Кутба

Н.Ш.Хисамов заключил, что «конечная эстетическая цель поэта состоит в поиске идеала человека. Именно в поиске, а не в показе ... [поэт] не дает готовых формул и реквизитов, а показывает движение человека к совершенству, усовершенствование его жизненных установок, нравственного поведения и душевных качеств» [12, с. 74]. Также в этом труде автор, анализируя произведения Кутба с точки зрения литературоведения, особое внимание уделяет экономическим вопросам феодального общества того времени, посредством анализа поведения всех героев поэмы позволяет выявить идейно-эстетические качества произведения, характер персонажей, а также возможные идеалы самого поэта Кутба.

Таким образом, анализируя труды татарских литературоведов и тюркологов, посвященных изучению поэмы Кутба «Хосров и Ширин», мы можем заключить, что это произведение было и является одним из самых значимых в средневековой татарской литературе. Его исследование помогло раскрыть многие неизвестные ранее факты об авторе и его произведении, в частности: то, что Кутб был выходцем с территории Поволжья; поэма «Хосров и Ширин» оказала значительное влияние на тюркскую, в том числе и татарскую литературу; в поэме выявлена оригинальная авторская интерпретация; данное произведение Кутба представляет большую художественную ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. тр.: *Хисамов Н.Ш.* XIII–XIV гасырларда Идел буе терки поэзиясе / Н.Ш. Хисамов // – Казан утлары, 1987. – № 4. – 39–47 б.; *Хисамов Н.Ш.* Урта гасыр татар әдәбиятында әдәби багланьшлар / Н.Ш.Хисамов // Татарстан. 1993. – № 10. – 16–23 б.; *Хисамов Н.Ш.* XIV йөз татар шигъриятендә кеше идеалы (Котб, Хәрәзми, Хөсам Кяйтиб, Сәйф Сарай һәм алар ижатында ижтимагый-фәлсәфи мәсьәләләр) / Н.Ш.Хисамов // Татар шагыйрьләре (монографик мәкаләләр, ижат портретлары һәм этюдлар). – Казань: Тат. кит. нәшр., 2012. – Б. 44–71.

Литература

1. *Госман Х.* Алты йөз егерме ел элек / Х.Госман. – Совет әдәбияты. – 1962. – № 12. – Б. 135–137.
2. *Котб.* Хәсрәү вә Ширин хикәяте / Фәнни редакторы проф. Х.У.Усманов. 2 китапта. – Казан ун-ты нәшр., 1970. – 1 кит. – 220 б, 1971. – 2 кит. – 440 б. (на араб. графике).
3. *Надҗип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосров и Ширин» Кутба. В 4-х книгах / Э.Н.Надҗип. – М.: Гл. ред. восточ. лит-ры, 1979. – Книга 1. – 479 с.
4. *Надҗип Э.* Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер онытылган язма истәлекләре турында / Э.Надҗип // Совет әдәбияты. – 1957. – № 12. – С. 79–80.
5. *Миңнегулов Х.Ю.* Дөнъяда сүземез бар... / Х.Ю.Миңнегулов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 336 б.
6. *Миңнегулов Х.Ю.* Котб ижаты: «Борынгы һәм Урта гасыр әдәбияты» курсыннан студентлар өчен уку ярдәмлеге. – Казан, 1976. – 76 +3 (факсимиле) б.
7. *Таһирҗанов Г.Т.* Котбның «Хәсрәү вә Ширин» әсәре / Г.Т.Таһирҗанов // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда. Т.1. Урта гасырлар дәвере. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – Б. 170–196.
8. *Таһирҗанов Г.Т.* Тарихтан – әдәбиятка / Г.Т. Тагирджанов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – Б.140–159.
9. *Тагирджанов А.Т.* «Хосров и Ширин» Кутба: Дис. ... канд. филол. наук / А.Т. Тагирджанов. – Ташкент, 1946. – 252 с.
10. Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х.Хасанов, ответ. ред. Г.С.Сабириянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М – П. – С. 343.
11. *Усманов Х.У.* Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганакалары: уку-укыту әсбабы / Х.У.Усманов. – Казан ун-ты нәшр-ты, 1981. – С. 44–143.
12. *Хисамов Н.Ш.* Поэты XIV века Кутб, Хорезми, Хусам Кятиб, Сейф Сарай и социально-философская проблематика их творчества / Н.Ш.Хисамов // Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.) / Руководитель авторского коллектива и научн. ред. Н.Ш.Хисамов. – Казань: Фән, 1999. – С. 73–80.
13. *Хисамов Н.Ш.* XIII–XIV гасырларда Идел буе төрки поэзиясе / Н.Ш.Хисамов // Казан утлары, 1987. – № 4. – 39–47 б.
14. *Catalogue des manuscrits tures* Pfr E.Bloch. 2 v. – Paris: Bibliotheque nationale, 1933. – 2 v. – 314 s.

Аннотация

Статья посвящена выявлению роли произведения средневекового тюркоязычного поэта Кутба «Хосров и Ширин» в татарской литературной медиэвистике. В ней рассмотрены и проанализированы основные труды татарских тюркологов и литературоведов, посвященных изучению этой поэмы.

Ключевые слова: Кутб, «Хосров и Ширин», медиэвистика, анализ, тюрколог, литературовед.

Summary

Article is devoted to the identification of the role of work of medieval Turkic poet Qutb «Khosrow and Shirin» in Tatar literary medieval studies. It contains the review and analysis of major works of Tatar turkologists and literary scholars written on this poem.

Keywords: Qutb, «Khosrow and Shirin», medievalism, analysis, turkologists, literary scholars.

УДК 34(091)

АМИНА МУХИТДИНОВА – ЖИЗНЬ И СУДЬБА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

А.Ф. Мухитдинова родилась в Казани в 1893 г. В 1902 г. Амина поступает в младший приготовительный класс Казанской Мариинской женской гимназии. В мае 1912 г. она заканчивает 7-классный курс с отличными оценками и золотой медалью, получает звание учительницы начальных училищ, с правом заниматься обучением и на дому. Кроме предметов общего характера, в гимназии она изучала французский язык, педагогику, чистописание, занималась рукоделием и рисованием и, конечно же, обязательный для того времени закон божий, а также церковно-славянскую словесность.

В августе 1912 г. Амина поступает в 8-й дополнительный класс в этой же гимназии – для специального изучения русского языка. Учеба продолжается до 31 мая 1913 г. Как видно из свидетельства, А. Мухитдинова показала отличное поведение, учебные занятия выполняла с отличными оценками. По всем предметам – отличные оценки, за исключением гимнастики (удовлетворительно). В результате она получает звание домашней наставницы. Уже с 14 лет Амина давала частные уроки и зарабатывала себе на жизнь.

А. Мухитдинова рано начала выступать в печати. В частности, одна из ее статей – «Кто такая мугаллима Фатима?» – была написана в связи с появлением пьесы Гаяза Исхакова «Мугаллима» (1914 г.). Пьеса вызва-

ла оживленную дискуссию. Только в 1914 г. о ней появились 8 статей различных авторов, в том числе Мухитдиновой, которая писала о необходимости использования в татарской драматургии и татарском театре опыта Запада, превозносила творческий метод зарубежных авторов модных драм¹.

В мае-июне 1914 г. Амина в Казанской второй мужской гимназии подвергается дополнительным испытаниям-экзаменам. По русскому сочинению и латинскому языку она получает оценку «отлично», а по физике, математике и французскому языку – «хорошо». Это дает ей право поступления в университет.

В августе 1915 г. А. Мухитдинова обращается к ректору Императорского Казанского университета с заявлением о зачислении ее в число слушательниц медицинского факультета, а если там нет вакансий, то на естественное отделение физико-математического факультета. Своим адресом она указывает Екатерининскую улицу Казани, а именно Татарскую учительскую школу. Амину зачислили на медицинский факультет, на котором она училась один год. 2 сентября 1916 г. Мухитдинова обращается к ректору с заявлением о переводе на юридический факультет. Ее заявление удовлетворяется.

Как известно, после революции юридический факультет в Казанском университете был закрыт. Вместо

него появился факультет общественных наук (ФОН), куда и просит зачислить себя Мухитдинова в заявлении от 5 мая 1919 г. В октябре 1919 г. она оканчивает учебу в Казанском университете².

Умная, подающая надежды Амина мечтала и о научной карьере. По ходатайству ректора Казанского университета от 28 ноября 1919 г. она была оставлена для приготовления к профессорскому званию по кафедре «теория капиталистического хозяйства». Однако этим мечтам не суждено было сбыться.

Вместе с Мулламуром Вахитовым А. Мухитдинова была одним из организаторов Мусульманского социалистического комитета. В первом номере газеты комитета «Кзыл Байрак», редактором которой являлся М. Вахитов, помещается статья А. Мухитдиновой «Свобода женщине», пронизанная мыслью о том, что буржуазно-демократическая революция не способна освободить женщин, что истинное равноправие ей даст только социалистическая революция³.

Амина Мухитдинова – одна из организаторов и активных участников женского движения в Татарии. Жен-организаторы, женотделы, съезды и конференции женщин, делегатские собрания и многое другое – всем этим пришлось заниматься А. Мухитдиновой и ее соратницам. Она в 1917 г. вела работу среди татарских солдаток. С ее участием создавались «Бюро мусульманских солдаток», «Союз солдаток», кассы взаимопомощи для солдатских жен, дома для детей-сирот и беспомощных родителей, решались вопросы оказания финансовой и иной помощи.

О совместной работе с М. Вахитовым Мухитдинова впоследствии напишет статью «Мулламур Вахитов в Февральской революции». Она его называет руководителем татарского

пролетариата, слова которого, «как острие ножа, вонзались в сердца тех, против кого они были направлены». Как и Мулламур Вахитов, Амина Мухитдинова была сильным публицистом, журналистом. Она пишет ярко, образно, убедительно.

На Всероссийском мусульманском съезде в Москве в начале мая 1917 г. А. Мухитдинова выступила с докладом о роли женщины-татарки в социалистической революции. Реакция на ее выступление была разной: меньшевики, кадеты, националисты потребовали удалить Мухитдинову из зала; революционно настроенные солдаты и рабочие устроили ей овации. Участвовавший на этом съезде писатель Галимджан Ибрагимов оценил выступление Мухитдиновой как «одно из самых глубоких по содержанию и сильных по эмоциональному значению выступлений».

Мы не будем более подробно останавливаться на деятельности Амины Мухитдиновой в качестве заместителя Мусульманского социалистического комитета. Эта тема достаточно освещена в научной и публицистической литературе.

В январе 1918 года создается Центральный мусульманский комиссариат при Наркомнаце во главе с Мулламуром Вахитовым. А. Мухитдинова работает здесь в качестве заместителя, а затем – председателем научного отдела комиссариата.

Во время гражданской войны А. Мухитдинова с самого начала боевых действий и до их завершения выполняла обязанности политрука в действующих частях Красной Армии – на 16-х мусульманских пехотинских, 8-х пеших командных курсах в Казани.

Амина Мухитдинова была среди организаторов и активных участников создания так называемого Академического центра Народного ко-

миссариата просвещения Татарской республики, и стала его первым руководителем. Академический центр в 1918 г. начинает издание журнала «Магариф», который впоследствии стал органом Наркомпроса Татарской республики.

В январе 1919 г. она участвует в проведении в Казани конференции по реформе татарской орфографии. Как вспоминал Самигулла Касимов, он прибыл на конференцию в качестве делегата от Урала. Конференция проходила в большом здании, которое впоследствии стало Домом работников просвещения. По словам С. Касимова, зал был набит до отказа. Делегаты, собравшись в группы, о чем-то спорили, разговаривали, общались. Вскоре на сцене появились мужчина и молоденькая девушка. Ими оказались Мустафа Субхи (основатель и председатель коммунистической партии Турции) и Амина Мухитдинова. Они вдвоем руководили работой конференции.

Внимание всех делегатов привлекла Амина Мухитдинова – молодая, красивая девушка, со стройной фигурой и пронзительным, острым взглядом. Всех интересовал вопрос: кто она такая, эта молодая девушка, и когда она успела стать таким «большим» человеком?⁴

Амина Мухитдинова по праву считалась одной из первых татарских красавиц того времени. Вдобавок к этому она была весьма образованной женщиной. Она всю жизнь боролась за права женщин, за их раскрепощение, за равноправие женщин и мужчин. И сама, своими действиями, поступками доказывала, что женщины могут трудиться, творить наравне с мужчинами.

Перейдем к юридической деятельности А. Мухитдиновой. С июля 1920 г. она работает заведующей Казанским районным отделом юсти-

ции, заместителем наркома юстиции ТССР. Во время отсутствия наркома юстиции Нехотяева (по болезни, командировки) его обязанности исполняет Мухитдинова. Одновременно она является членом Центральной мусульманской научной коллегии во главе с И. Фирдевсом.

Мухитдинова курировала в отделе юстиции Татревкома и в Наркомате юстиции подотделы судоустройства и судопроизводства, судебного контроля, судебной статистики, участвовала в разработке положения о НКЮ. Как заведующей Казанским районным отделом юстиции, ей подчинялись члены коллегии Богаутдинов (впоследствии нарком юстиции) и Бирюков. Она же являлась председателем Казанского совета народных судов.

Организационный период создания, становления Казанского районного отдела юстиции был трудным. Одновременно с упразднением уездных бюро юстиции их дела передавались в Казанский отдел юстиции. Шло определение территории границ отдела, его внутреннего устройства. Состоялось распределение города Казани на следственные участки.

Отдел рассматривал и разрешал многочисленные, разнообразные вопросы. Например, в сентябре 1920 г. на распорядительном заседании отдела было решено отстранить народного судью первого участка г. Казани Максорова – за его неумение вести судебные заседания и грубое обращение с публикой.

В октябре 1920 г. на распорядительном заседании коллегии заслушали доклад доктора Донского о санитарном состоянии тюрем. Далее заслушали сообщения о собрании служащих судебных учреждений г. Казани. Было решено вещественные доказательства, оставшиеся у нарсудей по рассматриваемым делам, передать на помощь фронту.

30 июля 1920 г. проходит заседание комиссии для выработки декрета об амнистии по случаю объявления Татарской республики. На нем участвуют: от отдела юстиции – Мухитдинова, от рабоче-крестьянской инспекции – Зивгаревич, от Татревкома – Валидов, от Губчека – Бычков, от Реввоентриба – Портнов. Председателем комиссии избирается Мухитдинова, секретарем – Зивгаревич.

Комиссия знакомится с декретами ВЦИК об амнистии – Октябрьской (1919 г.) и Первомайской (1920 г.) и выбирает для использования первый декрет как наиболее полный по содержанию и который предоставляет больше прав и преимуществ для облегчения участи заключенных разных категорий. За основу амнистии решили взять принцип полного освобождения. К отдельным категориям лиц амнистия не могла быть применена. Наблюдение за исполнением декрета возлагалось на отдел юстиции. Комиссия подготовила и внесла соответствующий проект постановления Революционного комитета Автономной Татарской республики об амнистии по случаю объявления автономной ТССР⁵.

14 августа 1920 г. на распорядительном заседании Ревкома Мухитдинова выступила с докладом об организации двух районных революционных трибуналов на территории Татарской республики. До их организации данные функции были возложены на Казанский городской трибунал.

1 октября 1920 года под председательством заместителя наркома юстиции Мухитдиновой проходит еще одно заседание междуведомственной комиссии по вопросу о применении амнистии. Участвуют представители революционного трибунала, совнарсуда, судьи, следователи и другие. Комиссия решила – амнистировать через суды дела следственных заключен-

ных в той стадии следствия, в какой их застала амнистия, в первую очередь рассматривать дела заключенных, находящихся в местах лишения свободы. Комиссия внесла и пожелание в ЦИК: о применении амнистии к лицам, осужденным к высшей мере наказания, заменив его другой степенью наказания. Также было высказано предложение о разработке инструкции для единообразного применения амнистии⁶.

В этот же день, 1 октября 1920 г., отдел юстиции провел ведомственное совещание для подробного инструктажа по вопросу применения амнистии.

21 октября 1920 г. заместитель Наркомюста Мухитдинова участвует в работе заседания комиссии по разгрузке тюрем. Заседают одни мужчины с грозными должностями: Председатель ВсеТатЧека и начальник особого отдела ВЧК при Западной Армии Иванов, председатель революционного трибунала Казанского района Бирюков, заведующий Казанской рабоче-крестьянской инспекцией Конев, заместитель председателя Военного трибунала Западной Армии Кузнецов.

В период работы в Наркомюсте Татарской республики (1920–1921 гг.) А. Мухитдинова одновременно являлась членом президиума и заведующей организаторско-инструкторским подотделом в Суконно-Слободском районном комитете партии.

27 декабря 1920 г. состоялся первый Всетатарский съезд судебных деятелей. В работе съезда Мухитдинова участвовала как заведующая районным отделом юстиции. Она была избрана в президиум съезда. С основным докладом выступил Нехотяев. Мухитдинова выступила на съезде с докладом по Положению о народном суде.

Как заместитель наркома юстиции Татарской республики, Мухитдинова

вместе с другими представителями соответствующих органов участвовала в проверке Казанской тюрьмы, например, 1 января 1921 г., с осмотром камер и беседами с заключенными.

Из отчета за декабрь 1920 г. видно, что в декабре в Казанский районный отдел юстиции поступило запросов, отношений и других бумаг – 264. В течение месяца было исполнено 363 бумаги. Состоялось одно распорядительное заседание коллегии. Он курировал работу уездных судов. К отчету прилагались и сведения о деятельности райсовнарсуда – о движении, рассмотрении уголовных и гражданских дел.

В январе 1921 г. в отчет добавляются сведения о деятельности Губрев-трибунала. В отчет за апрель 1921 г. включены и сведения о деятельности народных следователей и народных судов г. Казани.

6 июля 1921 г. согласно приказу по НКЮ от 4 июля 1921 г. заведующая районным отделом юстиции Мухитдинова сдала дела своему заместителю Саттарову. Был составлен акт о передаче дел и по Казанскому совнарсуду⁷.

Что могло послужить причиной ухода А. Мухитдиновой из Наркомюста? Очевидно, что она не сработалась с новым наркомом юстиции Гимазом Богаутдиновым, не вписалась в его команду. Богаутдинов призвал в Наркомюст людей, которых он знал хорошо. Это были выходцы с Бондюжского химического завода, либо товарищи наркома по гражданской войне. Они были готовы выполнить любое указание наркома. А хрупкая, с высшим юридическим образованием А. Мухитдинова могла возразить.

О произошедшем конфликте между наркомом Г. Богаутдиновым и его заместителем А. Мухитдиновой красноречиво свидетельствует и заявление Мухитдиновой от 19 июля

1921 г. в областной комитет РКП (б) Татарской республики. В нем А. Мухитдинова пишет, что была назначена в июле 1920 г. по постановлению областкома и Совнаркома ТССР заместителем наркома юстиции Татарской республики и в течение года работала в НКЮ в качестве заведующей Казанским районным отделением юстиции и председателя Совнарсуда. 4 июля 1921 г. Г. Богаутдинов своим приказом освобождает А. Мухитдинову от означенных должностей и назначает членом Областного революционного трибунала. В этот же день Мухитдинова получает новый приказ – о назначении ее представителем от Наркомата юстиции Татарской республики в Наркомюст РСФСР.

Мухитдинова идет к Богаутдинову и задает вопрос: какой из приказов считать действительным? И получает ответ, что она остается членом революционного трибунала. 6 июля А. Мухитдинова получает мандат члена революционного трибунала и выезжает в служебную командировку в Чистополь по делам Наркомюста. По приезду она получает приказ Г. Богаутдинова об отстранении ее от должности члена Казанского революционного трибунала.

А. Мухитдинова пишет в областком партии: «... в настоящее время я властной рукой товарища Богаутдинова отстранена от всех должностей при наркомюсте, без указания мне соответствующих причин. Указанные действия товарища Богаутдинова считаю неправильными и нарушающими принципы нашей партии по следующим мотивам: 1) товарищ Богаутдинов не имел права единолично отстранить меня от должности заместителя народного комиссара юстиции, на которую я была назначена областкомом и Совнаркомом; я как ответственный партийный работник нахожусь в распоряжении областкома, который яв-

ляется единственным полномочным снять меня с работы; 2) отстранение меня от целого ряда должностей без указания причин противоречит Кодексу законов о труде и дискредитирует меня как члена РКП и советского работника; 3) перебрасывание по капризу из одной должности в другую партийного работника, издавая о нем в неделю чуть ли не полдесятка приказов, противоречит партийной этике. Мои неоднократные попытки лично объясниться с товарищем Богутдиновым приводили лишь к грубым выкрикам с его стороны, а потому я вынуждена обратиться к областному как к высшему на месте партийному органу, стоящему на страже защиты своих членов от подобных выходов товарищей, злоупотреблявших своим положением».

Заявление, прямо скажем, серьезно мотивированное, написано рукой грамотного, сильного юриста и партийного работника, без заискиваний. Все вещи названы своими именами.

Конечно же, Амина Фасыховна понимала, что при сложившихся обстоятельствах не сможет работать в Наркомюсте. Поэтому она просит областком партии направить ее на другую советскую работу⁸.

Заявление Мухитдиновой было рассмотрено на заседании областного комитета партии 20 июля 1921 г. Принимается решение – отозвать ее в распоряжение областкома.

Одновременно 20 июля 1921 г. на заседании бюро областкома рассматривается заявление Еникеева об освобождении его от должности начальника Академического центра Татнаркомпроса. Заявление Еникеева удовлетворяется, на его место назначается Мухитдинова⁹.

Заявление Мухитдиновой на заседании областного комитета было рассмотрено без каких-либо обсуждений. Кто прав, кто виноват – эти вопросы

не выяснялись. Вполне очевидно, что правота Мухитдиновой была молчаливо признана. Но никто не решился об этом открыто высказаться. Сработал старый принцип: Богутдинову работать, пусть он и подбирает себе кадры.

С 4 августа 1921 г. Мухитдинова назначается начальником Академического центра Наркомата просвещения Татарской республики. Начальник Академцентра по рангу являлся первым заместителем наркома просвещения. Некоторые исследователи рассматривают Академцентр Наркомпроса ТАССР как прообраз будущей Академии наук Республики Татарстан¹⁰.

26 августа 1921 г. в повестке заседания Секретариата областного комитета партии с участием Карпова, Ендакова, Иванова, Мухтарова и других стоял доклад наркома просвещения Татарской республики Галимова. Секретарь областкома Карпов, оглашая повестку дня, заметил, что многие члены бюро находятся в командировках, отсутствует кворум, что затрудняет решение вопросов принципиального характера. С другой стороны, есть вопросы неотложного характера, которые нужно разрешать. После обмена мнениями было решено рассмотреть текущие дела, среди которых был и вопрос о положении в Наркомпросе, о необходимых в этой связи передвижениях и назначениях.

Далее члены секретариата приступили к рассмотрению вопроса о назначении наркома просвещения. Карпов в кратких чертах обрисовал состояние работы в Наркомпросе, указав, что работа там совершенно останавливается, и если не дать туда подходящего человека, то работа встанет. Со своей стороны Карпов выдвинул на пост наркома просвещения две кандидатуры – Мухитдиновой и Ибрагимова.

Причем Мухитдинову Карпов назвал первой.

Иванов (ТатЧека) возразил против кандидатур Карпова и выдвинул Габидуллина, заявив, что «более подходящего работника из татар не найти». Высказались также Ендаков, Мухтаров, снова Карпов и Иванов. После детального обсуждения члены секретариата нашли самой подходящей кандидатуру Габидуллина. Секретариат принял решение: на пост наркома просвещения выдвинуть кандидатуру товарища Габидуллина¹¹. Правда, Габидуллин успел поработать наркомом лишь несколько месяцев.

Тогда в правительстве Татарской республики не было женщин на должности наркома. Сам факт выдвижения Мухитдиновой на такую высокую должность говорит о многом. Однако секретаря областного комитета партии Карпова не поддержали, и он не смог отстоять свое мнение.

По решению ЦК ВКП (б) в 1922 г. Мухитдинову перебрасывают в Крымскую республику – она была образована в октябре 1921 г. В Крыму А. Мухитдинова работала на ответственных руководящих должностях. Она была членом, прокурором Симферопольского городского и областного революционного трибуналов, заместителем прокурора Крымской республики. Здесь Амина Мухитдинова занимается созданием органов прокуратуры, перестройкой органов трибунала. Она внесла большой вклад в создание и укрепление органов прокуратуры Крыма. Она выступала в качестве государственного обвинителя на многих крупных судебных процессах.

В 1924 г. А. Мухитдинова возвращается в Казань и направляется на партийную работу. Одно время она является ответственным секретарем объединенного городского райкома партии Казани – то есть возглавляет партийную организацию г. Казани.

В 1926 г. Мухитдинова начинает работать в прокуратуре Татарской республики. 4 ноября 1926 г. Мухитдинова как представитель от прокурорского надзора участвовала в заседании комиссии по разверстке соответствующего количества народных заседателей для Главсуда и нарсудов г. Казани по промышленным предприятиям, волостям и воинским частям. На комиссии было определено количество народных заседателей, которые необходимы для судов в 1926–1927 гг.

12–14 ноября 1926 г. в Москве состоялось совещание представителей национальных образований в составе РСФСР, созванное по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и заместителя Председателя СНК РСФСР Рыскулова. На совещании участвовали 49 представителей автономных образований. Обсуждались различные вопросы национального движения, статуса республик и так далее.

2 января 1927 г. в Казани на собрании партийного актива под председательством секретаря Татарского обкома ВКП(б) Хатаевича состоялось обсуждение итогов совещания в Москве. Не вдаваясь в детали обсуждений в Москве и Казани, заметим, что на совещании в Казани выступила и Амина Мухитдинова – на тот момент помощник прокурора Татарской республики. В своем выступлении она осудила предложение об отделении Башкирии и Татарии от России, назвав это болезненным уклоном, мешающим экономическому развитию. «Теперь, в 1927 г., – сказала она, – разрешение национального вопроса ... есть разрешение хозяйственного вопроса»¹².

Скорее всего, на это совещание А. Мухитдинова была приглашена не столько как представитель Наркомюста – прокуратуры Татарской республики: ведь на совещании участвовал

и выступил также и Наркомюст – прокурор республики Палютин. А. Мухитдинову на это совещание могли пригласить как специалиста по вопросам национальных республик, с учетом ее образованности, опыта работы на руководящих должностях в Татарской и Крымской республиках.

12 апреля 1927 г. на заседании коллегии НКЮ ТР в числе других вопросов был рассмотрен вопрос о работе помощников по судебному надзору. Отчитывались: Мухитдинова – по уголовному надзору, Масис – по надзору за гражданскими делами. В целом их работу признали положительной, отметив нормальные взаимоотношения помощников прокурора с Пленумом Главсуда. Указали и на недостатки в работе. В своем заключительном слове Мухитдинова согласилась с отдельными замечаниями, а по некоторым обоснованно возразила.

На совещании судебных работников НКЮ 10–11 октября 1927 г. подводились итоги работы. После доклада Палютина состоялись выступления других работников. В них говорилось и о работе кассационной коллегии, о длительном прохождении дел и других недостатках. Выступившая Мухитдинова отметила сложную, трудную обстановку в работе коллегии, указав и на состоявшееся сокращение ее штатов. По ее словам, в работе коллегии «количество дел идет за счет качества». Тем не менее Мухитдинова работу кассационной коллегии в целом и карательную политику нарсудов в отношении к растратчикам посчитала правильной. В своем выступлении Мухитдинова также говорила об огромной загруженности помощников прокуроров по судебному надзору. Поэтому они участвовали лишь в заседаниях Главного суда¹³.

31 октября 1927 г. помощники прокурора Татарской республики Масис и Мухитдинова участвуют в заседа-

нии расширенного Президиума Главсуда ТССР, на котором обсуждались вопросы перерайонирования следственного участка по г. Казани, о созыве совещания судей и народных следователей г. Казани и другие¹⁴.

В 1927 г. ЦК ВКП(б) отзывает А. Мухитдинову в Москву – она назначается членом коллегии Верховного Суда РСФСР, где работает до 1931 г. Затем следует учеба в Институте Красной профессуры мирового хозяйства и мировой экономики (1931–1934 гг.). Одновременно она преподает политическую экономию и историю партии в школе НКВД. После окончания института А. Мухитдинова работает помощником заведующего отделом печати ЦК ВКП(б). В период работы в Москве А. Мухитдинова была членом бюро партячейки, партследователем в Московской партийной организации. В 1929 и 1933 гг. она участвовала в проведении партийной чистки в Московской партийной организации.

В библиотеке Казанского государственного университета каким-то чудом уцелела юридическая работа А. Мухитдиновой: «Революционная законность и бытовые преступления на Востоке». Книга была издана в 1929 г. в Государственном издательстве в Москве. Удивительно, как не уничтожили эту книгу в годы репрессий – ведь все книги «врагов народа» подлежали изъятию и уничтожению.

В небольшой по объему книге (38 страниц) А. Мухитдинова рассказывает о первых шагах советской власти в борьбе с бытовыми преступлениями. Автор ратует за полное раскрепощение женщины от бытового угнетения, от многочисленных предрассудков и обычаев, которые железным кольцом окружают повседневную жизнь трудящейся женщины. Работа относится к уголовному праву. А. Мухитдинова подробно рассматривает новую

X главу Уголовного кодекса РСФСР «О преступлениях, оставляющих пережиток родового быта». Она была утверждена ВЦИК в марте 1928 г. Работа основана на материалах республик Востока (Северный Кавказ, Средняя Азия). Имеются ссылки на конкретные случаи, факты, на соответствующие примеры по Узбекистану, Азербайджану, Туркмении, Казахской республике, Башкирии, Бурято-Монгольской республике, Кабардинской области и другие. Чувствуется, что автор проделала немалую работу. Материал собран во многих республиках и областях. В качестве примеров использованы конкретные примеры из судебной практики. Проведен разбор самых различных случаев и ситуаций.

А. Мухитдинова дает статистику бытовых преступлений того периода, отмечая, что эти сведения являются приблизительными. Например, в Башкирии в 1926 г. за многоженство осудили 89 человек, а за уплату калыма – 9. Автор подчеркивает, что действительное число подобных преступлений во много раз превышает эти цифры. В 1926 г. по СССР произошло крупное увеличение числа осужденных за бытовые преступления. Мухитдинова объясняет это тем, что население и судебные органы стали больше обращать внимания этим вопросам.

В книге подробно рассмотрены отдельные составы преступлений: калым; принудительный брак, в том числе с похищением женщины; двоеженство и многоженство. При этом Мухитдинова дает подробный комментарий по каждой статье Уголовного кодекса, разъясняя, какие действия включает в себя каждый состав преступления. Обращено внимание на различные нюансы и тонкости, выявляющиеся при расследовании.

Комментируя статью 196 Уголовного кодекса РСФСР (калым),

А. Мухитдинова, в частности, разбирает обычай, существующий в Чувашской республике, Марийской области и Татарской республике, – когда жених делает невесте свадебные подарки, родственники жениха и невесты обмениваются приношениями. Если подарки делаются добровольно и стороны не извлекают имущественной выгоды, то состава преступления нет, – объясняет Мухитдинова.

Еще раз Татарская республика упоминается в книге (вместе с Башкирией) при анализе дел о похищении невесты. Мухитдинова сообщает, что в Татарской республике и Башкирии встречаются случаи, когда жених-бедняк, не достигнув соглашения с родителями любимой девушки, которые ищут богатого жениха, похищает девушку с ее согласия, но тайно от родителей. В таких действиях, по мнению автора, также нет состава преступления. В комментарии к данному случаю явно проявляется классовый подход автора, когда оправдываются действия жениха-бедняка. А когда простую невесту похищает богатый жених, то состав преступления налицо. С этим соглашался и гениальный Леонид Гайдай, поставив комедию «Кавказская пленница».

Других упоминаний про Татарскую республику в работе мы не находим. Зато в ней много примеров по Средней Азии и Кавказу – именно в тех краях совершалось большинство подобных преступлений.

Говоря о похищении женщины, автор отмечает, что в некоторых местах это влечет другое тяжкое преступление – кровную месть. Мухитдинова приводит пример, когда в Осетии за одну похищенную девушку было убито 25 человек. Стороны рыли в деревне окопы, крестьяне боялись выйти на улицу и на работу.

В последней главе книги А. Мухитдинова формулирует задачи жен-

щины-активистки на местах при проведении законов о бытовых преступлениях. В первую очередь она говорит о необходимости широкого ознакомления женщин с советскими законами. А. Мухитдинова подчеркивает, что с заявлением о совершении преступлений, составляющих пережиток родового быта, может обратиться не только потерпевшая женщина, но и любой гражданин, которому стало известно о совершении подобного преступления.

Книга А. Мухитдиновой решает несколько задач. В первую очередь, она комментирует уголовный закон. Далее, книга в популярной, доступной форме знакомит граждан с положениями закона. И кроме того, она носит явно направленный пропагандистский характер.

Несколько слов о семье. Муж Мухитдиновой, Осман Дивиев, был блестящим экономистом и в целом одаренным человеком. Биографии Амины Мухитдиновой и Османа Дивиева в чем-то схожи. Оба они вначале учились на врача (Осман – в Одесском медицинском институте), а потом решили получить юридическое образование (Дивиев окончил юридический факультет Новороссийского университета). Оба участвовали в мусульманском революционном движении (она – в Казани, он – в Одессе). Поженились они в Крыму в 1923 г. Объединяла их и совместная работа с турецким коммунистом Мустафой Субхи – Осман работал с ним в Одессе, а Амина в Казани.

В 1924–1926 гг. Дивиев работал заместителем наркома юстиции – заведующим отделом прокурорского надзора. В 1925 г. Осман Дивиев, как заместитель наркома юстиции – прокурора ТССР направил ряд циркуляров на места. В циркуляре № 6/123 он предупреждал лиц прокурорского надзора, судей и следователей – воз-

держаться от затребования лошадей от органов милиции. Предупреждение было вызвано получением письма из НКВД ТССР от 12 августа 1925 г. В нем НКВД сообщал, что на местах при выездах в кантоны члены кантисполкомов, члены канткомов РКП(б), а также лица прокурорского надзора, судьи и следователи практикуют использование конного состава кантонных управлений милиции. В некоторых случаях истребование лошадей даже носило принудительный характер.

А вообще-то работники прокуратуры все время ездили на транспорте милиции как тогда, на лошадях, так и потом – на машинах. Сам сколько лет работал следователем и прокурором, часто использовал транспорт милиции. Потому что у них транспорта всегда было намного больше, чем у прокурора, да и потом, какой милиционер откажет прокурору? Так что эта практика живуча.

В другом циркуляре № 4/121 Осман Дивиев сообщал об имеющих место в кантонах случаях, когда для проведения судебно-медицинской экспертизы народные судьи и следователи на местах привлекают санитарных врачей кантонов. Дивиев обоснованно указывает, что санитарный врач совершенно не подготовлен к работе в области судебно-медицинской экспертизы, так как он врач по санитарным наблюдениям и по борьбе с эпидемиями. Поэтому привлечение его в качестве судебно-медицинского эксперта Дивиев считал нецелесообразным. В этой связи Дивиев предлагал: для проведения судебно-медицинской экспертизы в первую очередь привлекать судебно-медицинских экспертов; если таковых нет или нельзя задерживать вскрытие труп в связи с отсутствием эксперта на месте, необходимо привлекать участковых врачей, работающих в кантздравах; если уж нет и

этих, и других, и нельзя отложить экспертизу, то в таких критических случаях можно привлекать санитарного врача¹⁵.

Кроме работы в юридической сфере, Осман Дивиев работал и в банковских, финансовых учреждениях. Например, в 1926–1927 гг. он в Казани являлся председателем Татсельхозбанка. В Москве он трудился членом правления Сельхозбанка, управляющим Колхозбанком, членом коллегии и начальником Управления трудсберкасс Наркомата финансов РСФСР, возглавлял Центральное издательство, работал в зерносовхозном объединении, старшим инспектором финансового управления «Главзолото» Наркомтяжпрома.

Обратимся к материалам уголовного дела А.Ф. Мухитдиновой. Она и супруг были арестованы 15 августа 1937 г. в Москве. Основное обвинение – состояла в антисоветской организации группировки «левых», активно участвовала в антисоветской деятельности. Кроме того, она обвинялась в том, что знала о контрреволюционной деятельности своего мужа Османа Дивиева и скрывала об этом.

Арест был санкционирован заместителем наркома НКВД СССР. Проведен обыск по месту жительства Мухитдиновой и Дивиева – ул. Петровка, 14–16. Вместе с Аминой в московской квартире проживала ее больная сестра Марьям, 1895 г.р. При обыске изъяты часы дамские ручные золотые с браслетом, но без стекла, зеркало, чемоданчик, деньги в сумме 61 руб. 99 коп., пистолет-револьвер и медкарточка лечсанупра Кремля. В медицинской справке Мухитдиновой отмечены ее болезни – комбинированный порок сердца, малокровие.

На момент ареста Мухитдинова не работала и была персональной пенсионеркой по болезни.

На допросах Мухитдинова подтвердила, что с 1920 г. участвовала в «левой» группе, в 1925 г. примкнула к ее так называемой «ультралевой» части, участвовала в ней до 1927 г. Одни общие слова, никакой конкретики, за исключением мелких фактов – кто и у кого бывал, на каких квартирах и что обсуждали. Амина припомнила один факт, когда представители «левых» Ганеев и Сагидуллин в Заречном районе г. Казани выступили с требованием увеличить число татарских работников в составе райкома ВКП(б). Это было в 1925–1926 гг. Со слов А. Мухитдиновой, в 1925–1926 гг. она, являясь секретарем РК ВКП(б), на партийных конференциях и районных партийных собраниях поддерживала кандидатуры «левых».

Спрашивали ее и о муже. Если верить протоколу, то Мухитдинова сообщила о том, что Осман Дивиев в 1918 г. находился на территории белых в Крыму, работал у генерала Сулькевича и проводил там антисоветскую деятельность.

Отметим, что первые допросы А. Мухитдиновой датированы лишь 15 и 21 августа 1938 г. На допросе 21 августа 1938 г. она, в частности, дает показания об антисоветской деятельности супруга Османа Дивиева.

Однажды в кабинете своего следователя Амина Мухитдинова увидела папку с делом Османа Дивиева. Возможно, что следователь сделал это специально. На папке была надпись – «расстрелян – мая 1937 года». Только дату расстрела она не смогла рассмотреть. Очевидно, узнав о расстреле супруга, А. Мухитдинова поняла бессмысленность сопротивления и дала нужные следствию показания.

Дело А. Мухитдиновой – небольшое по объему. В нем имеются показания самой Мухитдиновой. Нет даже характерных для других дел всяких выписок и копий протоколов допро-

сов других обвиняемых (кроме показаний Гимранова Заки).

Из дела мы узнаем, что у Мухитдиновой и Дивеева был сын. Амина часто лежала в больнице. С ребенком она приезжала в Казань к матери. По показаниям арестованного Гимранова Заки, сын Мухитдиновой и Дивиева умер, в связи с чем Осман в последнее время пил. До этого Осман был веселым компанейским человеком.

Следователь пытался уличить А. Мухитдинову в посещениях нехороших людей (Ф. Сайфи), в участии в квартирных совещаниях у двоюродного брата Мухитдинова Насыха, и оглашал в этой связи показания Сайфи и Мухитдинова. Однако Мухитдинова отрицала эти встречи. По поводу показаний Сагидуллина она подтвердила наличие встреч, и о том, что Сагидуллин бывал у них на квартире в Москве.

На допросе 4 февраля 1939 г. А. Мухитдинова показала, что в 1926 г. присутствовала на квартире Х. Габидуллина в Казани на совещании татарских «левых» с участием троцкиста Сокольников. Тогда Амина была ответственным секретарем объединенного городского райкома партии ВКП (б) г. Казани и кандидатом в члены Татарского обкома ВКП(б). Правда, Амина не понимала, в чем тут преступление – ведь Сокольников тогда приехал в Казань на областную партийную конференцию как представитель ЦК ВКП(б). Совещание проходило под руководством секретаря Татарского обкома партии Хатаевича. И на нем обсуждали – как прекратить групповую борьбу в Татарской партийной организации.

8 февраля 1939 г. следствие обьявляется законченным. В мае 1939 г. принимается решение – передать дело Мухитдиновой на рассмотрение Особого Совещания. Указано, что обвиняемая признала себя виновной

частично; лица, уличающие ее в антисоветской деятельности, – осуждены.

Прокурор Леонтьев делает вывод о доказанности преступления. В качестве доказательств выступают собственные признания Мухитдиновой и отдельные копии изъятых у Мухитдиновой писем антипартийного содержания. Заключение прокурора – Мухитдинова заслуживает направления в лагерь на 8 лет.

10 февраля 1940 г. в казанской тюрьме ей объявили о решении Особого Совещания – 5 лет ссылки в Красноярский край, считая срок наказания с 15 августа 1937 г.

Несколько слов и о деле Османа Дивиева. Он был обвинен в шпионаже в пользу Турции. Не будем разбираться в обвинениях – никаких доказательств этого в деле нет. Из дела мы узнаем, что Дивиев в Крымской республике занимал должности начальника Главного управления местами заключения, наркома внутренних дел, наркома юстиции и прокурора Крымской республики, ответственного секретаря Крымского ЦИКа. Последнее место работы – Финансовое управление «Главзолото» в Москве.

Квартира Мухитдиновой и Дивиева в Москве была объявлена сотрудниками НКВД как московский центр татарских «левых». Следствие сделало вывод, что здесь проводились нелегальные сборища «левой» группы и обсуждались вопросы борьбы против партии и советской власти.

Действительно, на квартире Мухитдиновой и Дивиева часто собирались представители казанских и московских татар. Сагидуллин на допросе показал, что в декабре 1931 года он здесь застал целое собрание. Там было много красноармейцев, военных, в том числе Чанышев, Касимов, Насых Мухитдинов, Ибрагим Ганеев, Мавлюдов. Сагидуллин открыл дверь в квартиру и, увидев много народа,

воскликнул: «Да тут весь реввоенсовет собрался».

По свидетельству узника казанской тюрьмы, бывшего председателя Казанского городского совета П.В.Аксенова, просидев в тюрьме немало времени, Амина Мухитдинова продолжала слепо верить в непогрешимость Сталина¹⁶.

Аксенов также отмечает, что А. Мухитдинова работала в аппарате ЦК ВКП (б) вместе с Н.И. Ежовым. Мухитдинова и Дивиев длительное время находились в большой личной дружбе с Ежовым, и эта дружба носила доверительный характер. Осман и Николай часто выпивали, пели песни, дурачились, разговаривали о пустяках и серьезном.

Ежов и его супруга сохранили близкие отношения с Мухитдиновой и Дивиевым и после назначения Ежова наркомом НКВД. И тем не менее оба были арестованы по распоряжению Ежова и этапированы в Казанскую внутреннюю тюрьму. В результате применения насильственных методов Дивиев признал себя виновным.

Находясь в камере, Осман Дивиев рассказал Аксену о своих встречах с Н.И. Ежовым. Эти сведения представляют огромный интерес и показывают, насколько близкими были отношения между Ежовым и Мухитдиновой с Дивиевым. Одновременно они подтверждают главную и зловещую роль Сталина в применении репрессий против своего народа. Обратимся к воспоминаниям Аксенова – в той части, где он передает рассказ Османа Дивиева.

ИСПОВЕДЬ ННЫКАЛАЯ.
ДВАДЦАТЬ ДВА МЕТОДА
АКТИВНОГО ВЕДЕНИЯ
СЛЕДСТВИЯ ТОВАРИЩА ЕЖОВА

Николай Иванович Ежов, велико-
лепный техник партийной работы,

обладал еще двумя высокими качествами – хорошей памятью и послушанием. Работая с кадрами партии, он отлично знал очень многих людей, работавших в Москве и даже в провинции, помнил даже тех, кого никогда не видел, но знал по анкетным данным и другим источникам. Поэтому он мог в любой момент предоставить Сталину исчерпывающую информацию об отдельных деятелях или группах деятелей, подвизавшихся в разнообразных сферах партийной и государственной жизни.

Самого Сталина Ежов не просто знал, – он знал его проникновенно и потому мог безошибочно определять и угадывать сокровенные желания и замыслы своего хозяина. Сталину не приходилось напоминать Ежову о выполнении тех или иных распоряжений. Ежов не нуждался в напоминаниях. Схватывая на лету брошенное Сталиным замечание, он додумывал его за своим рабочим столом, превращал в законченные мысли и директивы своего шефа и представлял ему на рассмотрение и утверждение.

Ежов не изображал из себя мыслителя, но он умел отлично слушать, вникать в услышанное и исполнять. И за это Сталин ценил и даже любил Ежова и в повседневных контактах называл его не по фамилии, а по имени, чтобы подчеркнуть интимность их отношений.

И сам Ежов очень радовался тому, что хозяин запросто называл его «Нныкалай».

И вот эти качества Ежова и определили выбор Сталина, когда ему понадобился нарком внутренних дел нового типа, то есть нарком, знающий партийные кадры, понимающий желания своего шефа и совершенно послушный.

Еще до февральско-мартовского пленума шеф ориентировал Ежова на необходимость усиления режима

в тюрьмах и лагерях, более твердой процедуры следствия и смелой изоляции всякого рода критиков и недовольных.

Вскоре после пленума между хозяином и Ежовым состоялся генеральный разговор о дальнейших мероприятиях по упорядочению дел в стране. Критерием оценки этих дел явилось «теоретическое» открытие Сталина относительно обострения классовой борьбы по мере достижения новых успехов социализма. Сталин обратил внимание своего наркома на категорическую необходимость изоляции и даже ликвидации всякого рода колеблющихся, сомневающихся, подозрительных и недовольных, мешающих процессу образования в партии и стране монолитного единства.

Ежов информировал Сталина, что значительное количество представителей этих групп уже репрессировано в центре и на местах, и будут производиться дальнейшие аресты. Он доложил также, что готовятся несколько списков наиболее ответственных представителей этих сомневающихся и маловеров, и как только списки будут готовы, Ежов представит их на рассмотрение хозяина. Через несколько дней списки были готовы. Ознакомившись и одоблив их, Сталин спросил Ежова:

– Это хорошо, Нныкалай, но что Вы намерены с ними делать?

– Мы их уничтожим, товарищ Сталин.

– Кого хотите уничтожить – списки?

– Врагов, товарищ Сталин, о которых мы с Вами, насколько я помню, условились в прошлый раз.

– Нет, Нныкалай, ты меня, кажется, не до конца понял. Уничтожить их надо, конечно, потому что они враги. Но на законном основании. Это значит: надо вести следствие и судить по законам нашего государства. Иначе

история и историки нас не поймут и осудят.

– Но, товарищ Сталин, опыт допросов уже репрессированных врагов не дает нужных результатов. Они не признаются, и даже самые опытные и твердые следователи не могут добиться от них нужных показаний.

– Ошибка ваших следователей состоит в том, что они применяют либеральные методы следствия, свойственные иным, буржуазным формам права. Но ведь мы живем в условиях ожесточенной классовой борьбы, и здесь эти формы непригодны. Нам нужны динамичные, активные методы следствия для того, чтобы сломать сопротивление заведомых классовых врагов.

– Я Вас понял, товарищ Сталин, мы научим следственный аппарат работать по-новому.

– Ты должен понять еще одну истину. Нам надо обезвредить или уничтожить не только этих вот, явных врагов. Надо раскрыть и уничтожить их связи. Одного признания мало, надо, чтобы эти люди показали своих сообщников.

Рассказ Ежова о беседах со Сталиным произвел на Османа и Амину тягостное впечатление, но не вызвал с их стороны какого-либо неодобрения. Они понимали трудность положения своего друга в новых условиях, сложившихся после февральско-мартовского пленума, и прониклись к нему большим сочувствием. Но до них не дошло самое главное в рассказе Ежова: курс на бескомпромиссное уничтожение активного слоя партии.

После своего рассказа Ежов, опустив голову к столу, долго сидел в каком-то тягостном раздумье. Другьям показалось, что прозвучала исповедь, исповедь отчаяния, и они спросили:

– Что Вас так расстраивает, Николай Иванович?

Он с недоумением посмотрел на них и вдруг, подняв голову, жестко улыбнувшись, проговорил:

– А вы, я вижу, не поняли смысла моих речений. Так знайте: ваш чувствительный друг и товарищ разработал и подписал инструкцию о применении в следственной практике наиболее эффективных средств допроса арестованных. В этой инструкции 22 пункта, то есть 22 метода мучений, пыток людей с одной только целью – вынудить их давать нужные нам показания. Эта инструкция войдет, несомненно, в историю под моим именем, и имя это будет проклято невинными жертвами и предано презрению теми, кто внушил мне это черное дело.

Закончив, Ежов налил целый стакан водки и залпом выпил. Но, как ни странно, редко и небольшими дозами принимающий алкоголь, Николай Иванович теперь не пьянел от очень больших доз водки. Он только мрачнел и становился угрюмым.

Желая развеселить Ежова, Амина, разглаживая рукой его спутанные волосы, говорила что-то хорошее, мягкое, успокаивающее, но, не добившись успеха, промолвила:

– Николай Иванович, в конце концов, ты можешь отменить эту неудачную инструкцию или уйти из НКВД на другую работу. Осман мне всегда говорил, что по характеру своему ты не пригоден для работы в НКВД, ты слишком мягкий человек. И я согласна с ним.

– Эх вы, наивные идеалисты, вы до сих пор не понимаете, что от нашего хозяина никто и никуда не может уйти. Не забывайте: помимо НКВД, во главе которого он меня поставил, у него есть еще тайное, негласное НКВД, которым он лично руководит. И это маленькое, негласное, но самое мощное НКВД держит в руках наше большое НКВД, генералитет и самих членов политбюро. Все мы – пленни-

ки этого негласного НКВД и хозяина, управляющего им...

Ежов проглотил еще полстакана водки, поднялся со стула и, не прощаясь, покинул нас. Больше мы не встречались с Николаем Ивановичем, а через некоторое время нас арестовали и привезли сюда.

На этом закончил свой рассказ Осман Дивеев. Мы долго молчали. Потом Осман поднял голову:

– Здесь я познал на себе и товарищах, с которыми встречался, эффективность 22-х методов моего будущего друга. Никому до сих пор об этом не говорил, а вот сегодня рассказал. Может, кто-нибудь из нас останется жив и поведает людям о страшном заговоре «отца народа» против своих детей...¹⁷

* * *

Летом 1940 г. А. Мухитдинову привезли в ссылку в г. Енисейск, поселили в каком-то сарае. Затем ее приютила местная жительница, работавшая уборщицей. Амина работала разнорабочей на пристани, на лесозаводе. Часто болела, потом потеряла работу. Затем ей удалось устроиться на работу в библиотеку.

В июне 1940 г. (очевидно, сразу по прибытии на место ссылки) Мухитдинова обратилась с заявлением на имя секретаря ЦК ВКП (б) Жданова. Мухитдинова пишет, что решением Партоллегии при Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) под руководством Шкирятова ей было объявлено предупреждение за участие в левой националистической татарской группировке. Через 11 дней после этого решения Мухитдинова была арестована в Казани, больная, без смены белья, без средств. Находилась под следствием 2,5 года. Мухитдинова указывает в жалобе, что ее этапом вели пешком 70 километров зимой в

мороз в 30 градусов из Елабужской тюрьмы в Казанскую, полтора года она проболела в тюрьме цингой. Видимо, именно болезнью объясняется отсутствие протоколов ее допросов в течение первого года заключения. Следствие по делу Мухитдиновой вели сотрудники НКВД Крохичев, Хабибуллин и Гатин.

Мухитдинова в заявлении указывает, что в 1926 г. состоялось решение ЦК ВКП(б) о прекращении группировочной борьбы между правыми и левыми в татарской партийной организации, и она окончательно и немедленно отошла от левой группировки, признав свою ошибку. После 1926 г. в левой группировке не участвовала.

Бедная Амина Фасыховна! В заявлении Жданову она неоднократно кается в своей ошибке перед партией и пытается доказать, что она исправила эту ошибку. Она просит вернуть ее «в ряды равноправных членов строителей социалистического общества». Однако никто на это заявление не ответил.

Если исходить из решения Особого Совещания, то срок ссылки Мухитдиновой (5 лет) истек в августе 1942 г.

Однако домой она поехать не могла – шла война. Мухитдинова скончалась в г. Енисейске 26 декабря 1944 г. В акте о смерти указана причина – сыпной тиф, менингит.

О реабилитации Мухитдиновой обратилась в 1958 г. родственница – Н.М. Мухитдинова. В этом же году А. Мухитдинова была реабилитирована.

В период пересмотра дела был допрошен член партии Самигулла Касимов, 1897 г.р. Лично знавший Амину Мухитдинову, С. Касимов сообщил, что она была активным деятелем партии, высокообразованным, политически грамотным человеком, часто выступала с лекциями и докладами перед населением.

Я бы мог еще многое написать о заслугах Амины Фасыховны Мухитдиновой. В истории Татарстана она занимает очень высокое и достойное место. По масштабу личности, деятельности я бы сравнил ее с такими известными личностями, как Коллонтай, как Фурсова и другие женщины – государственные деятели. К сожалению, она не смогла реализовать свой огромный потенциал в полной мере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нуруллин И.З. Путь к зрелости. О зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе. Казань: Татарское кн. изд-во. 1971. С. 204, 318–323.

² Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 977, Казанский университет. Опись «Личные дела». Дело № 42191 Мухитдиновой А.Ф.

³ «Ирек», 1917, 28 мая.

⁴ Касимов С. Эминэ Мөхетдинова // Азатхатын. 1963. № 11. С. 4–5.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-700, опись 1, дело 10.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-776, опись 1, дело 28. Казанский губернский отдел юстиции. Протокол междуведомственного совещания... 1919–1920 годы.

⁷ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 8. Наркомост ТАССР. Отчеты... 1920–1921 годы.

⁸ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 1, дело 112. 1921 г.

⁹ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 1, дело 92. Общий отдел. Протоколы заседаний бюро... 1921 г.

¹⁰ Гарипова З.Г. Татары за пределами Татарстана. Казань, 2008. С. 4.

¹¹ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 1, дело 94. Общий отдел. Протоколы заседаний секретариата областкома РКП(б), 1921 г.

¹² *Тагиров И.* «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // *Эхо веков.* 2006. № 1(43). С. 33–37.

¹³ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 119. Наркомюст ТАССР. Протоколы заседаний коллегии... 1926–1927 годы.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 121. Наркомюст ТАССР. Протоколы заседаний... Главсуда ТАССР. 1926–1927 годы.

¹⁵ Бюллетень Народного комиссариата юстиции АТССР, октябрь 1925. № 2. С. 28–29.

¹⁶ *Аксенов П.* Последняя вера // Казань. 1995. № 1–2. С. 79–80.

¹⁷ *Аксенов П.* Последняя вера // Казань. 1994. № 7–8. С. 119–121.

Аннотация

В статье рассказывается о жизни и судьбе Амины Фасыховны Мухитдиновой – известного государственного и партийного деятеля Татарской республики, которая стала жертвой сталинских репрессий.

Ключевые слова: Амина Фасыховна Мухитдинова, история Татарской республики, Наркомат юстиции Татарской республики, Осман Дивиев.

Summary

The article tells about the life and fate of Amina Fasykhovna Mukhitdinova, a famous statesman and party leader of the Tatar Republic, who became a victim of Stalin's purges.

Keywords: Amina Fasykhovna Mukhitdinova, the history of the Tatar Republic, the People's Commissariat of Justice of the Tatar Republic, Osman Diviev.

УДК 811.512.145'367

КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Л.Г. Валиева, кандидат филологических наук

При кондициональных отношениях зависимый компонент обозначает условие, наличие которого, как следствие, вызывает действие, выраженное главным компонентом. С этой стороны условные отношения близки к причинно-следственным отношениям. Условие, в отличие от причины, всегда является предположительным: взаимосвязь условия и обусловленного является возможной (предположительной). Иначе говоря, условные отношения связывают мысленно допускаемые события. Между компонентами конструкций, выражающих условное отношение, устанавливается и семантическая, и синтаксическая зависимость. Осуществление или неосуществление одного события зависит от наличия определенных факторов.

«Условные конструкции относятся к числу языковых объектов, постоянно и активно изучаемых не только лингвистикой, но также психологией, логикой и философией, т.е. науками, исследующими язык и речевую деятельность человека с разных позиций и в разных целях» [ТУК¹ 1998: 7]. Причем и философия, и логика изучают условие как сложное явление, состоящее из двух компонентов, наличие одного из которых напрямую зависит от существования или несуществования другого. Условные отношения имеют непосредственную связь с психологией, так как в условных конструкциях выражается способность человеческого сознания

предполагать, делать опирающиеся на какой-то информации выводы.

Придаточные условные считаются одним из наиболее рано сформировавшихся типов придаточных предложений, поскольку ранняя условная форма *-сар/-сәр* встречается еще в древнетюркских памятниках рунической письменности. Например: *Ол амты аныг жок түрк каган Отүкән жыс олурсар iltä бун жок*. 'Если в Отюкэнской черни сидит тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то в племенном союзе нет стеснения' [Малов 1951: 49].

Н.З. Гаджиева остерегается непосредственно возводить форму *-са* к *-сар*, мотивируя это тем, что в памятниках древней тюркской письменности эти формы употребляются параллельно [Гаджиева 1963: 169].

Характерное для тюркских языков условное наклонение глагола *-са/-сә* не может быть сказуемым главной части сложного целого и завершить предложение, всегда находится в составе сказуемого придаточного компонента. Например: тат. *Игътибар беләнрәк карасаң, агач төпләрәндә эреле-ваклы чуар эзләр күренә* (Р.Хафизова). 'Если присмотреться, под деревьями видны пестрые следы'; азерб. *Ишиләр тамам јохланмаса, мән әл чәкән дејиләм*. 'Если все дела не будут проверены, я не отстану' [ГАЯ² 1971: 399]; башк. *Уқыуы кыйын булһа, йәшәүе рәхәт булыр*. 'Учиться трудно, зато жить будет хорошо' [ГСБЛЯ³ 1981: 466];

казах. *Аманышылық болса, Петербурган қайтқанда бір чемодан кітапа алып қайтармын.* ‘Если все обойдется благополучно, когда вернусь из Петербурга, привезу целый чемодан книг’ [Гаджиева 1963: 161]; каракалпак. *Сен кетсенг, мен-де кетемен.* ‘Если ты уйдешь, то и я уйду’ [Гаджиева 1963: 161]; карачаево-балкарск. *Джылыкъы бирден суу ичсе, тирмен суу азайыр.* ‘Если табун будет пить воду одновременно, то вода у мельницы убудет’ [Алиев 1972: 204]; кумык. *Башгъа заман болгъан буса, бир зат да айтмас эди.* ‘Если бы было другое время, он бы ничего не сказал’ [Дмитриев 1940: 193]; ногайск. *Аше, къуллукъ эттермейек болсанъ мен къызымны берейим сагъа.* ‘Да, я отдам тебе мою дочь, если ты не будешь заставлять ее работать’ [Баскаков 1940: 128]; тувинск. *Күзээр болзуңза, чугаалаар мен.* ‘Если ты хочешь, я расскажу’ [Гаджиева 1963: 161]; турецк. *Siz tektup yazsaniz o da cevap verir.* ‘Если вы напишете письмо, то он тоже даст ответ’ [Джевдет-заде 1934: 236]; туркм. *Гурт агзасаң, гурт гелер.* ‘Помянешь волка, волк приходит’ [Ходжаев 1958: 4]; узб. *Бола йиғламаса, она сун бермайди.* ‘Если дитя не плачет, мать не дает ему молока’ [Кононов 1960: 413]; хакас. *Побам ыълаыц агъао полза, маън палых тудар аьдаьм.* ‘Если бы отец взял удочку, я рыбачил бы’ [Гаджиева 1963: 161]; шорск. *Ол парза, мен парбассым.* ‘Если он поедет, (то) я не поеду’ [Дыренкова 1941: 178] и др.

Наряду с формой *-са/-сә* может использоваться и заимствованный из персидского языка союз *әгәр*, который в этом случае является лишь вспомогательным, усиливающим условное значение средством, основным же остается аффикс условного наклонения глагола. Например: *Әгәр мин шуларны белмәсәм, / ничек мин / үткәнен, бүгенен / аңдыйм бу Илнең?*

(Р.Фәйзуллин). ‘Если я не знаю об этом, как я пойму прошлое, настоящее этой страны?’. Этот союз широко используется во многих тюркских языках: азерб. *Әкәр јолдаш Чәфәрөв ичазә версә, мән онунла мәсләһәтләшәрәм, бир јердә план тутарыг.* ‘Если товарищ Джафаров разрешит, я с ним посоветуюсь, и мы вместе составим план’ [ГАЯ 1971: 400]; башк. *Әгәр минең ауылда ла телефон булһа, мин үземдең Маринкам менән һойләшеп алыр инем.* ‘Если бы и в моей деревне был телефон, я разговаривал бы со своей Маринкой’ [ГСБЛЯ 1981: 466]; гагаузск. *Еер истәрсән, кал бурда.* ‘Если хочешь, оставайся здесь’ [Гайдаржи 1981: 85]; туркм. *Әгер сени Алтын сөййән болса, ол сени хер ерде-де гөрүп билер.* ‘Если Алтын тебя любит, то она сумеет повидать тебя в любом месте’ [Гаджиева 1963: 160]; узб. *Агар шу бола шу ерда қоладиган бўлса, мен муаллимлик қилмайман.* ‘Если этот мальчик останется здесь, я не буду преподавать’ [Кононов 1960: 414].

В азербайджанском языке, в отличие от татарского языка, союз *әкәр* может употребляться и самостоятельно, без формы условного наклонения, связывая придаточное предложение с главным и устанавливая между ними условное значение: *Әкәр бизим истәдијимизи верир, башлајаг ишләмәјә.* ‘Если он даст то, что мы хотим, начнем работать’ [ГАЯ 1971: 400].

В гагаузском языке условное предложение с союзом *еер* может занимать и постпозицию. Например: *Инсаннар... беки буйн да гезежейди, насы башсыз сурю, еер булунмаайды үрекли, кави, гөзәл хем кыйметли Байыр-оолу.* ‘Люди, возможно, и сегодня скитались бы, как толпа без предводителя, если бы не нашелся смелый, сильный, красивый, достойный Сын-горы’ [Гайдаржи 1981: 85]. В татарском языке придаточное условия с *әгәр* может на-

ходиться в постпозиции лишь при обратном порядке слов, например, в стихотворной речи: *Жырлап өлгермэгән жырлар – / Мәңгелек бүлгем сезгә, / Әгәр дәвам итсәгез лә* (М.Сафин). 'Песни, не допетые мной, – вечный подарок вам, если вы их продолжите'.

Синтетические придаточные условия в тюркских языках могут присоединяться к главному предложению при помощи частицы *-мы/-ме*, слов *исә, икән*. Например: тат. *Кыям абый Низамов кулына гармун алдымы – дөнъя ойый, дөнъя дөнъя булудан туктый – навада моң гына йөзә, йөрәкләрдә моң ташый...* (Г.Ахунов). 'Стоит Кияму абый Низамову взять в руки гармонь, мир перестает быть миром, в воздухе витает лишь мелодия, сердца переполняют чувства'; башк. *Безсәң яқта өз генә хәрәкәт тойолдомо – дошман котороноп ут аса*. 'Стоит врагу почувствовать в нашей стороне какое-то движение, как сразу же начинается яростный обстрел' [ГСБЛЯ 1981: 466]; тат. *Кодрәтең зур икән, / җилкәңә салып бар* (К.Сибгат). 'Если у тебя много сил, неси на своих плечах'; башк. *Әгәр мин Байымбәтнең малдарын кайтарам икән, ике аралағы ызғышка урын қалмай*. 'Если я верну скот Баимбета, распри между двумя сторонами будут преодолены' [ГСБЛЯ 1981: 466].

Когда сказуемые главного и придаточного предложений в форме изъявительного наклонения, событие, о котором говорится в главной предикативной единице, выступает как реально возможное, имеющее место при соблюдении названного в придаточном компоненте условия. В этом случае употребляется слово *исә*: тат. *Бала чакта ишеткән таныш көй яңгырады исә, тәнгә ток йөгәргәндәй була, бугазга кайнар төер килеп тыгыла* (М.Юныс). 'Если услышу знакомую с детства мелодию, по телу пробегают мурашки, к горлу подступает горячий

ком'; карачаево-балк. *Къар джауду эсе, суукъ боллукъ болур*. 'Если выпал снег, наверное, будет холодно'; *Джангур джауарыкъ эсе, балчыкъ болур*. 'Если пройдет дождь, будет грязно' [Алиев 1972: 340].

Условное наклонение глагола *-са/-сә*, употребляясь со словом *иде*, выражает желание не только в татарском, но и в других тюркских языках. Например: тат. *Күңелдәге шикле бар ташларны / Алып китсәң иде җимереп* (Ә.Исхаков). 'Если бы все сомнительные душевные камни можно было бы разрушить'; азерб. *Имкан олса иди, Фиридун өзү ону охудар, Тәбризә көндәрәрди*. 'Если бы была возможность, Фиридун сам обучил бы ее, отправил бы в Тебриз' [ГАЯ 1971: 400]; узбекск. *Онам бўлса эди, қишлоғимга кетардим*. 'Если бы у меня была мать, я поехал бы в свой кишлак' [Кононов 1960: 414];

Как известно, бессоюзные конструкции способны репрезентировать многочисленные смысловые отношения. При анализе кондициональности репрезентация условной семантики с помощью бессоюзных сложносочиненных предложений часто остается вне поля зрения исследователей. Однако между компонентами таких конструкций могут устанавливаться и условные отношения, которые не оформляются формальными показателями той или иной семантики. Например: тат. *Белмисез – өйрәтербез, теләмисез – мәҗбүр итәрбез!* (Г.Ахунов). 'Не знаете – научим, не хотите – заставим!'; узбекск. *Қўшиниң тинч – сен тинч*. 'Твой сосед спокоен – спокоен и ты' [Кононов 1960: 411].

Таким образом, сложносочиненные предложения с кондициональной семантикой близки по смыслу сложноподчиненным предложениям, так как в них присутствует эксплицитно не выраженное отношение подчинения.

Как видим, кондициональные отношения, подобно другим внутренним связям явлений, имеют непосредственную связь с мыслительной деятельностью человека. Во всех рассмотренных нами тюркских языках для их репрезентации используются в основном одни и те же средства.

Литература

1. *Алиев У.Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М.: Наука, 1972. – 351 с.
2. *Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь / Отв. ред. проф. Н.К. Дмитриев. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 271 с.
3. *Гаджиева Н.З.* Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 220 с.
4. *Гайдаржи Г.А.* Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения / Отв. ред. Л.А. Покровская. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 133 с.
5. Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис) / Под общ. ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортяна. – Баку: Изд-во «ЭЛМ», 1971. – 413 с.
6. Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
7. *Джевет-заде Х., Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого языка (Фонетика, морфология и синтаксис). – Л.: Издание Ленинградского восточного института, 1934. – 268 с.
8. *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 205 с.
9. *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – 307 с.
10. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 446 с.
11. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности / Тексты и исследование. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 451 с.
12. Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – 583 с.
13. *Ходжаев Б.* Условная форма глагола в современном туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1958. – 22 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ТУК – Типология условных конструкций.

² ГАЯ – Грамматика азербайджанского языка.

³ ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка.

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию репрезентации условных отношений в татарском языке в сравнении с другими тюркскими языками.

Ключевые слова: кондициональность, условное отношение, тюркские языки.

Summary

This article explores representation of conditional relations in the Tatar language in comparison with other Turkic languages.

Keywords: conditionality, conditional relation, Turkic languages.

УДК 821.512

ИМАЖИНИЗМ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-х гг.: ТВОРЧЕСТВО К. НАДЖМИ

Д.Ф. Загидуллина, академик АН РТ

Одним из модернистских проявлений в русской литературе стал имажинизм – «литературное направление, схожее по программным эстетическим принципам с английским имажинизмом и развивавшее его принципы и традиции в период 1919–1927 гг.»¹. Достижения в области психологизма, которые были представлены в философских произведениях, особенно стремление к элитарности, мистицизму, к созданию оригинальной образности в «новой литературе нового времени», привели к возникновению имажинистских опытов и в татарской поэзии 1920-х гг. Этому способствовали не только происходящие в русской литературе процессы создания авангарда, но и социокультурные особенности национального художественного мышления послереволюционного периода.

Многие декларации поэтов Х. Такташа, Х. Туфана были результатом личных творческих достижений и стали стимулом для роста молодых поэтов. Творческие опыты по созданию усложненной образности в условиях отказа от символа оказывались необычайно подвижными. На это указывали и исследователи той эпохи: Г. Сагди, Г. Нигмати. В их трудах констатируется наличие в творчестве К. Наджми, Х. Туфана имажинистской образности². Например, в сборнике «Татарская советская литература за десять лет» отмечается: «Что касается имажинизма, это – литературная школа, выде-

лившаяся из футуризма. В татарской литературе сторонником имажинизма был Кави Наджми»³. Однако татарское литературоведение или литературная критика того времени не разъяснили читателю, в чем суть данного художественного явления, которое было не тождественно имажинизму в русской или имажинизму в европейской литературе.

Опыты в области формы по образцу и подобию русских и европейских литератур происходили во многом из-за стремления «изменить татарскую литературу к лучшему» (о чем писали практически все критики и сами поэты, так или иначе упоминающие имажинизм в своих выступлениях в печати), а также исходя из потребностей эпохи. Их можно охарактеризовать как усложнение структуры и содержания образа. «Образ – ступенями от аналогии, параллелизмов, сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и закрытые, приложения политематического, многоэтажного построения – вот орудия производства мастера искусства», было заявлено в «Декларации» имажинистов⁴. Поэтический образ стал объектом экспериментирования, но экспериментирования не в сторону формирования многозначности слова-символа через многочисленные ассоциации как в символизме. При этом содержание было созвучно настроениям революционных изменений. Хотя во многих произведениях революционные перемены напрямую

не упоминались, однако борьба добра и зла, мистифицированные боевые действия, преодоление темноты становились тем центром, вокруг которого возникали сложноструктурированные образы. В центре имажинистского образа в татарской поэзии лежало слово-явление, которое метафоризовалось. «Каталог» или перечень сопутствующих слов-предметов обеспечивал создание единого крупного усложненного образа, структурного центра произведения. Если сравнивать с русской литературой, имажинизм в татарской литературе, минуя этап «малого образа», начинался с создания «образа эпохи».

Подчеркнутая условность изображенного проявляется уже в первых произведениях подобного рода. Например, одно из первых стихотворений К. Наджми «Таинственная тропинка» датировано 1916 г. В центре стихотворения – образ времени ожидания «весны»: перемен в жизни. Лирический герой – идущий человек, который потерял дорогу. Его тропинку по его же следам нашел кто-то и показал дальнейший путь. Хотя через некоторое время тот исчез, его образ «До сих пор в мечтах всплывает / И сообщает о предстоящей весне»⁵. Так поэт создает образ жизненного пути человека, в котором чередуются светлая и темная полосы. Как только наступает темная полоса, кто-то должен указать путь к светлому. Даже его образ, живущий в подсознании, может выполнить эту миссию. Хотя поэт не уточняет, о каком идеале идет речь (те ассоциации, которые вызывала концепция «совершенного человека» в татарской поэзии начала XX века, полностью исчезли), дорога к светлому будущему вызывает определенные параллели в соответствии с существующими идеологическими установками. Далее, в творчестве К. Наджми воссоздание условного пути развития

страны, пути к светлому будущему стало устойчивым лейтмотивом, имажинистским «большим образом».

Вначале, как и в русском имажинизме, татарские поэты увлекались и словотворчеством⁶. Первый «имажинистский» «малый» образ возникает у К.Наджми в стихотворении «Красный праздник» (1921). Образотворчество, игра со словом с созданием нового метафорического значения по случайным созвучиям звуков становится его основой:

*Шул кызыл элэмнәр астыннан
Карыйбыз жир йөзен.
Шул урамнардан табарбыз
Канлы елларның эзен.
Эз буенча, ал элэмнәр шаулатып,
Алга табан,
Соңгы көрәш майданын
Эзләп⁷ узарбыз уртадан⁸.*

Под этими красными знаменами
Мы смотрим на землю.
В этих улицах найдем
След кровавых лет.
По следам, с красными знаменами,
Вперед,
Площадь последнего боя
Пройдем, в середине наследив.
Подстрочный перевод наш.

«По следам кровавых лет пройдем площадь последнего боя, наследив» – именно этот образ задерживает внимание читателя. Усложненный образ выстроен, как и в русской литературе, на метафорическом принципе и подчинен содержанию. Можно отметить, что в теоретическом плане опыты татарских поэтов опирались на концепцию «левых» имажинистов.

Увлеченный в это время творчеством Вадима Шершеневича, Кави Наджми сборник «Вихри» сам называл имажинистским, а себя – «имажинистом-символистом». В нем действительно есть интересные образцы модернистской литературы. На при-

мере данного сборника уже выделяются определенные особенности имажинистской образности в татарской поэзии. Наджми создавал имажинистский образ из отдельных незавершенных картин внешнего мира («малых образов»), которые по времени могли образовать два больших образа: прошлое и сегодняшнее. Особое внимание уделялось хаотичности воссозданной картины, в которой впечатления души и детали природы или вещного мира «обменялись местами». В результате смысл образа не всегда был понятен, можно было по-разному интерпретировать его. Вот начало первого раздела стихотворения «Две клятвы» (1923):

*Көнчыгышта чайкалып кызыл келәм
Күк читенә кан сылады – утлы кан,
Ак болытлар тирбәтеп алтын таган –
Диңгез өстен текте ал жепләр белән.
...Мин бүген качтым!...*

*Караңгы төн буе,
Төн карасыдай богауларны кисеп,
Кечкенә такта белән дулкын ишеп,
Мин бүген качтым!*

*Караңгы төн буе
Диңгез өстендә көрәштем юл өчен⁹.*

На востоке, качаясь, красный ковер,
Залепил край небо кровью –
огненной кровью.

Золотая качель, качая белые облака, –
Зашила море алыми нитками.
...Я сегодня сбежал!...

Всю ночь в темноте
Резал черные, как ночь, оковы,
Взялся за маленькую доску
как за весла,

Я сегодня сбежал!
Всю ночь в темноте
Бился в море за путь.

Подстрочный перевод наш.

В данном отрывке «красный ковер» прочитывается и как революция, и как рассвет, а также как пробуждение в душе стремления к борьбе. В

каждом разделе есть намек на определенный вариант прочтения образа. Например, в 4-м разделе всплывает значение рассвета: «Протянув алые крылья, / Оставляя следы, / Солнце уходит за облака».

Лирический герой – сбежавший из тюрьмы узник, – определяет важные для себя ценности. На первом месте любовь, и первая клятва звучит так: «Я клянусь бороться за истинную любовь, за истинную весну». Вторая клятва – «бороться вместе со своей страной». Таким образом, в 10-ти разделах стихотворения описывается состояние человека начиная с побега до принятия решения «быть со страной, направляющейся вперед».

Имажинистская образность ставила перед поэтом определенные требования. Распадающийся на самостоятельные смысловые сгустки образ или «каталог образов» не умещался в привычные рамки: большинство стихотворений К. Наджми из сборника – т.н. длинные стихотворения. Такая форма позволяет поэту, с одной стороны, провести циклизацию, выделяя внутри одного стихотворения самостоятельные разделы, описывая различные точки хаоса жизни; с другой, использовать эпические детали и приемы: несмотря на разорванность композиции, чередование ярких эпизодов, мелких ситуаций воссоздает единую картину хаоса, над которым угадывается гармония утопического светлого будущего. Хаос подчиняется не только ассоциативным связям изображающего сознания, но и воспринимающего – читателя. Подобная форма длинного стихотворения становится разновидностью нэсера: формы лиро-эпики, или ритмизированной прозы, активизировавшейся в татарской литературе начала XX века.

Как и в русской поэзии, в стихотворениях образ начинает воздействовать на читателя в результате не-

ожиданного сочетания далеких друг от друга понятий, пробуждая различные ассоциации. Например, в стихотворении «Рапорт земному шару» («Жир шарына рапорт», 1923) ветер сравнивается с «красным курсантом»: через действия красного курсанта воссоздается образ ветра, с которым ведет беседу лирический герой:

Шаркылда, жыл!

Ике бармак куеп,

Сузып сызгырт!

Жырлап үт тагын! –

Син бит эле,

Кызыл курсант кебек,

*Постта торып мылтык тотмаган!*¹⁰

Хохочи, ветер,

Двумя пальцами

Протяжно свистни!

Затем спой! –

Ты ведь еще,

Как красный курсант,

Не стоял на посту с ружьем!

Подстрочный перевод наш.

Абстрактное на первый взгляд сравнение ветра и молодых красных курсантов акцентирует внимание на «хулиганости», на внутренней свободе ветра. Олицетворяя молодое поколение, которому придется «встать смиренно» и «дать рапорт земному шару», этот образ становится символом веры в победу красной идеологии по всему миру. Смысловой ряд, сопровождающий этот символ, пробуждает противоречивые ощущения.

Критики того периода Г. Сагди и Г. Нигмати назвали «имажинистскими» несколько длинных стихотворений поэта: «Кому плетешь ты лапти?» (1922), «Время перемен» (1924) и «Сенной базар в период НЭПа» (1924), «Прогнившиеся ичиги» и др. Они построены по единому принципу: хаотичная экспликация множества деталей внешнего мира воссоздает символический образ времени. Страшные

картины «старого города» сменяются не менее устрашающими картинами «сегодняшней» действительности: огненные отряды угнетенных стремятся разрушить все. Так, например, в стихотворении «Кому плетешь ты лапти?» – это предреволюционное время, которое описывается глазами бунтовщика при разговоре с лапотником. Последние строки стихотворения имеют символическое значение и указывают в том числе на дореволюционную национальную культуру («изношенные лапти»):

– Тузган чабатамны

Ташламагыз төрмә артына!

Тапшырыгыз аны

Төннәр буге

Йокламыйча үргән картына!...¹¹

– Стойте,

Просьба есть: лаптей

Изношенных на свалку не бросайте,

Ведь их плетя, старик не спал ночей,

Ему на память

Лапти передайте!

Перевод В. Тушиновой¹².

Узнаваемый образ Сенного базара, представленного Г. Тукаем символом «старого мира», в стихотворении «Сенной базар в период НЭПа» К. Наджми представлен в ироническом ключе. Стихотворение описывает жизнь базара в трех разделах и временных отрезках: днем, вечером и ночью. Поэт называет мир «Сенного базара» «заплесневелым, прогнившим старьем», «мещанской жизнью», изжившей себя. Старый мир находится в состоянии дисгармонии всегда: и днем, и вечером, и ночью. Повтор указывает, что у «Сенного базара» нет будущего.

«Время перемен» – знаковое произведение Наджми, в нем поэт обращает внимание на другой признак эпохи – на всеобщую подозрительность, охватившую общество:

– Син беләсеңме әле? Юк.
 – Мин беләм.
 Мин күрәм...
 Һәрбер йөрәктә шүрлэгән куян эзен.
 Мин – бүген һәрбер йөрәкне тикшерәм,
 Утлар теләм күзләрегездә йөгәргән¹³.

Ты уже знаешь?

Нет.

Я знаю.

Я вижу...

В каждом сердце след
 перепуганного зайца.

Я сегодня исследую каждое сердце,
 Кромсаю огонь, бегающий
 в ваших глазах.

Подстрочный перевод наш.

Подозревая всех и каждого, люди создают несчастное, хаотическое общество, общество «перепуганных зайцев». Поэтому имажинистский образ «времени перемен» – сегодняшнего – хаотичен и уродлив. В то же время позиция автора остается невыясненной. С одной стороны, он кажется судьей, осуждающей каждого за неприглядные дела, из-за которых появился след перепуганного зайца в сердце. С другой, ощущается стремление скорее оставить позади это время, перейти к светлому и гармоничному завтрашнему дню.

Интересным в плане использования имажинистской образности является длинное стихотворение «На дне жизни». Оно рассказывает предсмертную исповедь – историю больного революционера, который сбежал из тюрьмы ради передачи «важного письма», увидел по дороге своего отца, продрогшего, голодного, больного, но не подходил к нему: бежал исполнять поручение. Потом искал его, но не нашел. Стихотворение создает неприглядную картину старой жизни, «предсмертных дней» страны:

(...) *Болай да бит озак өстерән,
 Канда юдым ертык күңелле!*

*Ертык күңел, каны бетеп, шиңде.
 Ә кайчандыр анда яз иде,
 Бәхетле яз: якты, күңелле...
 Хәзер исә – карлы, яңгырлы төн...
 Чолгап алган аның ертыгын.
 Шул ертыктан көчкә-көчкә генә
 Туздырамын хыял орчыгын.
 Туздырам да туктым.
 Черек җепләр өзәлгәннәр...
 Тирә-ягымда
 Исәрек хәерчеләр тезәлгәннәр.
 Мәнә тагын да
 Кан йөткәрәм... өффе, өффе,
 Улем көтә бугай илен дә¹⁴.*

Долго влачил я дырявую душу,
 Вымыл ее кровью!
 Дырявая душа, обескровленная,
 увяла.

А когда-то в ней была весна,
 Счастливая весна: светлая, веселая...
 Теперь – снежная, дождливая ночь
 Окружила ее рану.
 Из этой раны с трудом
 Я кручу веретено мечты,
 Кручу и останавливаюсь.
 Прогнившие нити оборваны,
 Вокруг пьяные попрошайки.
 Вот опять харкаю кровь...

уффе, уффе

Кажется, смерть ждет и страну.

Подстрочный перевод наш.

В нем так же, как и в предыдущем стихотворении, акценты не расставлены. Что преобладает в оценке поступка человека, поставленного перед выбором между больным отцом и «революционным поручением» – ирония или гордость? Стихотворение не предоставляет нам готового ответа. Героя, поставленного перед схожим выбором, годы спустя в рассказе «Дитя» (1941) воссоздает А. Еники, который представляет на суд читателя иной вариант ответа на этот общечеловеческий по сути вопрос.

Необходимо отметить, что по сравнению с шаблонной «красной» реалистической или абстрактно-ро-

мантической литературой подобные произведения выгодно отличались образностью, силой психологического воздействия на читателя. В них создавалась не только картина первой трети XX века, а эмоциональная оценка ее. Создавалась с размахом, с задором, красочно, в произведениях закладывались основы полифонического звучания, которое вскоре преобладало в лиро-эпике, в то же время сохранились интимно-личностные переживания, драматический пафос. Разработка самых разнообразных приемов построения образа привела имажинистов к усовершенствованию стихотворной формы в татарской поэзии. Повышение образности достигалось неожиданным сопоставлением далеких друг от друга представлений, такая особенность благотворно сказывалась на

усилении ассоциативности и условности. Тематически имажинистское творчество в татарской литературе совпадало с т.н. «красной» поэзией, но противостояло ее лозунговости, прямой пропаганде своими художественными экспериментами, многозначностью, красочностью. Имажинистские образы в прямом смысле слова «зацепляли» читателя, заставляя возвращаться к тексту, искать все новые и новые смысловые стратегии.

В татарском литературоведении имажинизм оценивается как явление кратковременное. В 1925 г., вслед за русскими имажинистами, К. Наджми заявил о «ропуске» школы имажинистов. Однако наши исследования показывают, что имажинистская, условленная образность сохранила свое влияние в татарской поэзии до начала XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теория литературы. Т.4: Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С.305.

² *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты («Татар әдәбияты тарихы»ның икенче бүлгеге урынында). Казан: Татиздат, 1930; *Нигъмәти Г.* Татар совет әдәбияты күтәрелештә. Популяр очерк. Казан: Татгосиздат. Матур әдәбият секторы, 1934. – 83 б.и др.

³ Ун ел эчендә татар матур әдәбияты (1920–1930). Төз. К.Нәжми, Г.Нигъмәти, Г.Гали. Казан: Татиздат, 1930. – Б.31.

⁴ Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы. Научный ред. С.И.Тими́на. М.: Изд-во «Логос», 2002. – С.109.

⁵ *Нәжми К.* Серле сукмак // *Нәжми К.* Әсәрләр. 4 томда. 2 том: Шигырьләр. Поэмалар. Казан: Татар.кит.нәшр., 1958. – Б.8.

⁶ «Смысл слова заложен не только в корне слова, но и в грамматической форме. Образ слова только в корне. Ломая грамматику, мы уничтожаем потенциальную силу содержания, сохраняя прежнюю силу образа», писал Шершеневич.

⁷ Слово применяется не в значении « в поисках», а в новом значении – «наследив».

⁸ *Нәжми К.* Кызыл бәйрәм // *Нәжми К.* Өермәләр. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1924. – Б.41.

⁹ *Нәжми К.* Ике ант // *Нәжми К.* Өермәләр. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1924. – Б.26.

¹⁰ *Нәжми К.* Жир шарына рапорт // *Нәжми К.* Өермәләр. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1924. – Б.5.

¹¹ *Нәжми К.* Чабатаңны кемгә тукыйсың? // *Нәжми К.* Өермәләр. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1924. – Б.61

¹² Антология татарской поэзии. Казань: Таткнигоиздат, 1957. – С.356.

¹³ *Нәҗми К.* Кичү чоры // *Нәҗми К.* Өермәләр. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1924. – Б.106.

¹⁴ *Нәҗми К.* Тормыш төбәндә // *Нәҗми К.* Өермәләр. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1924. – Б.55.

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей модернистских произведений в татарской литературе 1920-х гг. На материале анализа отдельных поэтических текстов К.Наджми делается вывод о противостоянии модернистских поисков идеологическим требованиям литературы соцреализма.

Ключевые слова: татарская литература, модернизм, имажинизм, художественный метод.

Summary

The article is devoted to the study of characteristics of modernist works in the Tatar literature of the 1920s. On the material of the analysis of individual poetic works of K. Nadzhmi the confrontation of modernist searches with ideological demands of socialist realism literature is concluded.

Keywords: Tatar literature, modernism, imagism, literary method.

УДК 821.512.145

СОВРЕМЕННОКИ ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА
О РОМАНЕ «ДОЧЬ СТЕПИ»
(ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XX ВЕКА)

Г.Н. Зайнеева, кандидат филологических наук

Одним из классиков в татарской литературе является Галимджан Ибрагимов (1887–1938), занимавший важное место в татарском мире начала XX века, всемирно известный своими произведениями, трудами по языку, литературе, истории. Литературное наследие писателя необычайно богато. Каждое его произведение дорого для культурного развития татарского народа. В творчестве Г.Ибрагимова роман «Дочь степи» является одним из лучших его произведений. Впервые был издан в Москве в 1924 г. Как указано в предисловии к первому изданию, писатель начал работать над произведением «Дочь степи» летом 1909 г., когда работал на Урале на Миасском заводе, и завершил в Казани в 1911 г. Роман был принят издательством «Время» («Вақыт») в городе Оренбурге. Долгое время оно не печаталось, потом рукопись попала в руки жандармерии, вследствие чего часть произведения затерялась. В 1912–1913 гг. писатель восстановил произведение, но при аресте Г.Ибрагимова в Киеве роман снова был конфискован. Произведение было опубликовано только после Октябрьской революции. Но этот вариант претерпел некоторые изменения. Об этом говорится в предисловии автора, что старые рукописи несколько исправил, изменил имена некоторых героев, пересмотрел линии интриг, но при всем этом основа

осталась прежняя. Пришлось заново работать над текстом.

В романе показывается жизнь казахских семей конца XIX – начала XX века, как казахская девушка Карлыгач-Сылу своими действиями, поступками боролась за свободу, за любовь, ради своего счастья действовала против патриархальных устоев прошлого.

Как известно, писатель знал быт казахов не понаслышке, он сам некоторое время жил среди них. Поэтому смог вполне реалистично и всесторонне передать читателю обычаи, обряды, взаимоотношения между людьми, отношения между племенами, повседневный быт, праздники этого народа в мельчайших подробностях.

После выхода книги в свет произведение сразу же привлекло внимание критики. Сделав обзор всех статей из периодической печати того времени, можно узнать об оценке данного произведения современниками писателя.

В газете «Красный Татарстан» («Кызыл Татарстан») в разделе «Мир печати» *Б.Ильсова* отзываясь о романе положительно [3]: «Даже если прочитаешь это произведение казаху, знающему татарский язык, он смог бы подтвердить реальность всех событий. Казахские критики не смогли показать в произведении отрицательных сторон, а наоборот, наслаждались бы чтением романа». Автор статьи замечает, что казахи не истинные мусульмане, больше всего в их жиз-

ни преобладает шаманизм. Поэтому не знающие об этом могут подумать, что у этого народа религия на первом месте. Хотя это не так. Наверное, писатель широко использует слова «Кодай жасаган», «Тэнре» только для того, чтобы текст звучал красивее. В заключительной части статьи Б.Ильясова делает выводы: «Это произведение – истинный материал для изучения истории восточных народов. Тем, кто хотел бы познакомиться ближе с жизнью казахов, и самим казахам рекомендую прочитать роман обязательно».

В газете «Рабочий» («Эшче») М. Курмаш произведению «Дочь степи» дает высокую оценку [5]. По его мнению: «До этого времени в татарской литературе не было такого красивого произведения, во-первых, по литературной значимости, во-вторых, по нему возможно изучить жизнь и быт восточных народностей». В статье подчеркивается, что все литературные герои описываются мастерски и умело. М.Курмаш отмечает, что только талантливый казахский поэт смог бы так реалистично показать обычаи своего народа.

Известный литературовед Гали Рахим в журнале «Наш путь» («Безнең юл»), очень тонко и детально рассмотрев произведение «Дочь степи», дал высокую оценку [6]: «Галимджан Ибрагимов еще раз показал себя всесторонне знающим, широкомастным писателем. Из-под пера писателя это произведение получилось удивительно сильным, живым, реальным. Автор ведет читателя за собой в новое пространство, в новую поэзию; поражает и то, что писатель очень тонко и психологически умело проникает в душу степного кочевого народа». Прочитав «Дочь степи», читатель знакомится не только с материальной и духовной жизнью казахов, одновременно узнает все тонкос-

ти психологии этой нации. Г.Рахим подчеркивает, что Ибрагимов показал жизнь отличную от татарской нации так полно и естественно с национально-этнографической, экономической и общественной сторон. Перед глазами читателя духовная и общественная жизнь казахов проходит плавно как одна картина. Через умело подобранные казахские обороты речи, слова, предложения писатель смог передать весь колорит казахской речи, его звучание. О народности романа Г.Рахим говорит: «Это произведение напоминает плавное, могучее повествование пропавших степью эпосов кочевых тюрок, поэм, созданных самобытными степными поэтами». «Это одно из редчайших произведений, написанное татарским писателем, не должно ограничиваться рамками татарского общества», – делает вывод Г.Рахим.

В журнале «Вестник Научного общества татароведения» выходит статья Газиза Губайдуллина «Новые произведения Галимджана Ибрагимова» [2], где положительно отзывается о романе «Дочь степи». Критик больше всего акцентирует внимание на исторической стороне. По его мнению, основная канва произведения – эпизод борьбы между богатыми и бедными. Эти явления важны для этнографов и тюркских историков. Г.Губайдуллин отмечает: «Этот роман дорог для изучения этнографии казахов. Писатель умело и профессионально смог показать сущность, обычаи, повседневную жизнь, войны этого народа. Критик обращает внимание на особенности языка произведения: текст понятен обоим народам, в основе написано на татарском языке с киргизским колоритом».

Зариф Башири в журнале «Наш путь» («Безнең юл») помещает объемную статью «Изучение Галимджана Ибрагимова и книга «Дочь степи» [1]. Критик отмечает: «Самое дорогое

произведение Галимджана – «Дочь степи». Это книга-пособие в изучении жизни казахов. В статье особое внимание уделено сравнению романа «Дочь степи» и рассказа Газиза Монасыпова «Дочь таранчи». З.Башири поднимает вопрос о правах женщины, по его мнению, равноправие женщины у казахов возможно только при изменении степной жизни в корне.

Роман «Дочь степи» в 1930-е гг. переведен и издан Дж.Сыздыковым на казахский, Тургун Рахимом на узбекский, Гайшой Шариповой на русский языки. Следовательно, в журнале «Художественная литература» выходит в свет статья историка и этнографа *Л.И.Климовича* «О старом

Казакстане» [4]. По словам критика: «Основная идея романа – показ силы и реакционной роли родовых полуфеодалных отношений в дореволюционном Казакстане, в условиях господства русского военно-феодалного империализма». Автор статьи подчеркивает: «Роман написан легко и увлекательно. Вполне удовлетворителен и его перевод».

Подведя итоги, можно сказать, что произведение Г.Ибрагимова «Дочь степи» воспринималось критиками современниками положительно. Роман сразу же нашел свое распространение у широкого круга читателей, об этом можно судить даже по наличию шести критических статей.

Литература

1. *Бәшири Зариф*. Галимжан Ибраһимовны өйрәнү һәм «Казакъ кызы» китабы. // Безнең юл. – 1928. – № 2. – Б. 24–26.
2. *Гобәйдуллин Г.* Галимжан Ибраһимовның яңа әсәрләре // Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – № 1–2 (январь – апрель). – Б. 65–67.
3. *Ильясова Б.* «Казакъ кызы» // Кызыл Татарстан. – 1925. – 9 гыйнвар (№ 7).
4. *Климович Л.* О старом Казакстане // Художественная литература. – 1935. – № 1. – С.36–37.
5. *Курмаиш М.* «Казакъ кызы» // Эшче. – 1925. 26 март (№ 57).
6. *Рахим Гали.* «Казакъ кызы» // Безнең юл. – 1925. – № 5. – Б. 209–210.

Аннотация

В статье рассматриваются отзывы-рецензии современников Г.Ибрагимова на роман «Дочь степи», изданный в 1924 г.

Ключевые слова: Г. Ибрагимов, «Дочь степи», рецензии, казахи.

Summary

Reviews of contemporaries of G. Ibragimov on the novel «Daughter of the Steppe» published in 1924 are considered in the article.

Keywords: G. Ibragimov, «Daughter of the steppe», reviews, kazakhs.

УДК 82.02

«ЧАЙКИ» Ш. КАМАЛА: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА

Л.Г. Ибрагимова, соискатель

Период формирования творческих взглядов Ш.Камала, нашедших свое отражение в повести «Чайки», приходится на время возникновения и столкновения различных течений в литературе и искусстве. В научно-критической литературе метод писателя рассматривается как реалистический. Определяя место и значение повести «Чайки» в творчестве татарского писателя, Гали Халит анализирует произведение в рамках художественных принципов реализма. Это, по мнению исследователя, проявилось в изображении труда, быта, будней рыбаков Каспийского моря, в принципах построения характеров персонажей, в остро выраженной социальной направленности повести. «Ш.Камал, будучи реалистом, творил, чувствуя дыхание и дух времени»¹.

Вместе с тем в стиле Ш.Камала выделяются элементы импрессионизма. По мнению Г.Халита, черты импрессионизма проявились «в изображении природы и созвучия человеческого поведения с ней»². Это в значительной мере выражалось, как считает исследователь, в преобладании в произведениях Ш.Камала однотипных чувств (страдание, тоска, горе, печаль), имеющих драматическое звучание. «Нередко отсутствовало имя героя, повествование начиналось с неизвестности, ситуации и конфликты возникали из случайных, неожиданных обстоятельств, причины человеческих страданий оставались

скрытыми в глубине явлений, рассказ о жизненных событиях обрывался на какой-нибудь точке, явления природы сопоставлялись с драматическими переживаниями героев и т.п.»³.

Художественный мир повести «Чайки» строится через совмещение в едином художественно-композиционном пространстве разных планов повествования: реалистического, романтического и символического. В повести с необычайной реалистичностью описываются трудовые будни, уклад жизни сезонных рабочих, приехавших к берегам Каспийского моря в поисках заработка и «счастья». Многие из них уже не в первый раз приезжают на промысел. Все их мечты и надежды связаны с количеством рыбы, которая, как верят рыбаки, в этом году заполнит все чаны. «Балык, балык...» Һәркемнең авызында шул сүз иде»⁴.

Писатель изображает повседневную жизнь простых тружеников, не останавливаясь подолгу на отдельных персонажах, дает картину пестрой социальной среды. Среди них особо выделяются семья старика Шарафи, а также образы Солдата и Гарифа. По мнению Г.Халита, образ старика Шарафи «можно считать одним из самых полнокровно обрисованных типов повести»⁵. Это один из самых ярких персонажей. Автор рисует его как человека деятельного, относящегося к своему ремеслу и труду с необычайным усердием и любовью. Шара-

фи занимается на промысле засолкой рыбы, и каждый этап своей работы выполняет тщательно и с большой охотой: «Шэрэфи агай үзенең кыска саплы матур көрөгөн ак кар кебек тоз эченэ бик оста гына чумарып торып, берничэ мәртэбэ чэчеп жибәрде:

– Хәерэ белән булсын! – диде»⁶.

В образе Шарафи автором особо выделяются такие черты характера, как житейская мудрость, доброе, заботливое отношение к людям. Человечность Шарафи проявляется и в его отношении к семье – жене и дочери Газизе, и в отцовской заботе о товарищах. «Ул үзе аек чагында хатынына каты могамэләле түгел. Газизэгә шәфкатъле. Әмма исерек чагында тагын да йомшап китэ <...>»⁷.

Повесть «Чайки» имеет ярко выраженную социальную направленность. В уста своих героев Ш.Камал вкладывает слова, несущие ноты классового гнева и ненависти к «хозяевам жизни» и их прислужникам. Старика Шарафи возмущает нежелание управляющего прислушаться к его словам, внять опыту бывалого рыбака, раздражает стремление выслужиться перед хозяином промысла. «Кичэ ишеттегез бит, ни ди Исак; иртән невод салырбыз, имеш, юк, дим, азрак сабыр итәрсең! <...> Ул әйтми бит: ну, Шэрэфи Осипич, иртән невод салсак ничек булыр икән? Ничек уйлысың, иртэрәк түгелме икән? Яисә өлгереп булыр микән? Юк, ул әйтми, ул аны әйтэ дә алмый! Иртән невод салабыз имеш! <...> Менә инде картаеп киләм,эт шикелле картаям, шушы сасыган балык тирәсендә, һәм аңлый да төшәм аз гына. Ә ул нәрсә? Мальчишка бит!»⁸ В эпизоде, когда Гариф и другие рыбаки бросаются в бушующее море для спасения невода, в словах сочувствующих товарищам рыбаков ощущаются классовая сознательность и нарастающее негодование. «Николай, руслар арасыннан аерылып болар

янына килеп туктады һәм, Исак белән Абрамга таба карап алды да, нык кычкырмыйча гына: <...>

Беләсез тегеләр нәрсә ди... Әгәр көймә кайтмаса, энә теге ике

Господинны, буып, суга ташламакчы булалар, – диде»⁹.

О социальной направленности повести говорят содержащее ноты раздражения отношение рыбаков к десятнику Исааку и равнодушие к появлению хозяина на промысле. «Исак, аларның күңелләрен күтәрер өчен:

Молодец, ребята! – дип кычкырган булды.

Ләкин аңар әһәмиәт бирүче булмады; тавышын ук яратмый иделәр...»¹⁰.

Романтическая линия повествования в повести прослеживается через изображение зарождающихся любовных отношений Гарифа и Газизы. В образе Гарифа воплотились поиски такой личностной истины, которая основана не на авторитете, не на слепом, бездумном принятии уже существующей системы ценностей, а на собственном, глубоко прочувствованном и эмоционально пережитом опыте. Герой, отвергнув карьеру сельского муллы, отправляется к простым людям в поисках счастья. В центре внимания писателя – выделяющаяся из толпы человеческая личность и то, что составляет ее глубинную основу, – идейно-нравственная, философская сущность характера. С образом Гарифа автор связывает философские и этические искания, попытки человека ответить на социально значимые вопросы, а также на вопросы возможности – невозможности обретения счастья для человека, по сути одинокого, вынужденного терпеть скитания с целью достижения душевного равновесия.

В духовном становлении героя важную роль играет знакомство с Газизой и ее семьей. Заботливое отношение девушки и ее родителей, про-

стая, по-семейному умиротворяющая атмосфера в их доме, радушный прием рождает в душе Гарифа надежду на счастливое будущее, пробуждают мечты о тихой семейной жизни рядом с любимым человеком, дарят покой истерзанной душе, способствуют духовному подъему.

Простота девушки, психологическая и физическая гармония, противостоящая скучной и тяжелой жизни, рождают в Гарифе мечты о счастье. Газиза привлекает Гарифа именно простотой, наивностью ребенка. При первой встрече взгляд героя останавливается на ситцевом платье, голубом платке, стареньких галошах; внимание заостряется на задумчивых глазах, румяном лице, красивых губах девушки. Выросшая в рабочей среде, Газиза – девушка обыкновенная, но отличающаяся от других естественным обаянием. Ее мечты – о любви и семейном счастье, добытом трудом. Именно поэтому она обращает внимание на руки Гарифа, сильные и красивые. «Газизэ лампага ут алындырып өстэлгә куйганда, яңа кунакның кулына күзе төште: аның бер кулы өстэл астында иде. Ул кул Газизэгә бик ямьле күренде. Аксыл кызыл төстәге дүгенә кулның таза һәм килешле бармаклары гүя тимер эченә батарлык көчле булырга тиеш иделәр...»¹¹. Гариф ей интересен прежде всего как мужественный, бесстрашный, стойкий, не уступающий в схватке с бушующим морем, чем как утонченная сентиментальная натура.

В образе героини автор воплощает идею молодости, надежды и веры в жизнь. Ее образ проникнут глубоким лиризмом, радостью существования. В Газизе причудливо сочетаются детская наивность, чистота, созвучие с природой с горячим желанием любить, быть любимой и счастливой. Волшебные краски последних лучей солнца на закате, величие се-

дых гор, легкий шум ласкового моря возбуждают в ней грезы о любви. «Тыныч кына яткан очсыз-кырыйсыз су дөнъясының, ул карт һәм серле таулар артына яшеренергә торган кояшның моңсу кызгылт шәүлэләре белән актык сабуллашу манзарасы бу яшь туташны ихтыярсyz уйландыра, моңландыра иде»¹². Легенда о сказочных царевиче и царевне настолько захватывает воображение героини, что она уже не различает: где грезы, а где реальность. «Яшь күңел, очсыз-кырыйсыз тылсымлы хыяллар, аллыгөлле матур уйлар белән хыялланып утырганда, кинәт аның һәмма хыял һәм уйлары ләтыйфь чәчәк кыяклары кебек әллә кайда чәчелеп, очып киттеләр...»¹³.

Ш. Камал прослеживает движение внутренней жизни персонажей, пользуясь разными формами психологического изображения. Внутреннее состояние героев передается через внешние детали, которые наслаиваются друг на друга, создавая эффект нарастания переживания. После спасения оторвавшегося от берега невода Гариф, вернувшись в барак, испытывает разные чувства при виде неопрятных лежанок, грязных крошек на столе и окна, открывающего вид на море. Через окружающую обстановку барака повествователь воспроизводит и тоску от одиночества, и отвращение к непривычному укладу жизни, и горечь, и желание забыться и обособиться от столь мрачной картины, и духовный разлад с самим собой. «Әмма баракка килеп кергәч, баракның бушлыгы, шакшылыгы, нар буена жәйгән салам урыннар, озын такта өстәл буенда чәчелеп яткан чүп һәм икмәк валчыклары, нәкъ уртада асылынып торган иске лампа, диңгезгә караган бер генә тәрәзә, әлхасил, баракның барлык эч күренеше гүя аның йөрәгенә боз булып утырдылар»¹⁴.

Внешние детали используются автором как один из видов психологического изображения. Ведущее место занимает авторское повествование о процессах душевной жизни героя. Образ Гарифа сложен и противоречив. Он создан из контрастов в портрете и поступках. В герое сочетаются физическая сила и мощь с душевной ранимостью и тонким складом характера. «Киң күкрәкле, юлбарыстай көчле һәм матур егет иске чикмән астында экран генә елый иде»¹⁵. Бесстрашно бросившийся наперекор стихии герой затем тихо плачет, оставшись один на один с воспоминаниями. Несмотря на то, что Гариф находит в себе силы оставить родную деревню и отправиться в путь в поисках «своего» счастья, он очень привязан к своей матери и родному дому. Повествователь воссоздает состояние глубокой самоуглубленности оставшегося наедине с самим собой героя. Внимание сосредоточено на зрительных и слуховых впечатлениях персонажа. Гариф слышит завывание ветра, звук которого постепенно гаснет, уступая место доносящимся из угла звукам всхлипываний. «Тик әллә кайсы почмакта гүя әллә кем акрын тавыш белән ярсуланып-ярсуланып бергуктамый елый иде... Аһ, мескен, кем соң син?.. Гарифның әнкәсе генә шулай елый иде...»¹⁶. В воспоминаниях мать предстает в тихом плаче. «Слезы – средство наиболее полного выражения эмоций и свидетельство наибольшей остроты переживания. Однако они выступают в данном случае не просто в качестве психологической детали, слезы имеют символический смысл, превосходящий страх, безмерное страдание, отчаяние и боль»¹⁷. Делая присутствие матери в момент душевного опустошения и одиночества явным и зримым, автор подчеркивает готовность героя к преодолению духовного кризиса, внутреннего напряжения.

Неосознанное течение мыслей, образов, звуков, особый эмоциональный тон, погружение в глубинные ресурсы памяти – все это свойственно приему психологизма, тяготеющему к потоку сознания, когда изображение внутренней жизни персонажа протекает с точки зрения безличного повествователя. Гариф ясно видит и слышит страдания матери и отца и ощущает в эти мгновения острую тоску одиночества и пустоты. Вошедшая в комнату и прервавшая поток мыслей Газиза пробуждает в герое теплые, сладостные чувства, дающие надежду израненной душе. «Газизә чыгып киткәч, ул беркадәр аптыранган рәвештә ишеккә карап торды-торды да тагын бөркәнәп ятты. Кайсыдыр почмакта әллә нинди моңлылык эчендә һаман бернәрсә елый иде. Ләкин бу юлы аның елавы Гарифның күңеленә тупас өметсезлекләр, ачы кайгылар салмый, бәлки аның күңелен әллә нинди билгесез бер шатлык катыш эч өзгөч моң һәм ләззәт белән тутыра иде. Азгына элек Гарифны кара хатирәләр, тупас өметсезлекләр белән газапланган шушы билгесез моңлылык гүя аны юата, иркәли, шатланырга, шатланып, үзе белән бергә еларга куша...»¹⁸.

В произведениях Ш.Камала герои не всегда могут поведать о своих устремлениях в реальной жизни. Газиза, несмотря на близость с отцом и матерью, не открывает им души. Ее самые заветные мечты становятся явными в снах. Во сне она видит дорогих ей людей: погибшего брата, друга детства, Гарифа, отца. Во сне она верит, что Гариф приехал на промысел не случайно. Он приехал за ней, потому что искал Газизу по всему свету. Сон насыщен монологической и диалогической работой сознания, отражает внутренние интенции героини. Вот она разговаривает с Хусаином, который исчезает при появлении Гарифа. Каждый персонаж, с которым

разговаривает Газиза, служит точкой духовного роста героини и является показателем ее взросления. Мелькнувший во сне образ друга детства символизирует уходящее детство и готовность героини к новому этапу жизни рядом с любимым человеком. «Энә аның дусы Хөсәен аны эзләп килә... «Газизә жаным, мин сине сагындым!» – ди. Ләкин ул күп сөйләми, азраз көлемсерәп карый да югала...»¹⁹.

Наряду с реалистическим и романтическим планами повествования в повести «Чайки» представлен и символический пласт, служащий фоном всего повествования. Образы моря, чаек, рыб, луны неизменно сопутствуют описанию судеб персонажей и развитию событий в системе сюжета.

Для описания отношений людей и природного мира Ш.Камал использует прием синхронного изображения. В повести человек созвучен природной стихии, их отношения стремятся к гармонии. Человек ощущает себя зависимым от мира природы, расценивает себя как часть великого целого. Так, Шарафи осуждает Исаака за попытку подчинить себе море; Гариф, кинув взгляд на водные просторы, не сдерживает восклицаний о настоящей жизни (« – Ихи! – диде Гариф, менә кайда дөнъя!»²⁰); в способности Газизы наслаждаться морским пейзажем скрыты жажда прекрасного, вера в любовь.

Используя прием психологического параллелизма, Ш.Камал изображает морской пейзаж в разнообразных проявлениях. Вот море доброжелательно приветствует приехавших на промысел Гарифа и его товарища. Оно дружелюбно улыбается прибывшим со светлыми мечтами путникам: «Мартның калган атнасы – чалт аяз һәм салкынчарак бер көн иде. Кояш иңәр алдыннан гына диңгез чите буйлап ике кеше, сүрән-сүрән адымнар белән, Мительбаум промыслосы-

на якынлаша иделәр. Көнчыгыштан искән йомшак кына жил диңгезнең өс катын азрак жьерчыкландырып бизи, матурландыра һәм диңгезнең чит буйларында, вак-вак дулкыннар ясап, кырый ташлары белән ачусыз гына бәрештерә тора иде»²¹. Кружащие над морем чайки, сравнимые с райскими птицами из волшебных дворцов, созвучны светлым мечтам и надеждам рыбаков. «Сыек кына томан белән өртүле диңгез өстендә очынып йөргән акчарлаklarның гыйгылдап көлгән шикелле үткен һәм күңелне кытыкландыра торган тавышлары диңгез өстендә асылынып торган әллә нинди тылсымлы сарайлардан ишетелгән шатлык шаркылдауларына охшый иделәр»²². И, напротив, в трудные минуты для рыбаков, когда из-за оторвавшегося невода рабочие рискуют жизнью и растет социальное недовольство людей, море хмурится, бушует. «Диңгез кузгалган... Күз күременчә зур су түтәлләре, ак күбекләр пошкырып, бер-берсен куа киләләр. Күктә каралжым болытлар ага, диңгез артларын соры томан каплаган...»²³.

Автор сравнивает рыбаков, приехавших из разных уголков в поисках заработка и «счастья», с чайками, странствующими по просторам стихии. Рабочие делятся опытом и жизненными впечатлениями, и ни один из них не знает ничего о своем будущем. Они, словно птицы, «перелетают» с одного места на другое. В этом смысле образ чайки, парящей над морем, приобретает общечеловеческое значение, наделяясь трансцендентальным звучанием: человек – это лишь странник в этом мире, находящийся в постоянном поиске. «Мин бит адашкан кеше. Без бит һәммәбез дә адашканнар. Энә акчарлаklar нәрсә ди. Алар дурак диләр миңа. Алар үзләре дә адашканнар... Алар балык эзли – эзли адашканнар!»²⁴. «Радостный смех» чаек слов-

но сопутствует надеждам рыбаков, а смех с нотами иронии подчеркивает иллюзорность надежд сезонников. «Очы-кырые күренми жәелеп яткан матур диңгез өстендә эллә нихәтле акчарлаклар, өөрмәгә элэккән яфраклар төсле, буталып очыналар һәм, акылдан шашкан кешечә, эчләрә катып көлгән яисә үчегеп ярсыган шикелле гыйгылдап, йөрәкләрне кытыкландырлар. Эллә алар шушы сәләмә кешеләрнең дә аларның үзләрә кебек оча алмауларыннан һәм тамаклары өчен борыннары белән жиргә абынып тырмануларыннан көлөләр, эллә болар балыкны бетерәләр дип көнләшә һәм үчегеп елыйлар...»²⁵.

Особенно созвучен пейзаж настроениям Гарифа и Газизы. Красота моря, безмятежное свободное парение птиц в небе оттеняют скрытую в тайниках души девушки жажду прекрасного, томление сердца, желание познать истинную любовь. «Ул жанга жылы һәм йомшак нурлар, күнелне кытыкландыргыч сыек кызгылт шәүләләр, жәелеп яткан газамәтле диңгезгә кушылып, ләтыйфь һәм аһәң белән чиксез моң, хыялый матурлыклар тудыра иделәр»²⁶.

В минуты расставания возлюбленных солнце скрывается за темными низкими тучами. Морской пейзаж, кажущийся ранее прекрасным, вдохновляющим, уже не рождает в душе девушки мечты о счастье. Напротив, рокот нескольких чаек, оставшихся на берегу, наполняет сердце щемящей тоской, вселенской грустью, ощущением беспросветности и тщетности надежд. Газиза, всегда с упоением наслаждающаяся картинами природы и восхищающаяся свободным парением чаек в небе, в финальной сцене с тяжелым сердцем наблюдает за «бескрылыми» птицами, не способными летать. В их гоготе ей слышится пронзительный плач потерявших надежду существ. Она сама, словно бескрылая

чайка, бессильная что-либо изменить в своей судьбе, грустит и плачет о несбывшихся мечтах. «Газизә байтак вакыт, ишек янагына сөялгән көе, китеп баручылар артыннан карап торды. Кояш та иңгән, йә иңмәгән! Ул якны болыт каплаган иде... Диңгез өстендә сирәк-саяк акчарлаклар күренгәли; алар ак канатларын селтәп-селтәп бер югары, бер түбән очып, тонык һәм эч пошыргыч тавыш белән елаганга да, көлгәнгә дә охшашлы гыйгылдап-гыйгылдап кычкырыналар... Газизә аларны һәзер аларны карамый, ул диңгез кырые буйлап очмыйча гына китеп барган канатсыз акчарлакларны гына карый иде... Тик боларның тавышлары гына, үкереп елаган шикелле булып, аның колагына чыңдый иде. Ул берәз торганнан соң өйгә керде һәм, мөндәрәнә капланып, экран генә үксеп-үксеп елый башлады... Бик тирән эч пошу аның йөрәген өзә иде»²⁷.

В повести «Чайки» прием психологического параллелизма, объединяющий пейзажную символику с драматическими переживаниями героев, в то же время показывает эти две линии как самостоятельно развивающиеся в системе сюжета и представляющие разные стороны существования: жизнь людей и естественное природное течение жизни. Наряду с изображением человеческого мира, истинное предназначение которого сводится к борьбе за выживание, поиску смысла жизни и обретению счастья, существует и другой мир, естественный, гармоничный, наполненный высшим смыслом. Образы моря, чаек, рыб, служащие, на первый взгляд, лишь фоном всего повествования, представляют мир в его целостности и естественности, и в этом смысле приобретают уже значение самостоятельного и даже доминирующего плана в системе художественного повествования. Автор рассказывает о жизни ры-

баков, их взаимоотношениях, мечтах. Кажущееся важным и масштабным предстает в действительности незначительным, временным, проходящим на фоне природного мира с его таинственной и непостижимой игрой, от которой зависит судьба человека. «Еракеракларга жәелеп киткән газамәтле дингез ай яктысында аклы-күкле ялтырап, очсыз-кырыйсыз нур һәм серле күлэгәләр эчендә гүя күңелсез генә көлемсерәп ята иде... Аның кырыенда гына караңгы баракларда салам өстенә түшәлеп яткан адәм балалары күбрәк балык тотып, аена кырыгар сум акча эшләү өмете белән, һәм дә әллә кайларда зиннәтле бүлмәләрдә йом-

шак түшәкләр өстендә сузылып яткан промысло хужалары шул ук балык хисабына кырыгар мең сум төшерү хыялы белән ләззәтләнеп төш күрә-күрә йоклаган чагында, табигатьнең матур һәм аңгыра мэхлуклары – балыклар, һичнәрәдән хәбәрсез, бер туктамый айга каршы сикерә, уйный иделәр...»²⁸.

Кажущийся лишь фоном всего повествования, символический пласт наполняет реалистические эпизоды и романтическую историю любви Гарифа и Газизы универсально-всеобщим смыслом, «переключает» социальный конфликт в абстрактно-философский план.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Халитов Г.М.* Портреты и проблемы: Избранные статьи разных лет / Гали Халит. – Казань: Татарское кн.изд-во, 1985. – С. 56.

² *Халитов Г.М.* Портреты и проблемы: Избранные статьи разных лет / Гали Халит. – С. 66.

³ *Халитов Г.М.* Портреты и проблемы: Избранные статьи разных лет / Гали Халит. – С. 65.

⁴ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Татарстан Республикасы «Хәтер» нәшрияты, 2006. – Б. 132.

⁵ *Халитов Г.М.* Портреты и проблемы: Избранные статьи разных лет / Гали Халит. – С. 57.

⁶ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 120.

⁷ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 103.

⁸ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 110.

⁹ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 124.

¹⁰ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 125.

¹¹ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 110.

¹² *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 108.

¹³ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 109.

¹⁴ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 126.

¹⁵ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 131.

¹⁶ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 130.

¹⁷ *Аминева В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературными (на материале произведений русских писателей второй половины XIX века и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – С. 98.

¹⁸ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 130–131.

¹⁹ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 114.

²⁰ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 134.

²¹ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 87.

²² *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 97.

²³ *Камал Ш.* Сайланма әсәрләр. – Б. 121.

²⁴ Камал Ш. Сайланма эсэрлэр. – Б. 146.

²⁵ Камал Ш. Сайланма эсэрлэр. – Б.120.

²⁶ Камал Ш. Сайланма эсэрлэр. – Б. 107.

²⁷ Камал Ш. Сайланма эсэрлэр. – Б. 153.

²⁸ Камал Ш. Сайланма эсэрлэр. – Б. 94.

Аннотация

Повесть Ш.Камала «Чайки» исследуется как «пограничный феномен», пример «внутрилитературного синтеза» в историко-литературном процессе первой трети XX в. Наряду с реалистическим изображением трудовых будней, уклада жизни сезонных рабочих, романтической линией повествования, проявляющейся в описании зарождающихся любовных отношений героев, в произведении представлен и символический пласт: художественное обобщение совершается на путях символизации явлений. Образы моря, чаек, рыб, луны неизменно сопутствуют описанию судеб персонажей и развитию событий в системе сюжета. На определенном уровне художественного повествования символический план становится доминирующим, наполняя реалистические и романтические эпизоды универсально-всеобщим смыслом, придавая социально-психологическому конфликту повести философское звучание. В субъективном «пересоздании» мира в модернистском духе существенна роль приемов импрессионистического письма, активно используемых при воссоздании внутреннего мира героев и окружающей их природы, которая становится главным способом объяснения мира.

Ключевые слова: реализм, романтизм, символизм, импрессионизм, творческий метод, психологический параллелизм.

Summary

The tale by Sh.Kamal «The Seagull» is investigated as a «boundary phenomenon», an example of «intraliterary synthesis» in literary history during the first third of the twentieth century. Along with a realistic picture of work, people, lifestyles of seasonal workers, romantic story line, which is manifested in the description of the emerging romantic relationships between the heroes, in the work the symbolic layer is presented as well: artistic generalization is made in the way of symbolization of phenomena. Images of the sea, seagulls, fish, moon invariably accompany the description of the fate of the characters and events in the development of the plot. At a certain level of artistic narrative symbolic plan becomes dominant, filling realistic and romantic episodes with universal sense, giving the philosophical sound to social and psychological conflict of the tale. In the subjective «rebuilding» of the world in the modernist spirit the role of impressionistic writing techniques is essential, which is actively used in the reconstruction of the inner world of the characters and their environment, which becomes a major way of explaining the world.

Keywords: realism, romanticism, symbolism, impressionism, creative method, psychological parallelism.

УДК 82.0(091)

АМИРХАН ЕНИКИ*

Л. Хамидуллин

Правда, в начале тридцатых годов, проработав на фабрике более двух лет и заимев статус рабочего человека, он еще намеревался попробовать поступить в какой-либо учебный институт. Знал, что из их компании Ханиф Сирин и другие ребята собирались поступать в Восточно-педагогический институт. А Фатих Хусни уже учился в Финансово-экономическом институте. Но опять перед его глазами встал Казак Усман. Пока он и его друзья оставались в Казани, Амирхану опасно было поступать учиться. По-прежнему он их боялся. Думал, что они все равно будут за ним следить. «Усман и его дружки непременно донесут, что я сын бывшего торговца». И стараются доказать, что он обманул советских людей, желая скрыть свое происхождение. Да, пока доносы, преследования детей «буржуев, купцов и религиозных деятелей» только-только набирали обороты. Он понял, что его «черед не настал, надо выждать еще какое-то время».

* * *

Изредка посещая заседания ассоциации пролетарских писателей (ТАПП), куда входили Х.Такташ, Г.Кутуй, Ш.Усманов и др., пришедшие в литературу с начала двадцатых годов, Амирхан наблюдал, как набрасывались с критикой и на Такташа, и на других писателей, уже завоевавших

любовь читателей. На этих собраниях иногда упоминалась и его фамилия. Больше с отрицательным оттенком. К этому времени он уже издал первую книгу – повесть «Дус кеше» («Друг», 1929). Правда, в те годы еще было принято называть такие произведения «длинными рассказами». Поэтому-то это более чем семидесятистраничное произведение А.Еники в некоторых источниках упоминается как рассказ, а в других же как повесть. Повесть «Друг» и неизданная в свое время повесть «Яз баласы» («Детеныш весны») были им написаны (или начаты) в теплых комнатах общежития мехового комбината. До войны он сумеет издать еще три-четыре рассказа на страницах отдельных газет и журнала. Последним довоенным его произведением, изданным журналом «Совет эдэбияты» (бывший «Безнең юл»), был рассказ «Көзнең бер кичендә» («Однажды осенним вечером», 1939 г.). Но эти произведения критикой почти не были замечены. А пьесу, законченную в г.Маргилане (Узбекистан), он отошлет в Казань для участия в конкурсе 1940 г. Как и все пьесы, и его вещь была представлена в конкурсе под другим псевдонимом. Эту пьесу рецензировали три писателя. Наиболее подробную рецензию написал Муса Джалиль, указав на достоинства и недостатки пьесы. В середине 1980-х гг. Амирхан ага напишет, что среди старых бумаг нашел эти ре-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2013. – № 2.

цензии. Исследователи творчества А.Еники и М.Джалиля этими двумя страницами текста поэта должны, по моему, заинтересоваться...

В начале тридцатых годов у них с Мусой складываются дружеские отношения. В те годы Муса часто бывал в Казани. «Дружеское общение с Мусой Джалилем длилось лет пять-шесть. Наверное, вплоть до 1935 г.». В те же годы они и переписывались. А сблизил их, видимо, Тухфат Ченакай, признанный всеми старший друг и учитель Мусы. Известный поэт и активный общественный деятель, друг популярного в дореволюционные годы поэта Шаехзады Бабича. В конце 1920-х гг. Тухфат переехал из Оренбурга в Казань и активно включился в общественную жизнь. Позже именно его и Наки Исанбета, еще жившего в те годы в Уфе, назовут организаторами вышеназванного общества «Джидеган». Когда и как был Амирхан ага связан с Т.Ченакаем – я точно не знаю. Но имеются письменные его воспоминания о нем. В одной из статей он писал, что хранятся в его архиве тетрадь со стихами Т.Ченакай и его письма.

* * *

В те далекие годы и знакомые Амирхану люди станут жертвами преследований. В 1929 г. из рядов ассоциации пролетарских писателей были исключены несколько человек. И одним из первых был исключен Шайхи Маннур, год тому назад выпустивший первый сборник стихов. Он скрыл, что отец был муллой. То же самое произошло и с Демьяном Фатхи, в биографических данных указавшим, что он «из бедных крестьян», а не из семьи муллы. Он, не дожидаясь дальнейших преследований, вынужден был искать счастья в далекой Сибири. Будущий артист, автор двух пьес и сборника рассказов, очень общительный и ар-

тистично-интеллигентный Габдурахман Минский был уличен в участии в той самой эфемерной организации «Джидеган», и также вынужден был бежать из Казани. Д.Фатхи погиб на войне. А Г.Минский вернулся в Казань только в пятидесятых годах.

Как и Амирхан, потомок мурз и сын муллы Асгать Айдар вскоре был заточен в тюрьму. Вместе с ним туда же попал подающий надежды поэт Х.Сирин. Особо хочется остановиться на личности А.Айдара, со схожей с Амирханом Еники судьбой.

Асгать сначала увлекался поэзией. Но потом был признан неплохим прозаиком. Именно в это время, с лета 1928 г., они больше всего и общались. И их книги с первыми повестями были изданы почти одновременно – в 1929 г. После издания в начале тридцатых годов повести «Ташбай» А.Айдар становится совсем знаменитым. Но кто-то, видимо, именно этого момента и дожидался. Сразу потянул его за подол шинели, которую тот носил после службы в армии. Асгать попадает в тюрьму как сын муллы и враг советской власти. А после отсидки в казанской тюрьме он сразу же сбежал в Среднюю Азию и исчез с литературной сцены. Появился в Казани уже после войны. Грудь его была увешана орденами и медалями. Из писателей столько наград тогда никто не имел. На войне он прославился как отличный разведчик. И новые его рассказы, естественно, были посвящены войне. Асгата и Амирхана в Союз писателей приняли уже после войны. И Амирхан ага тогда был принят в этот коллектив благодаря своим рассказам военных лет. А перед войной в Узбекистан искать свое счастье они, оказывается, отправились почти одновременно, в 1939 г. И оба там учительствовали до начала войны 1941 г.

В самом начале тридцатых годов Т.Ченакай и недавно приехавший в

Казань Н.Исанбет тоже попадают в опалу. Оба они являлись выходцами из религиозной семьи. Их тоже сначала шумно изгоняют из ассоциации пролетарских писателей, а потом сажают в тюрьму на какое-то время как организаторов общества «Джидеган».

Все эти примеры преследования по поводу социального происхождения отрицательно влияли на Амирхана Еники. Да, кого-то исключали из своих рядов, кому-то запрещали издаваться. А кое-кого и в тюрьму сажали. Открытые, на собраниях, или скрытые, письменные, доносы сыпались тогда со всех сторон.

В начале 1934 г., после закрытия отдела, где состоял в штате Амирхан Еникиев в вышеуказанном Институте организации труда, он решил уйти и с меховой фабрики. Амирхан – опять на перепутье. В те дни шла подготовка к организации Союза писателей СССР. На июнь был намечен Первый съезд татарских писателей. Вокруг все суетились. Объединяясь меж собой, назначали своих делегатов на это серьезное мероприятие. Не любитель таких тусовок, Амирхан оказался как бы в стороне от этих дел. К нему лично не обращались и он, по своей привычке, вел себя пассивно, по этому поводу ни к кому не обращался. Его принцип «трудно схожусь с людьми» сыграл и в этом случае отрицательную роль. Он в первый поток членов и кандидатов в члены Союза писателей не попал. Хотя по количеству изданных произведений мог бы войти в список кандидатов. Но его, двадцатипятилетнего, считали, наверное, еще слишком молодым. И ждали, видимо, от него большего. Правда, и сам он в последние годы малость отошел от писательского дела, увлекшись сначала учебой на курсах-семинарах указанного выше института, а потом «внедрением» приобретенных знаний, к тому же еще и женившись. «Я

начал отходить от литературы. Надо было как-то жить, кормить семью...».

Да, в те годы и на писательских собраниях он участвовал реже. Иногда там и выступал, часто с места, конечно. И его не забывали иногда упомянуть на этих собраниях. Однако не ради похвалы, а ради хулы... «Я был не очень-то удобным человеком для столь сложного времени... Я и сам давал этим людям повод, не без того. Мне больше приходилось терпеть нападки за высказывания на собраниях или где-нибудь. Так что больше доставалось мне не за мои сочинения, а за высказывания», – пишет он. Иногда ведь и особо рьяных любителей правды не любят. Амирхан ага и позже, уже являясь опытным писателем и человеком, был поборником «истинной правды».

Пробыв около двух лет в системе местной промышленности и киносети инструктором-преподавателем технического обучения по опыту того же института, он с весны 1936 г. решил попытать счастья на стороне. И по подсказке одного знакомого поехал с семьей в далекий Азербайджан. Страны за Кавказскими горами (Каф тавы иле) у татар всегда считались мифическим миром. Вот он туда и отправился.

9

А женился он в 1931 г. «на хорошенькой девушке по имени Гульсум». И поселился в их доме, где жили еще ее мать и три сестры. Летом 1932 г. совершили они свадебное путешествие в Давлеканово. «Последний раз побывал с молодой женой в отчем доме в Даулякане», – писал он. Потом была долгая разлука с родиной – до середины пятидесятых годов.

Дома вроде бы все было по-старому: и отец без дела не сидел – добывал сено для коровы, откуда мог до-

стать. И корова с курами, как могли, обеспечивали их своими продуктами. Но сено на рынке уже не продавали. Организованные в поселке колхозы косить траву вокруг их территорий не разрешали. «Атакай то и дело вздыхал: «Что же с нами будет?»».

А еще печальнее весть была получена из Новой Каргалы. Там тоже был организован колхоз. И в семье Еникиевых случилась большая беда. Средний из братьев, «Нигматулла дэдэй», отец Зулейхи, в октябре 1930 г. вместе с некоторыми сельчанами был арестован. При организации колхоза он, наверное, по какому-либо поводу опять-таки проявил свой «мурзинский характер». Писатель, вспоминая его, пишет, что «Нигматулла дэдэй был горяч». Он был участником войны, побывал в плену у «германцев». Вернулся оттуда болезненным, с трудом вел свое хозяйство. С младшим братом Мухамедьяром тоже не ладилась отношения. Их мать, бабушка Амирхана, умирая в 1921 г., завещала большой, родовой дом младшему сыну, как было принято тогда. А семья Нигматуллы осталась в меньшем, построенном рядом доме.

Пока было известно, что арестованных сначала увезли на большую станцию Буздяк, а оттуда отправили в Уфу. Жена его, Мадина тутакай, была в Уфе, но не смогла разыскать следов мужа. В это время и Сорур с Шарифом не было в Уфе – они в том же году переехали жить в Москву. Поэтому судьба Нигматуллы долгое время оставалась неизвестной. По слухам, они были расстреляны тогда же. Позже этот слух подтвердится, что для уязвимой души Амирхана добавит еще отрицательных эмоций.

С учетом всех этих событий Амирхану удастся уговорить родителей продать дом, корову и переселиться в Казань. Илдархан в это время был в отъезде – находился где-то на Урале.

Осенью того же года родители так и поступили: продали дом и корову. Приехали в Казань. «Мать жены приютила моих стариков, хотя, кроме нас, у нее было еще три взрослые дочери». Большие ящики с вещами переселенцев поместили в темных каморках дома и в чулане.

Весной они, после долгих поисков, покупают частный дом с тремя комнатами, кухней и просторным чуланом. Был еще большой двор, более пяти сотых га, там же бревенчатый сарай, дровяник, ледник. Нигметзяну сразу приглянулся этот просторный двор. И дом был хорош. Еникиевы все переселяются туда – на дальний конец современной улицы Достоевского. В это время и Илдархан был уже в Казани.

В начале лета 1933 г. это была еще окраина Казани. Рядом были только частные дома с садами, коровами, козами, свиньями и курами. Родители Амирхана тоже сначала развели кур, потом и корову купили. «Напротив дома был широкий луг, там с утра паслись коровы... Большой наш двор атакай превратил в сад, положив на это немало труда. В саду самым замечательным деревом была черная вишня. Владимирская. В соседних садах такая вишня была редкостью... Я тоже хорошо потрудился на этом участке...».

Несмотря на такой налаженный быт, домашний уют, в душе Амирхана было беспокойно. В эти годы он «начал постепенно отходить от литературы». Реже стал посещать различные собрания писателей. Летом 1934 г. и съезд писателей прошел для него как-то скомканно. К этому съезду он пришел не подготовленным творчески, без новых сочинений. Он с горечью потом напишет: «В литературу многие пришли после меня... но ушли вперед. В литературу я входил долго и трудно...».

Наверное, такие горестные размышления и все еще сохранявшаяся

боязнь разоблачения по поводу его социального происхождения заставили их покинуть дом и поискать счастья на стороне.

В 1936 г. он с женой и дочерью уезжает, оставив родителей и домашний уют, в далекий Азербайджан.

* * *

Амирхану Еники встретиться и поговорить со своим великим земляком – Галимджаном Ибрагимовым – удалось только ровно десять лет спустя, летом 1937 г. И тому причиной был его старший друг Хабибрахман. До этого Амирхан ага около двух лет работал в Азербайджане, вдали от родных мест.

Амирхану и его семье в Азербайджане жилось нелегко. Во-первых, язык азербайджанский сильно отличается от нашего татарского. Наладить отношения с местной прессой, литературными журналами было очень трудно. Направлять письмом написанные «вещи» в Казань тоже было почти безнадежным делом. Пока ты не включен в список активно работающих «служителей пера», не являешься членом союза, письмом отправленные твои труды там будут лежать месяцами. Особенно в такое смутное время, как середина тридцатых годов.

Амирхан Еникиев, проработав в одной районной конторе киностудии «Азеркино», в начале лета 1937 г. попытался обосноваться в г.Баку. Но не смог найти достойной для себя работы. Об этом написал в Крым Хабибрахману. Тот сразу же прислал телеграмму с приглашением к себе. И некую сумму денег на дорогу.

Правда, и Амирхан около семи лет тому назад оказал другу такую же неотложную помощь. С детства болезненный Хабибрахман в год окончания университета сильно заболел – начал харкать кровью. Врачи порекомендо-

вали ему поехать в Крым и обосноваться там. Он так и поступил. Начал работать врачом. Но через какое-то время здоровье опять ухудшилось, и его положили там в больницу. Он оказался в очень затруднительном положении. Написал об этом Амирхану. Друзья собрали тогда сколько-то денег и послали ему. Таким образом он закрепился в этом курортном раю.

А теперь он приглашал Амирхана погостить у них, подкрепить свое здоровье. Амирхан принял это предложение и почти два месяца провел в санатории, возглавляемом Хабибрахманом. И вот тогда Хабибрахман несколько раз возил его из местечка Кориез в Ялту, бывали они и в доме Галимджана Ибрагимова. На солидном легковом автомобиле главного врача за эти дни, кроме Ялты, они объехали почти все достопримечательные места Крыма...

По рассказу Амирхана ага, состояние здоровья Галимджана Ибрагимова в то лето было вполне удовлетворительным. Он расспрашивал о родине, о знакомых писателях. Делился своими творческими планами. Впоследствии Амирхан ага напишет об этих встречах в статье «Выздоровление писателя».

А через два месяца случилось большое несчастье. Герой труда Галимджан Ибрагимов был арестован как враг советского народа. И привезен в казанскую тюрьму. Об этом поползли слухи по всей Казани...

А еще через семнадцать лет писателю Амирхану Еники пришлось принять активное участие в восстановлении славного имени своего земляка и, как он сам считал, его великого учителя по татарской словесности – «гражданина Г.Г.Ибрагимова».

Шел декабрь 1954 г. После смерти И.В.Сталина в стране происходили кое-какие политические изменения в сторону либерализации. Руководство

Института языка, литературы и истории собрало актив из литературоведов и видных писателей для обсуждения составления плана будущей работы в связи с этими изменениями в стране. Вот что писали об этом совещании некоторые его участники.

«К тому времени классиками татарской литературы официально считались только три человека: Г.Тукай, Г.Камал и Ш.Камал. Участники совещания предложили увеличить этот список. Афзал Шамов предложил включить в этот список Фатиха Амирхана и, если позволят соответствующие органы, необоснованно репрессированного Шамиля Усманова. А Амирхан Еники предложил, опять-таки, если позволят эти властные органы, восстановить в списке классиков татарской литературы имя Галимджана Ибрагимова...».

В последующие дни председатель Союза писателей Гумер Баширов посоветовался по этому поводу с некоторыми руководителями республики. Однажды он как-то сказал, что самый добрый совет ему дал тогдашний секретарь обкома партии по идеологии Салих Батыев: «Съезди-ка ты сначала в Москву, посоветуйся со своим руководством – как обстоят там дела с реабилитацией ранее репрессированных». Председатель Союза писателей в начале 1955 г. так и поступил. И Александр Фадеев, председатель Союза писателей СССР, проинструктировал Г.Баширова, как поступать в таких случаях. От имени родственников направлять письмо в Прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации. Первым делом направлять просьбы относительно тех, кого считаете явно не виновным. И такие просьбы направлять не списками, а отдельно по каждому случаю.

С такими инструкциями Г.Баширов вернулся в Казань. Опять посоветовался с С.Батыевым – с кого желательно

было бы начинать это дело. Решили первый запрос послать относительно Г.Ибрагимова и Ш.Усманова – они решением суда не были осуждены, так как умерли в тюрьме. Ходатайство о реабилитации Ш.Усманова может послать его родной брат, живший в Казани. А кто может ходатайствовать за Г.Ибрагимова? Этот вопрос должен был решить Баширов.

Через несколько дней Г.Баширов вызвал к себе Амирхана Еники и просил его подумать о возможности написания такого письма от своего имени. На размышление дал два-три дня.

Г.Баширов ему сказал: «Он твой земляк, сам признавался неоднократно, что считаешь себя его учеником. На собрании в академии сам просил включить его имя в список оправданных и предложил начать издание его произведений немедленно. К тому же ты беспартийный. Просили нас остерегаться впутывать в эти дела партийных лиц...».

Все эти доводы старшего коллеги убедили Амирхана ага в необходимости принятия положительного решения. Конечно, в первые минуты такое предложение его сильно насторожило. Потом он рассказывал, что в эти дни он осунулся, не мог нормально есть и спать спокойно. Не так-то просто первым идти в неизвестность. Но потом ум и совесть взяли верх над осторожностью. Он написал черновик письма и направился в Союз писателей – к Г.Баширову. Тот кое-что исправил, добавил и велел машинистке напечатать текст. Так это письмо от имени «беспартийного писателя, ветерана войны» было отправлено в Москву, в Центральный Комитет КПСС.

Ответа ждали долго, более полугода. В начале ноября 1955 г. на домашний адрес А.Н. Еникиева (ул. Достоевского, дом 85, кв.1) пришел положительный ответ из Прокуратуры СССР, направленный из Мос-

квы 29 октября, под № 13. В письме сообщалось, что решением прокуратуры от 24 сентября 1955 г. дело Г.Г.Ибрагимова прекращено.

Вскоре и руководство республики приняло решение о срочном издании произведений Галимджана Ибрагимова в трех томах. Эти тома вышли из типографии в 1956–1957 гг. Подготовка этих томов и сборника воспоминаний об авторе была уже поручена Афзалу Шамову, до ареста писателя редактировавшего несколько его книг.

С копией письма А.Н.Еникиева в Москву и копией ответа я ознакомился в 1980-х гг. в доме бывшей жены и соратницы Г.Г.Ибрагимова, писателя Гульсум Мухаммедовой. В те годы я редактировал три ее документальные повести, посвященные жизнедеятельности бывшего мужа. Она в начале войны 1941 г. была эвакуирована из Крыма в Самарканд и жила там до конца 1960-х гг. Помню, однажды, в начале 1970-х гг., она просила меня познакомить ее «с писателем Еники». В то время я работал в Союзе писателей и сообщил о ее просьбе Амирхану ага. Кажется, на следующий же день они встретились в моем тесном кабинете и почти до вечера проговорили. Она тогда уже начала писать эти повести о муже, и интересовалась у Амирхана ага, как и куда ей лучше поехать, чтобы пройти по следам своего героя, с кем он рекомендовал бы встречаться в Башкортостане в случае поездки и т.д. Амирхан Еники подробно ей рассказывал о путях-дорогах Башкортостана и давал рекомендации – к кому в первую очередь нужно было бы обратиться.

В конце беседы, видимо, повторно, Гульсум Мухаммедова благодарила Амирхана ага за его отважный поступок по реабилитации Г.Г.Ибрагимова.

Помню, что этот разговор состоялся уже после того, как торжественно отмечали 80-летие со дня рождения

Галимджана Ибрагимова в феврале 1967 г. На торжества, проводившиеся тогда на родине писателя, была направлена небольшая группа писателей из Казани. Тогда Амирхану Еники впервые удалось попасть в родное село своего земляка – Султанмуратово. На срочно подготовленных к этому событию музейных экспозициях Султанмуратова в составе делегации из Татарстана побывали тогда еще несколько человек, в том числе поэты Ильдар Изеев и Радиф Гаташ. И позднее Амирхан Еники еще несколько раз побудет в том селе Султанмуратово, которое находится недалеко от его родного Давлеканова.

* * *

Амирхан ага Еники в последние десятилетия периодически боролся и за восстановление доброго имени известного в свое время поэта, всеми признанного наставника юного поэта Мусы Джалиля – Тухфата Ченакай-Самави. После репрессивных мер, предпринятых в начале тридцатых годов в Казани, Ченакай уезжает в Узбекистан. Таким образом, отрывается от родной литературной среды. В пятидесятых годах его жизненный путь там и завершается.

Начиная с шестидесятых годов, с периода «хрущевской оттепели», Амирхан Еники, Наки Исанбет и другие писатели старшего поколения на собраниях и в печати выступают о необходимости восстановления доброго имени поэта. Амирхан ага пишет, что раньше переписывался с ним, что у него имеются и некоторые неопубликованные стихотворения. В конце шестидесятых годов тогдашний председатель Союза писателей Ибрагим Гази специально командировал Амирхана Еники в Среднюю Азию для поиска творческого наследия этого поэта. Тогда же планировали

издать сборник сочинений и восстановить доброе имя его в списке писателей Татарстана. Но после смерти И.Гази в начале 1971 г. о судьбе Ченакая опять забыли. До сих пор имя дважды опального поэта Тухфата Ченакая не включено ни в одно справочное издание о писателях Татарстана. И это поражение в борьбе за честь доброго имени человека Амирхан ага переживал до последних дней своей жизни.

10

Амирхан Нигметзянович Еники в послевоенные годы очень активно включился в литературную жизнь республики. Правда, в эти годы ему еще приходилось совмещать свою творческую деятельность со служебными обязанностями на штатной работе сначала в редакции журнала «Совет әдәбияты», а потом заведующего отделом литературы и искусства Радиокomiteта ТАССР. А с 1953 г. А.Еники – писатель-профессионал – занят только своими творческими делами.

Первые же его произведения, первые же книги его современностью проблем привлекли внимание читателей. В его произведениях поднимались вопросы нравственности и правдивости, что особенно ярко проявилось в описаниях внутреннего мира героев в известных рассказах и повестях «Ялгызлык» («Одиночество», 1957), «Йөрәк сере» («Тайна сердца», 1958), «Рәшә» («Марево», 1963), «Төнге тамчылар» («Ночная капель», 1964), «Вөждан» («Совесь», 1968).

Мещанский дух или стяжательство героев очень выразительно и ярко разоблачаются в известных его повестях «Саз чәчәге» («Болотный цветок», 1955), «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание», 1965), в рассказах, вошедших в сборник «Чәнечкеле

чәчәкләр» («Колючие цветы», 1962) и некоторых других сочинениях.

Амирхан ага Еники хорошо знал духовный мир своих будущих героев и без сложных сюжетных построений, лишних слов и витиеватых выражений, сочным, поэтичным языком описывал этот мир перед своим читателем. Почти ни в одном из своих произведений он не использовал для усиления красоты выражения ни диалектных, ни других, редко применяемых слов, которыми иногда злоупотребляют некоторые наши писатели. «Глубоким психологизмом, лиризмом и философской значимостью отличаются ... его рассказы», – так пишет видный наш литературовед, профессор Рифат Сверигин, анализируя рассказы автора, написанные между боями в годы Великой Отечественной войны. А совокупная оценка всего творчества А.Еники представляется этим профессором литературы такими вот словами: «Авторская философия основана на оптимистическом отношении к жизни, будущему своего народа. Изображение взаимоотношений поколений отцов и детей в его произведениях дано на уровне четкой и принципиальной идейно-эстетической концепции. Особенно удавались писателю образы людей старшего поколения с традиционными национальными чертами характера».

Как отмечают и другие исследователи творчества Амирхана Еники, он является большим мастером описания дружеских, родственных и любовных отношений своих героев. Его отличает пристальный, вдумчивый взгляд на взаимоотношения людей. Автор предостерегает: безответственность в этих отношениях чревата неожиданными драмами. Сложные человеческие судьбы убедительно и достоверно изображены не только в приведенных рассказах, но также в более крупных произведениях А. Еники – в повести

«Рэхмэт, иптэшләр» («Спасибо, товарищи», 1953), «Невысказанное завещание» и в романе «Гөлэндәм туташ хатирәсе» («Гуляндам», 1977), посвященном юношеским увлечениям композитора Салиха Сайдашева. Сюжет данного романа начинается с ознакомления с дневниковыми записями самой Гуляндам уже по прошествии многих лет с их юношеского увлечения с будущим композитором – с элегантным и несколько стеснительным молодым человеком. Известно, что автор в данном случае был знаком с дневниками прототипа Гуляндам.

По этому поводу мне хочется сообщить читателю, что, работая над этим произведением, Амирхан ага Еники пользовался и дневниковыми записями своей юной ровесницы, младшей сестры друга юности и начального периода совместной учебы в Казани в середине 1920-х гг. – Хабибрахмана. В период работы над этим романом о юношеских годах Салиха Сайдашева он с интересом изучал эти четыре толстые тетради, написанные когда-то ровным девичьим почерком своей землячки. Эти чтения обогатили его роман с искренними откровениями юности и достоверными сведениями о событиях начала двадцатого века, волновавшими молодые сердца тех лет. Да, он использовал эти тетради для достоверного изучения внутреннего мира юной Гуляндам и молодого музыканта Салиха. На самом же деле автор этих дневников не являлась прототипом Гуляндам.

Амирхана Еники более всего привлекает исследование внутреннего мира своих героев, их нравственного состояния. Поэтому-то они очень близко воспринимаются читателями его рассказов, повестей и романов. Вроде бы он описывает выражения этих чувств в предельно осторожных тонах. У него вроде бы нет бурных описаний этих чувств, но каждый чи-

татель их воспринимает по-своему, согласно своему характеру, темпераменту.

В произведениях Амирхана Еники нет четко выраженных производственных тем, не описываются производственные дела и конфликты. А такие произведения в советское время были очень востребованы и поощрялись. Злободневная тема тех лет частично отражена лишь в его повести «Спасибо, товарищи». Повесть была сразу же замечена и отмечена положительно как коллегами, так и руководящими деятелями республики. Поэтому она незамедлительно была переведена на русский язык и опубликована в столичном журнале «Дружба народов» (1954). В последующем столичные журналы на другие, написанные им по понятиям тех лет «на бытовые темы» сочинения серьезного внимания не обращали. Да и сам автор, кажется, особого усердия для проталкивания своих сочинений в эти издания не проявлял. Он довольствовался выходом своих трудов на родном языке. А известные столичные книжные издательства периодически и очень охотно издавали большими тиражами почти все его произведения. Первая его книга повести и рассказов была издана в издательстве «Советский писатель» в 1955 г., через девять лет после принятия Амирхана Еники в члены Союза писателей СССР. К этому времени на родном языке им было издано уже пять сборников рассказов и повестей. Это большое достижение для писателя автономной республики.

Произведения его написаны психологически очень тонко, точно и философично. И сочным, притягательным для читателя языком. Сюжеты его произведений привлекают читателей именно своей обычностью, схожестью с повседневной жизнью обыкновенного человека. Писатель не склонен формулировать свою идею прямо,

навязывать свое отношение к персонажам своих сочинений. Беспристрастно и объективно он изображает то или иное явление, предоставляя делать выводы своему читателю.

«В его произведениях рельефное освещение нравственных проблем подчинено задаче эмоционального воздействия на читателя: с ювелирной точностью анализируются внутренние побуждения героев, ситуации; даются детально разработанные мотивировки, – пишет один из исследователей его творчества. – Произведения Амирхана Еники глубоко психологичны. Разоблачение мещанства, стяжательства, двуличия и эгоизма в его повестях и рассказах порой вызывало разноречивые оценки, ожесточенные дискуссии. Но каждый раз жизнь подтверждала правильность взглядов и позиций автора...».

Здесь имеются в виду различные оценки критиками таких произведений автора, как «Болотный цветок», в котором дан отрицательный образ «погрязшего в мещанском болоте» секретаря райкома партии одного из глубинных районов. Или отрицательное восприятие образов главных героев известной повести «Марево» некоторыми «ортодоксальными» партийными деятелями и литературными критиками с их пониманием «порядочности советского человека». События в повести «Марево» разворачивались в середине шестидесятых годов, когда наряду с этой повестью была подвергнута критике и повесть другого известного писателя Аяза Гилязева «Три аршина земли» («Өч аршин жир»). Главные герои этих произведений признавались тогда некоторыми критиками как «люди с буржуазным нутром», думающие только о себе и о своем благополучии. Помню, эта критика очень отрицательно подействовала на Амирхана Еники. Ведь в повести «Марево» он

ведет речь о разном понимании общечеловеческих ценностей, о вечности отношений между главными героями. Но «беда» заключалась в том, что в данной повести события разворачиваются на бытовой почве, а не на производственной. Выступили в защиту автора повести «Марево» в республиканской, а также и во всесоюзной печати известные писатели и критики. Писатель и литературный критик Рафаэль Мустафин («Литературная газета», статья «Плюсы и минусы», 21 января 1964 г.), литератор Разия Фаизова в той же «Литературной газете» дважды. Они доказывали, что именно высокий духовный мир положительного героя раскрывается в повести «Марево», и позиция писателя в данном случае положительная...

Критик Р.Сверигин отмечает, что во всем творчестве Амирхана Еники «переживания героев часто сопровождается музыка, песня, что позволяет говорить о последовательно проводимой традиционно романтической концепции. Большое место в творчестве А.Еники занимают также ирония, сатира и юмор, в которых отражается своеобразие художественного стиля писателя... Образный, выразительный язык, сатира, порой доходящая до сарказма, придают его рассказам и повестям неповторимую силу воздействия...».

Амирхан Еники очень увлекательно рассказал и о своем участии в Отечественной войне в повести «Без дэ солдатлар идек» («И мы были солдатами», 1972). Естественно, в этой повести он не описывает свои героические подвиги на поле боя, а рассказывает о своих сослуживцах, их переживаниях и о, казалось бы, случайных, трагических случаях в солдатской жизни. Таких трагических событий на поле боя было достаточно. А командир отделения сержант Еникиев был ответственен не только

за свою судьбу, но и за судьбу других, несмотря на то, что многие солдаты его охранного отделения боеприпасов были намного старше его по возрасту. Да, на командира возложены обязанности отца своих бойцов. И по этому поводу иногда возникали различные курьезные ситуации... В этой повести различные жизненные коллизии военного времени описаны с захватывающим душу знанием и психологизмом.

А в «созданных в последние годы жизни писателя произведениях «Хәтердәге төеннәр» («Узелки памяти», 1983), «Соңгы китап» (1986, вышла в переводе на русский язык под названием «Страницы прошлого», 1998), «Кояш баер алдыннан» («Перед закатом солнца», 1996) автор с присущей ему обстоятельностью подытоживает свой жизненный и творческий путь, анализирует политические, общественные и литературные события уходящего двадцатого века, размышляет об истории и будущем татарского народа и всей страны. Их можно рассматривать и как обращение, разговор с будущими поколениями читателей, и как предостережение от повторения ошибок старшего поколения», – пишет Р.Сверигин.

* * *

С конца сороковых и до середины шестидесятых годов Амирхан Еники увлекался и литературными переводами. Впоследствии он напишет, что «вынужден был заниматься художественным переводом чужих произведений...». В его переводе в коллективных сборниках или отдельными книгами вышли в те годы произведения следующих ведущих писателей: рассказы Н.В.Гоголя (1952), пьеса А.Н. Островского «Без вины виноватые» (1953), роман О.Гончара «Знаменосцы» (1951), роман М.С.Бубеннова «Белая береза» (в двух книгах, 1954), сборник

рассказов К.Г.Паустовского «Летние дни» (1960), повесть Э.Г.Казакевича «Синяя тетрадь» (1964) и повесть Ч.Т.Айтматова «Первый учитель» (1965), а также некоторые отдельные небольшие произведения других авторов.

Произведения самого Амирхана Еники также переводились на другие языки народов СССР: на русский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, украинский, узбекский, чувашский и др. Отдельными книгами были изданы: на башкирском языке сборник повести и рассказов «Йөрәк сере» («Тайна сердца», 1963), сборник повестей под названием «Вөждан» («Совість», 1996), на русском языке повесть и рассказы «Спасибо, товарищи» (1955), повесть и рассказы «Сердце знает» (1963), рассказы «Шило в мешке» (1967), сборник повестей и рассказов «Мариво» (1968), сборник рассказов и повести «Глядя на горы» (1974), повесть и рассказы «Одно лишь слово» (1977), роман «Гуляндам» (1978), автобиографический роман «Страницы прошлого» (1998).

Амирхан Еники, как успешный и активный писатель, награжден был орденами «Знак Почета» (1957), Трудового Красного Знамени (1979), а как участник Великой Отечественной войны орденом Отечественной войны 2-й степени (1975) и боевыми медалями.

11

С Амирханом ага Еники я познакомился в начале шестидесятых годов. С его творчеством был хорошо знаком намного раньше. Каждое его произведение для меня, как и для миллионов других читателей, было тогда долгожданным. Где бы ни жил в те годы, я был постоянным и активным читателем библиотек. Помню, прожи-

вая в городе Орск, мы, активисты национальной библиотеки имени Мулланура Вахитова, часто устраивали коллективные читки или обсуждения полюбившихся произведений. На таких встречах бурно обсуждались нами и каждое очередное произведение или книга Амирхана ага Еники. На этих встречах-вечерах активно участвовали преподаватели и студенты татаробашкирского факультета Орского педагогического института.

В январе 1961 г. я приехал в Казань. И первыми книгами, купленными в Казани, были тома Г.Тукая, Г.Ибрагимова и недавно изданная отдельной книгой повесть «Тайна сердца» на татарском языке.

Скоро и с самим автором данной повести удалось познакомиться. Сначала мы часто встречались в редакции журнала «Азат хатын», где в те годы работал прозаик Хасан Сарьян, переехавший из Уфы в Казань осенью 1960 г. Я тоже приехал из Уфы. Таким образом, первоначально нас объединяла общая тема разговоров, связанная с Уфой, Башкирией. К тому же жена Сарьяна приходилась Амирхану ага родственницей – Фирюзя тоже была из рода Еникиевых. Ее отца – Султанбека абзыкай Амирхан ага часто вспоминал добрым словом. Султанбек Еникиев в двадцатые годы работал в различных организациях, а потом учительствовал в Уфе. Бывая там, Амирхан ага иногда заглядывал и к ним.

Позднее он, узнав, что я тоже поклонник творчества А.Куприна, и увидев, что его книг нет в моей бедной еще тогда библиотеке, подарил мне трехтомное собрание сочинений этого писателя, сказав: «Я купил себе недавно новое издание, удовлетворись пока этими томами».

В доме Сарьяна раза два был с нами и Наки ага Исанбет. Они дружили с Амирханом Еники с послевоен-

ных лет. В те годы Амирхан ага был вхож в коллектив нашего главного театра. Очень недолго работал там заведующим литературной частью. Тогда же им были задуманы и вчерне выполнены два документально-литературных очерка об известных актерах – о Нагиме Таждаровой и Шакире Шамильском. (Они были изданы им десятилетия спустя.)

А в конце лета 1968 г. Амирхан Еники вынужден был переселиться. Их уютную, обжитую «усадьбу» сносили, освобождая площадку для высотного дома. Он недели две ходил по разным кабинетам, в том числе обращался за помощью и в Союз писателей – просил, чтобы его семье дали такой же участок земли и построили там такой же дом, какой был у него. Но в те годы частные дома не строили, и им пришлось переселиться в обычный пятиэтажный кирпичный дом на улице Шмидта. Тогда они жили вчетвером, вместе с младшей дочерью Флюрой и ее мужем. Они были тогда молодыми врачами.

Амирхан ага меня и Сарьяна просил прийти с машиной и помочь им переселиться. Будущий их дом находился недалеко от старого. Днем раньше они часть вещей, которые можно было перенести на руках, уже перетаскивали туда. Нам остались вся мебель и сотни коробок, набитых книгами, рукописями и архивом. Мы втроем, включая нашего шофера, трудились там весь день. Гульсум апа на третьем этаже нового дома принимала от нас вещи, указывая где и что ставить. А Амирхан ага в старом доме подбирал и показывал, что грузить на следующий рейс.

Прощание со старым домом состоялось в круглой беседке, стоявшей посередине обширного двора. И с грустью Амирхан ага произнес тогда:

– Это последняя память отца. Беседку он строил после войны. Столбы

и доски год сушил в сарае... Знал он толк в хозяйском деле... Ох, жалко же мне покидать этот дом. Эту отцовскую веранду... Сколько приятных вечеров проводили мы здесь. Сколько интересных бесед прошло здесь...

Тогда Сарьян и говорит:

– Амирхан абый, разреши, твою беседку я заберу к себе.

– С сегодняшнего вечера все это уже не мое. И дом, и беседка эта... Но если завтра, за один день, ты его уберешь, – беседка пусть будет твоей... Жаль только, что печь у тебя прожорливая...

Действительно, в те годы многие старые дома обогревались еще дровами. И в прихожей комнате Хасановых стояла огромная печь...

– Не беспокойся, Амирхан ага, такое памятное сооружение я не пушу на дрова...

Прошел еще год с небольшим. В октябре 1969 г. четырем коллективам творческих организаций – Союзам писателей, композиторов, художников и научным работникам Института имени Арбузова были выделены участки земли для организации садового общества «Идел» у залива Волги. Там получил свой участок в 4 сотых га земли и Амирхан ага. Сидим мы однажды на недавно построенной веранде Сарьяна Хасанова, беседуем. Вдруг он прерывает беседу и говорит:

– Амирхан ага, сохранил я дорожку вам беседку. В остов этой веранды заложены просушенные вашим отцом столбы и доски из той вашей беседки ...

Помню, Амирхан ага Еники тогда радостно заулыбался, сказав только два слова:

– Рәхмәт, Сарьян туган!

Наши с ними участки оказались почти рядом. Особенно близок к нам был дом Амирхана Еники. Если идти по катету условного треугольника, то через участок поэта, известного учас-

тника войны Заки Нури был участок Амирхана ага. А если идти по гипотенузе – наши участки упирались углами. В первые годы, когда еще не было низеньких заборчиков, конечно же, мы с ним больше общались по линии гипотенузы. В нашем углу также были участки Нури Арслана, Хасана Сарьяна, Гарифа Ахунова, Атиллы Расиха. И семья будущего председателя Союза писателей, будущего активного депутата, известнейшего драматурга Туфана Миннуллина тоже в начальные годы обживания этих участков летними месяцами жила там. Участок их находился рядом с домами Н.Арслана и Х.Сарьяна. Помнится, как иногда вечерами, при общих посиделках, приятным голосом своим запевала песни Нажиба Ихсанова, и как ей отвечал словами башкирской песни «Азамат» Хасан Сарьян. В те годы Нажиба чаще всего исполняла песню «Акчарлаклар» («Чайки») из пьесы Гарифа Ахунова. Композитор, автор этой песни, Хуснулла Валиуллин тоже был нашим ближайшим соседом. Туда же часто приезжал поэт Равиль Бухарев – дом его отца находился рядом с домами двух Миннуллиных: Туфана и литературного критика Фарваза. С другой стороны к ним примыкал дом поэта, любителя исполнять татарско-кряшенские песни Гарая Рахима.

Да, дружно мы тогда жили. Дружно, помогая друг другу, обустроивали свои жилища, садовые участки. Амирхан ага и там первым делом посадил любимые им вишни. А при посадке яблонь только он пригласил специалиста-садовода. Другие сажали то, что попадалось под руку. Жаль, что Амирхан ага там пробыл не более пяти-шести лет. А после ухода из жизни Гульсум апа, передав участок старшей дочери Резиде, он там появлялся очень редко.

В первые годы на большом пустыре, еще не занятом другими садовода-

ми, рядом с нашим общим забором, мы все вместе устраивали Сабантуй. Там стоял развесистый старый дуб. Вокруг дуба пристраивались скамеечки. На них сажали старейшин садового общества. Часто там вместе оказывались писатели, композиторы, химики: Амирхан Еники, Нури Арслан, Хуснулла Валиуллин, Загид Хабибуллин, Фасиль Ахметов и др. На эти праздничные мероприятия приглашали и гостей из Казани. В одном из первых таких праздников участвовал московский поэт Евгений Евтушенко. Он в те годы писал поэму о Казанском университете. На Сабантуй пришел в сопровождении поэта Марса Шабаяева, будущего переводчика этой поэмы. Евтушенко тогда участвовал и в борьбе куряш. После чего Наби Даули еще долго жаловался, что костлявый москвич, упав на него, повредил ребро. В другой раз гостем праздника был известный казахский писатель, зять оренбургских татар Сатимжан Санбаев. Кстати, и зять Амирхана ага, муж учительницы Резиды, был также из семьи бывших оренбургских купцов. Да и деды-прадеды бывшего подполковника, военного разведчика Сагида Тюменева были родом тоже из мурз – из тех же «тюменей». Да, раньше так и говорили: мурза мурзиху найдет даже на краю света («Морза үзенә тиң киллене жир читеннән барып та ала»).

Амирхан абый в садовом обществе иногда присутствовал и на вечерних посиделках у костра со своими сверстниками. Такие посиделки-беседы часто устраивались во дворах двух поэтов, двух Нуриев – Заки и Арслана.

* * *

Из коллег-писателей с кем же был особенно близок в эти годы писатель Амирхан Еники? Наки ага Исанбета я уже упомянул. А с семидесятых годов они еще оказались и ближайшими

соседями – Наки ага поселился тогда в доме, расположенном на углу улиц Достоевского и Товарищеской: через квартал от улицы Шмидта. Другими неразлучными друзьями можно назвать Фатиха Хусни, Атиллу Расиха, профессора литературы и писателя Ибрагима Нуруллина. И с Ризой ага Ишмуратовым у них были долгие добрые отношения. Из более молодых коллег он чаще всего общался с Аязом Гилязовым, Нуриханом Фаттахом, Хасаном Сарьяном, Рафаэлем Мустафиним. И с Миркасымом Усмановым, Туфаном Миннуллиным у него были взаимоуважительные отношения.

Из среды молодых земляков-башкортостанцев Амирхан ага очень дружелюбно относился к братьям Юзиевым, поэтам Радифу Гаташу и Роберту Миннуллину. Он два раза выступал вместе с поэтом Нури Арсланом в защиту поэта-фронтовика Махмута Хусаинова. После принятия кандидатом в члены Союза писателей в середине пятидесятых годов его долго не утверждали членом Союза писателей. Причем это было связано с личными взаимоотношениями некоторых его коллег. Амирхан ага, как всегда, выступил правдоискателем. Его правдолюбие, естественно, не всем нравилось...

Как активный, плодовитый писатель Амирхан Еники с 1950-х гг. ежегодно пользовался услугами Домов творчества писателей. Летом пользовался услугами таких домов на берегу Черного моря, как Гагра, Коктебель, Ялта. Зимой любил работать в подмосковном доме творчества санаторного типа – в Малеевке. Любил повторять, что завершающий этап над крупными произведениями лучше всего удается сделать в удобных обстоятельствах таких домов творчества.

Амирхан ага Еники навсегда останется в нашей памяти. Его произведения никогда не устареют!

Аннотация

Статья посвящена лауреату Государственной премии Татарстана им. Г.Тукая, народному писателю Амирхану Нигметзяновичу Еникиеву. Видный прозаик, автор известных рассказов, повестей и романа о юношеских годах композитора Салиха Сайдашева «Гуляндам». А.Н.Еники участник войны, автор интересной повести о военных годах «И мы воевали», десятков рассказов, таких как «Маковый цветок», «Только на час», «Песня любви» и др.

Род Еникиевых идет из мурз, выходцев из Золотой Орды и Касимовского ханства.

Ключевые слова: классик татарской литературы, Амирхан Еники, народный писатель.

Summary

The article is devoted to the winner of the State Prize of the Republic of Tatarstan in the name of G. Tukay, national writer Amirkhan Nigmatzyanovich Enikiev. He was a prominent writer, the author of famous short stories, narratives and novels about the early years of the composer Salikh Saidashev «Gulyandam». A.N. Eniki was a war veteran, the author of the interesting story about the war years called «And we fought», dozens of short stories, such as «Poppy Flower», «Only for an hour», «Love Song», etc.

A number of Enikiev ideas were from murzas, natives of the Golden Horde and Kasimovsky Khanate.

Keywords: classic Tatar literature, Amirkhan Eniki, national writer.

УДК 821.0

ПРИЕМЫ СОЦ-АРТА В ТВОРЧЕСТВЕ З. ХАКИМА

Л.Н. Юзмухаметова, аспирант

В последние годы современная российская действительность предложила нам такой культурный феномен, как соц-арт, элементы которого проявились в той или иной степени в живописи, литературе, театральном искусстве, поп-культуре и т.д. В данной статье мы хотели бы дать свою оценку функционированию элементов этого течения в татарской прозе.

Кандидат искусствоведческих наук Г.И. Зайнуллина в своей диссертации выявляет особенности соц-арта в татарском драматическом театре на уровне содержания и формы. Некоторые из них также приемлемы для татарской прозы (ведь нередко именно образцы прозы были адаптированы для сцены). На уровне содержания это – тенденциозность, выражающаяся в отрицании каких-либо достоинств социалистического устройства и партийного руководства; принцип «теперь сделаем все наоборот по отношению к социализму», расширяющийся до «наоборот по отношению ко всей русской истории и культуре»; политическая озабоченность, выражающаяся в призывах к борьбе за суверенитет республики; вовлечение в деконструкцию языка официальной советской культуры агитпропа, речевых штампов эпохи социализма, элементов «совкового быта» и бытовой, житейской идеологии татар; лиризм и романтизм, лишенный пафоса мирового переустройства, имеющий характер неопределенной мечты о лучшей, красивой, изобильной жизни; обостренное предчувствие конца, кри-

зисное, апокалипсическое мироощущение, декларируемое в тревожных раздумьях о плачевном экологическом состоянии Земли. Автор диссертации также перечисляет особенности средств художественной выразительности. Это – профанирование официальных клише советского мифа и расхожих штампов мещанского глубокомыслия приемом отстраняющей пародии с использованием шаржированных масок российских политиков, а также фарсового стиля игры, сочетающего бесшабашный юмор и безысходно трагический надрыв; карнавальность площадно-балаганной ситуаций с использованием острых диалогов между народом и представителями власти в массовых сценах; (...) театрализация безобразного, выражающаяся в создании шоковых образов нищеты, нравственного оскудения; намеренно гипертрофированный отказ алкогольной деградации народа; кризисное, апокалипсическое мироощущение [2, 16].

Говоря о новых тенденциях в татарской литературе, как правило, упоминается ряд имен, прославивших себя неординарным, интересным творчеством. Среди них, безусловно, есть имя талантливого поэта-певца, драматурга и прозаика З.Хакима. По мнению Д. Загидуллиной, проза Хакима заняла особенное место в татарской литературе конца века своим рассказом в философском плане о человеке, его сущности, процессах в глубине сознания, границе низменного-животного, пути изменения-развития, качествах,

делающих человека человеком, силах, приводящих его жизнь в движение. Уместное употребление психоанализа, философии модерна в этом творчестве переплелось с приемами шизоанализа, пастиша. Обращение к условной, мифологической образности, карнавальность, употребление анекдотических ситуаций в сатирических целях, сравнение и приемы повтора и т.д. служат для преподнесения философской и сатирической концепции автора читателю [1, 180].

Приемы соц-арта в татарской прозе можно отчетливо увидеть в произведениях З.Хакима «Кишер басуы», «Агымсуда ни булмас» (1990–1992). Элементы соц-арта в этих произведениях проявляются как на уровне содержания, так и на уровне формы (через средства художественной выразительности).

В повести «Кишер басуы» события происходят в постсоветской татарской деревне, которой присущи все социальные, экономические, моральные проблемы того периода (еще оставшиеся от советской действительности). Погрязшие в рутину серых будней и аморальную действительность, обитатели этой деревни вдруг становятся очевидцами сверхъестественного явления: летающая тарелка с пришельцами из другой планеты приземляется на морковное поле. Гости объясняют свой крайне неожиданный визит тем, что хотели проведать своих сородичей – татар, познакомиться с их образом жизни, наладить с ними контакт, пригласить к себе в гости. В ходе знакомства выясняется, что татары-мишари из другой планеты живут намного богаче, чем их родные на Земле, образ жизни и мировосприятие этих людей тоже сильно отличается от жителей Земли: они намного терпимее друг к другу, честнее, нравственнее. В результате, очень разочарованные безнравственностью земных татар,

пришельцы покидают Землю, так и не сумев кого-либо взять с собою в гости на другую планету.

В ходе развития событий в повести отчетливо выявляются приемы соц-арта. С самого первого предложения автор дает описание ситуации в деревне – хаос, происходит что-то непонятное: *«Төн авылга килеп кердеме, эллә, кирсенчә, авыл төнгә кердеме – эйтүе кыен, чөнки бу фәлсәфи мәсьәлә...»* [3, 106] / *«То ли ночь пришла в деревню, то ли, наоборот, деревня впала в ночь – тяжело сказать, это философский вопрос»*. И далее вся аморальность уклада жизни людей в этом селе описывается в самых ярких красках: после самоубийства секретаря парткома некому его заменить, то есть после распада старого режима выявилась вся подноготная системы, и вместе с тем уже больше некому скрывать и маскировать ее. Главные герои повести – это председатель колхоза Габдрахман, чья честность, добросовестность у всех вызывает сомнение, а порядочность же, вообще, притча во языцех (известно, что он любит поразвлечься с дояркой Халидой); участковый Хайруллин, который сам же занимается воровством казенного имущества (присвоил деньги от двух машин капусты), ругается самыми что ни есть бранными словами, сквернословит и от которого даже жена сбежала; агроном Гата, опьяневший на празднике Сабантуй до тошноты, вечно несущий «бессмысленную речь»; профессиональная воровка колхозного урожая Марфуга; алкоголики Садри и Заки (которые не пренебрегают ни одеколоном, ни лаком для волос, ни жидкостью для мытья окон); монтер Ибрай, который развелся со своими 6 женами и 4 раза просидел в тюрьме; проститутка Саяра; тракторист Фарит, готовый променять свою любимую девушку на «фирменный трактор».

Среди этого окружения образ Галии (знач. имени: великая, возвышенная, занимающая высокое положение; дорогая [4, 72]) – поистине «луч в темном царстве»: верующая в любовь, в доброту, духовно богатых людей, но, увы, беспомощная перед лицом человеческого невежества. Автор симпатизирует и бывшему тюремщику Равилю (знач. имени: 1. Подросток, юноша. 2. Весеннее солнце. 3. Путешественник, странник [5]), который, в отличие от других персонажей, не лицемерит, вечно дерется с кем-нибудь, будто протестуя против сложившегося уклада жизни в деревне, не принимая несправедливые законы, придуманные людьми. Он глубоко несчастен в обществе, который не в состоянии простить ему его ошибку.

Все пороки людские воплощены в героях повести в гиперболизированной форме, а из их уст звучит жестокая действительность. В обществе, которое стремится к перестройке и демократии, постоянно затыкают рот, а хорошо жить честным трудом невозможно (Марфуга), тракторист не понимает свой трактор (Фарит), а пожарник сам устраивает пожар (Заки); «реки грязные, воздух плохой, не поспевают ягоды-фрукты» (Фарит). Пришелец-гость видит в глазах своих сородичей «необъяснимую странность». Его вера в светлое будущее татар после получения суверенитета звучит как политический подтекст в повести. Гости из другой планеты являются прообразом мечты о лучшей, красивой, изобильной жизни, и сами же это утверждают («Ә без жирдә яшәүче кешеләрнең өмете, хыялы гына булып калыйк. Алай яхшырак булыр» [3, 173] / «А мы останемся надеждой, мечтой для земных людей. Так будет лучше»). Миссия пришельцев – разоблачить безнравственность, царящую на земле («Көтелмәгән яктылык кишер урлаучыларның күплеген бөтен

галәмгә күрсәтте» [3, 128] / «Неожиданный свет показал всей вселенной всю многочисленность воров моркови»). В конце произведения председатель Габдрахман как будто бы трезвет и вдруг понимает всю ничтожность существования своих односельчан, с горечью осознает, что не смогли они понять и услышать пришельцев, которые пришли с добрыми намерениями. По задумке автора, он должен присоединиться к тем светлым людям, таким как Галия и Равиль, чтобы спасти мир от гибели. Это им завещали пришельцы.

Приемы соц-арта проявляются и во внешней форме повести. Непрекращающиеся острые диалоги между героями, критичное описание внешнего и внутреннего вида клуба в гиперболизированной форме («70 ел тузгән бина ниһаять йә эҗимерелергә, йә шартларга, йә бу тынгысыз планетадан очып китәргә тиеш сыман иде» [3, 106] / «Здание, выстоявшее в течение 70 лет, наконец как будто бы должно было или рухнуть, или взорваться, или улететь из этой беспокойной планеты»; «Идән ярыкларынан тычканнар, күселәр карап-карап тордылар, түшәм ярыкларынан тараканнар һәм әле моңарчы фәнгә таныш булмаган бөҗәккәр чыкты. Тышта, клуб тирәли, авыл этләре кайнашты» [3, 135] / «Из половых щелей смотрели мыши, крысы, из потолочных щелей вылезли тараканы и доселе неизвестные науке насекомые. На улице, вокруг клуба, слонялись собаки»), апокалипсическая внешность героев («Мәрфуганың кыяфәте чиксез күкләрдән мескен эҗиргә ахырзаман килгәнне игълан итәргә төшүченеке сыман иде» [3, 109], Зәкинең ертык носкилары һәм Садриның сары тешләре / «Внешность Марфуги напоминала кого-то, кто снизошел на бедную землю с бескрайних небес, чтобы оповестить о приближающемся кон-

це света»; рваные носки Закия и желтые зубы Садрия), щедрое включение вульгаризмов, жаргона, арго в лексикон героев; ирония с политическим подтекстом («Авыр булса, энә, Борис Ельцинны алып китегез» [3, 139] / «Если тяжело вам, увезите с собой Бориса Ельцина»); цитаты из советской классики («Рожденный ползать летать не может») и т.д.

Основой сказочного сюжета сатирического романа З.Хакима «Агымсуда ни булмас» (1990–1992) (Д.Загидуллина определяет жанр романа как антиутопия [1, 186]) является любовь деревенского романтика Марданши к мифологическому персонажу Су анасы (Водяная). Однако деконструкция языка официальной советской культуры в этом романе занимает достаточно серьезное место, что дает нам право говорить о существовании приемов соц-арта в тексте. Как и в повести «Кишер басуы», автор смело, с иронией говорит о пороках постсоветского человека, выросшего в советское время и еще не сумевшего войти в новую жизнь. На содержательном уровне З.Хаким и здесь говорит о проблеме нравственного оскудения и алкогольной деградации народа, персонифицировав в образах пастуха Нуретдина и друга главного героя Гадельши (проблема алкоголизма: «Бигрәк кызык – бөтен ил дәм исерек... ат кебек эшләүчеләр генә, Халисә кебекләр генә аек булырга тиеш» [3, 21] / «Забавно получается – вся страна пьяная в стельку... только те, которые работают, как лошади, такие, как Халиса, должны быть трезвыми»; проблема воровства: «Миңлебаев: Кызма эле син, Мәрданша, – диде. – Минем сиңа нинди начарлыгым тигәне бар? Оныттыңмыни, салам урлап тотылгач та жәзасыз калдырдым... Совхоз басуыннан чөгөндөр чәлдәреңдә дә күземне йомам... бөтен

авыл урлы й барыбер дип... Самогон кууыңа бөтенләй сүз әйтмим. Тынычлан!...» / «Миннебаев: «Не горячись ты, Миннебай, – сказал. – Что я тебе плохого сделал? Забыл, что ли, оставил тебя без наказания, когда тебя поймали с украденным сеном... Глаза закрываю на то, что ворует свеклу из совхозного поля... мол, все равно вся деревня ворует... Слово не говорю против того, что самогон делаешь. Успокойся!»; проблема взяточничества: «Миңлебаев күз кыскач, Мәрданша, кесәсеннән конверт чыгарып, тикшерүчегә сузды» [3, 37] / «Когда Миннебаев моргнул глазом, Марданша вынул из кармана конверт и протянул его следователю»; проблема недобросовестности чиновников: «Мәрданшаның өендөгә бәрәңге базында алтын яшереп куелганын рәкетчыллар ничек белгәннәр? Монда бернинди табышмак юк – рәкытчыллар район прокуратурасы мафиясеннән иде» [3, 73] / «Как рәкеты узнали, что в картофельном погребе у Марданши спрятано золото? Здесь нет никакой загадки – рәкеты были из мафии районной прокуратуры»; проблема человеческого невежества, которая приводит к серьезным экологическим проблемам: «Зәй ГЭСы суны бугач, елга инеш кебек кенә калган. Имеш, Су анасы Кама елгасына киткәндер... Ләкин Казан галимнәре Кама һәм Идел мазут белән, төрле химикатлар белән бик пычрана, шуңа күрә ул елгаларда хатын-кыз түгел, дуңгыз да яшәрлек түгел, диделәр» [3, 36] / «Когда Заинская ГЭС построила плотину, река превратилась в ручеек. Как будто Водяная уплыла в Каму... Но казанские ученые сказали, что Кама и Волга очень загрязняются мазутом и разными химикатами, поэтому в реках не то что женщина, свинья бы не прожила»). Такой порок, как поклонничество, перед материальными благами, деньгами в тексте уличается че-

рез жесткий сарказм, автор описывает людей, ищущих золотую расческу для наживы, ничтожными, жалкими людьми, автор смело и со злостью смеется и над такой «болезнью» современного общества, как сексуальная озабоченность в гипертрофированной, нередко извращенной форме.

С иронией автор говорит о принципе «теперь сделаем все наоборот по отношению к социализму»: «Дөньялар эллэ нишлэп китте – житмеш ел киеп йөргән соры күлмәк бөтен жөйләрәннән шытырдады. Имеш, дәрес юл белән бармаганбыз. Имеш, бар нәрсәне үзгәртеп корырга кирәк... Фәһимә апа сыерын, торгынлык елларындагы шикелле, уң яктан түгел, сул яктан сава башлады. Һәм сөткә суны түгел, суга сөтне куша башлады...» [3, 61] / «Мир изменился – серое платье, в котором ходили 70 лет, пошло по швам. Оказывается, мы шли неправильным путем. Оказывается, все нужно перестроить... Фагима апа начала доить корову не с правой стороны, как в эпоху застоя, а с левой стороны. И начала добавлять не воду в молоко, а молоко в воду...». Абсурдность, бессмысленность нововведений перестройки, которые ничего нового и полезного не принесли, проявляются в различных эпизодах текста, что делает роман в какой-то степени политически окрашенным в яркие тона.

В романе упоминается знаменитая Мензелинская тюрьма, автор тем самым предлагает прототип советского уклада жизни, обобщая весь ужас действительности и акцентируя на этом внимание («Төрмәнең диварлары биниһая калын, нык һәм чыдам. Шуңа күрә аның эчендә яшәүче гонаһлы бәндәләрнең язмышлары шартлап сынган да, гаепсезләрнең жан кычкыруы да стенаның бу ягында йөрүчеләргә ишетелми... Ике йөз ел эчендә дөнья эллэ нишлэп бетте,

эллэ ничә төргә керде, хәтта кеше дә үзгәрде. Ә Минзәләдә төрмә шул ук! Менә бу классика ичмаса! Менә бу классицизм! Инде Рәсәйне ничәнче кат эсимереп, яңадан төзиләр... Ә төрмә шул көе!» [3, 29] / «Стены тюрьмы беспредельно толстые, крепкие и стойкие. Поэтому не слышны людям по ту сторону тюрьмы как ломаются со скрежетом судьбы грешных и как кричит душа безгрешных в ее стенах... В течение двухсот лет мир так переменялся в разные формы, даже люди изменились. А тюрьма в Мензелинске та же! Вот это классика! Вот это классицизм! В который раз уже разрушают Россию и заново строят... А тюрьма та же!»). В советском обществе деревенского жителя специально воспитывают неучем, потому что неуча в любое время можно «увести» куда угодно: он все равно не знает ни одного закона, даже русского языка не понимает, проанализировать, за что он сидит в тюрьме и когда он выйдет на свободу, деревенский «мужик» не в состоянии (история Нуретдина) – это еще одна проблема, о которой говорит автор повести. Мечта о свободе живет даже в деревенских коровах, но свобода очень непонятна, чужда им, поэтому, кроме страха, ни к чему не приводит («Гайнекамал әбинең сыеры иң беренчеләрдән булып азатлык кирәген аңласа да, кай тарафларга юл тотарга, ничек яшәргә икәнлеген аңламады. Чөнки бу дөнья бик катлаулы иде... Кичкә таба сәер иркенлек сыерларны шомландырды һәм алар теге залим котүчене сагына башладылар... Азатлык, ирек дигән булып, кая барырга белмичә аптырап, нишләргә яраганын, нишләргә рөхсәт ителмәгән аңламыйча, сине урлап алган шомлы билгесезлектән һәм үзеңнең ярдәмсезлегеңнән чирканып, килчәктән котың алынып яшәүдә ни мөгънә бар?...» [3, 63–64] / «Хотя ко-

рова Гайнекамал аби самой первой поняла о необходимости свободы, куда идти, как жить она не понимала. Поэтому что мир был очень сложным... К вечеру странный простор обеспокоил коров, и они начали скучать по тому злодею пастуху... Какой смысл жить не зная куда идти, не понимая что дозволено делать, а что нет, брезгая окруженной тебя устрашающей неопределенностью и своей беспомощностью, ради свободы, независимости?»).

Текст пронизан апокалипсическим мироощущением вдоль и поперек («Нәрсә соң ул мэхэббәт??? Инде ахырзаманга да күп калмаган, диләр, әмма ләкин бу сорауга җавап һаман да табылмады әле» [3, 52] / «А что такое любовь??? Говорят, немного осталось до конца света, но до сих пор нет еще ответа на этот вопрос»). Этот мотив особенно ярко выражается в образе участкового Миннебая – «представителя административно-командной системы и тоталитарного сознания, превратившегося в средоточие всех пороков» [2, 17] – как на его внешнем виде («Аның итләч чырае мотоцикл дырылдавыннан мыймылдап селкенә, борын, бит алмалары, өч катлы ияк һәм күз төбендәге саргылт капчыklar дердер килә» [3, 5] / «От звука мотоцикла его мясистое лицо дергается, а нос, щеки, тройной подбородок и желтые мешки под глазами трясутся»; «Диңгезләрдә дә, океаннарда да мондый куркыныч, ямьсез җанвар яшәмидер... Шушы кадәр яман ерткыч коры җирдә генә тереклек итәдер, мөгаен» [3, 57] / «Даже в морях и океанах не живет, наверное, такое страшное, некрасивое животное... До такой степени плохой хищник, наверняка, живет только на суше»), так и на исходе его жизни – в итоге он оказывается в психиатрической больнице.

Хронотоп психиатрической больницы играет в тексте немаловажную роль, это второй после тюрьмы прообраз системы, в котором живет советско-российский человек, неизлечимо больной и приговоренный к уничтожению (то же самое мы встречали у Пелевина). («Монда бәтен невротикларга да амитриптилин каптыралар, һәм, нәтижәдә, барысы да мөлҗерәп селәгәйләрен агызып, йокылы-уяулы булып, нинди бәхетле илдә яшәүләрен дә аңлаудан мэхрүм булып йориләр» [3, 85] / «Здесь всем невротикам дают амитриптилин и, в результате, все, пуская слюни, в полусонном состоянии живут, не ведая, в какой счастливой стране они живут»). Здесь же учитель истории – пациент клиники – рассказывает сказку о стране пьяниц, в которой произошли чудовищные преобразования после смерти генсека. Через эту сказку автор прямым текстом передает весь негатив современного российского общества, на которое перестройка повлияла не самым лучшим образом, а скорее, развила в нем потенциал человеческих пороков.

Образ Су анасы (Водяной) – прообраз мечты о лучшей красивой, изобильной жизни. Она противопоставляется суровой действительности – доярке Халисе. Но удивительно, что в это прекрасное влюбляется и восхищается им только Марданша, всех остальных интересует лишь материальная сторона вопроса. Люди уже перестали видеть прекрасное и верить в сказку. Предчувствие конца обостряется именно этим всеобщим неверием в прекрасное, поиском материального в прекрасном. Мифологический образ Су анасы традиционен для татарской культуры и литературы, введение в сюжет романа столь традиционный образ в такой роли, интертекстуальное включение его в рамках соц-арта – интересное решение автора.

На уровне формы соц-арт проявляется и в жестких вульгаризмах, которыми щедро пользуются герои повести (в особенности участковый Миннебай), также в острых диалогах между сельскими жителями и участковым – представителем власти – как и в предыдущей повести.

Через осмысление и анализ текстов мы пришли к выводу, что деконструкция советского мифа (Россия – тюрьма народов, психиатрическая лечебница, а понятие свободы чуждо, поэтому устрашающе), уличение по-

роков гражданином «процветающей» страны, мечта о красивой, изобильной жизни, политический подтекст произведений, апокалипсическое мироощущение, активное употребление вульгаризмов, острых диалогов, иронии и сарказма – все это дает нам право говорить о приемах соц-арта в татарской прозе. Можно с уверенностью утверждать, что в татарской прозе соц-арт хотя и не поднялся до уровня самостоятельного литературного течения, его приемы четко проявляются в некоторых текстах современных писателей.

Литература

1. *Заһидуллина Д.Ф.* Яңа дулкында (1980–2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык). – Казан: Мәгариф, 2006. – 256 б.
2. *Зайнуллина Г.И.* Элементы соц-арта и постсоц-арта в татарском драматическом театре на рубеже XX–XXI веков: Автореф. дис... канд. искусствоведения. – Москва, 2010. – 29 с.
3. *Хәким З.* Агымсуда ни булмас. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 246 с.
4. *Мөхмүтов М.И., Хәмзин К.З., Сәйфуллин Г.Ш.* Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. – Казан: Иман нәшр., 1993. – Т. 1. – 448 б.
5. http://ufagen.ru/tatar_imena?name=Равиль

Аннотация

В данной статье дается анализ произведениям З.Хакима «Кишер басуы» и «Агымсуда ни булмас» с точки зрения соц-арта. Автор делает попытку выявления элементов данного течения на содержательном уровне и на уровне формы.

Ключевые слова: современная татарская проза, соц-арт, деконструкция советского мифа, апокалипсическое мироощущение.

Summary

This article gives the analysis of the novels «Kisher basuy» and «Agymsuda ni bulmas» from the point of view of social art. The author makes an attempt to identify the elements of this trend on a meaningful level and on the level of form.

Keywords: modern Tatar prose, social art, deconstruction of the soviet myth, the apocalyptic worldview.

УДК 342.25

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЛЕГИРОВАННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.И. Гадельшина

Государство реализует свои функции по определенным предметам ведения через свои органы власти, наделенные соответствующей компетенцией.

Под компетенцией принято понимать законно возложенный объем публично-властной деятельности субъекта публичной власти [1, с. 55, 56; 2, с. 30; 3, с. 89; 4, с. 6]. В настоящее время устоявшейся является позиция, согласно которой в структуру компетенции входят права, обязанности и сфера деятельности, в которой они осуществляются [5, с. 22; 6, с. 170; 7, с. 226, 572].

Под компетенцией органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере финансового обеспечения делегируемых отдельных государственных полномочий субъекта Российской Федерации органам местного самоуправления понимаются обязанности и права органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предоставлению муниципальному образованию денежных средств из централизованных денежных фондов, достаточных для осуществления органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий субъекта Российской Федерации.

Предметы ведения как структурный элемент компетенции выступают способом юридического обозначения тех общественных отношений, тех сфер общественной жизни, которые определяются в качестве предмета властных действий органа [8, с. 91]. Предметом ведения органа государственной власти субъекта Российской Федерации в рассматриваемом случае выступает группа общественных отношений, складывающихся в процессе финансового обеспечения отдельных государственных полномочий субъекта Российской Федерации, делегированных органам местного самоуправления.

Полномочия как второй элемент компетенции выступают главным ее содержанием. Свои функции и задачи государственные органы субъекта Российской Федерации реализуют посредством реализации закрепленных за ними прав и обязанностей, которые характеризуют пределы возможностей органа в той или иной сфере общественных отношений [9, с. 21–22]. При этом важно понимать, что полномочия – это право-обязанность, а не только право определенного субъекта. Это находит подтверждение в судебной практике. Так, Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о противопо-

речи Федеральному закону № 131-ФЗ пункта 2 части 1 статьи 6 Закона Приморского края от 28 июля 2009 г. № 486-КЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов (городских округов) Приморского края отдельными государственными полномочиями по созданию административных комиссий» на том основании, что предусмотренная данным актом функция контроля со стороны органов государственной власти за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий отнесена к правам органов власти субъекта Российской Федерации, а не к обязанностям. Оспариваемая норма, по мнению суда, может привести к выборочному исполнению или неисполнению данными органами власти и их должностными лицами контрольной деятельности как за осуществлением органами местного самоуправления полномочий по созданию административных комиссий, так и за расходованием предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств из бюджета субъекта Российской Федерации (ОБ).

Теоретические основы компетенции субъекта Российской Федерации в сфере финансового обеспечения делегированных государственных полномочий в правовой доктрине не проработаны. Поэтому исследование конституционно-правовой природы компетенции названной сферы с точки зрения института разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в настоящее время является актуальным.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов

Российской Федерации» (далее – ФЗ № 184-ФЗ) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации относится к принципам деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации (ФЗ1).

Согласно п. «ж» ст. 71 Конституции Российской Федерации, в ведении Российской Федерации находится финансовое регулирование (К). Пунктом «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов отнесено установление общих принципов организации местного самоуправления. А в части 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации говорится о «передаче материальных и финансовых средств» при наделении отдельными государственными полномочиями. Следовательно, Конституцией Российской Федерации такой предмет ведения, как финансовое обеспечение делегированных государственных полномочий, прямо не устанавливается.

Статьи 5 и 6 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ), закрепляя полномочия федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления, устанавливают, что осуществление ими исполнительно-распорядительных функций в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления допускается только в случаях и порядке, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, названным Федеральным законом и другими федеральными законами (ФЗ2). Положе-

ния частей 5 и 7 ст. 19 ФЗ № 131-ФЗ сферу финансового обеспечения делегированных государственных полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации не разграничивают.

Глава IV.1. ФЗ № 184-ФЗ устанавливает общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Нормами указанной главы закрепляются три группы государственных полномочий:

1) государственные полномочия по предметам ведения Российской Федерации;

2) государственные полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

3) государственные полномочия по предметам ведения субъектов Российской Федерации.

Рассмотрим их подробнее.

1. Государственные полномочия по предметам ведения Российской Федерации, по общему правилу, осуществляются федеральными органами государственной власти и финансируются из федерального бюджета. В силу п. 7 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ данные полномочия могут быть переданы для осуществления органам государственной власти субъекта Российской Федерации. При этом финансовое обеспечение переданных государственным органам власти субъекта Российской Федерации федеральных полномочий осуществляется за счет субвенций из федерального бюджета, а в случаях, предусмотренных федеральным законом, – за счет субвенций из бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, и за счет бюджетных ассигнований из бюджета субъекта Российской Федерации не менее чем в

объеме планируемых поступлений от уплаты государственной пошлины, связанной с осуществлением переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации отдельных полномочий и зачисляемой в бюджеты субъектов Российской Федерации. Субъект Российской Федерации в соответствии с абз. 16 п. 7 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ имеет право дополнительно использовать собственные финансы в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

Согласно абз. 17 п. 7 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ полномочия Российской Федерации, переданные для осуществления органам государственной власти субъекта Российской Федерации, могут передаваться органам местного самоуправления, если это разрешено федеральными законами, предусматривающими передачу указанных полномочий органам государственной власти субъекта Российской Федерации. Такая передача осуществляется законами субъекта Российской Федерации. Источник финансирования делегированных органам местного самоуправления государственных полномочий Российской Федерации не меняется.

Таким образом, полномочие по финансовому обеспечению делегированных органам местного самоуправления государственных полномочий Российской Федерации находится в ведении Российской Федерации. При этом субъект Российской Федерации имеет право дополнительного финансирования.

2. Государственные полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации можно разделить на три подгруппы: 1) полномочия, осуществляемые органами государственной власти субъекта Российской Федерации, исчерпывающий перечень которых предусмотрен п.

2) ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ; 2) полномочия Российской Федерации, не предусмотренные пунктом 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ; 3) полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, не указанные в п. 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ, и до принятия федеральных законов установленные законами субъекта Российской Федерации (п. 5 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ).

Исчерпывающий перечень полномочий субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществляемых органами государственной власти субъекта Российской Федерации, предусмотрен п. 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ. Пример: организация и осуществление деятельности по опеке и попечительству (пп. 24.2 п. 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ), обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями (пп. 14.2). В силу п. 1 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ данные полномочия финансируются за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета). Здесь возможно дополнительное финансирование из федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов Российской Федерации в порядке и случаях, установленных федеральными законами. Указанные полномочия могут быть переданы законом субъекта Российской Федерации органам местного самоуправления с предоставлением необходимых материальных и финансовых ресурсов (п. 6 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ). Таким образом, полномочие по финансовому обеспечению делегированных органам местного самоуправления государственных полномочий субъекта Российской Федерации по предметам совместно-

го ведения, указанных в п. 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ находится в ведении субъекта Российской Федерации. При этом Российская Федерация имеет право дополнительного финансирования таких полномочий.

Полномочия Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, не предусмотренные пунктом 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ, могут передаваться органам государственной власти субъекта Российской Федерации. А в силу абз. 17 п. 7 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ от органов государственной власти субъекта Российской Федерации данные полномочия могут передаваться органам местного самоуправления, если это право предоставлено субъектам Российской Федерации федеральными законами. В соответствии с п. 7 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ финансовое обеспечение этих полномочий осуществляется за счет субвенций из федерального бюджета, а в случаях, предусмотренных федеральным законом, – за счет субвенций из бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации и за счет бюджетных ассигнований из бюджета субъекта Российской Федерации не менее чем в объеме планируемых поступлений от уплаты государственной пошлины, связанной с осуществлением переданных органам государственной власти субъектов Российской Федерации отдельных полномочий и зачисляемой в бюджеты субъектов Российской Федерации. Субъект Российской Федерации в соответствии с абз. 16 п. 7 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ имеет право дополнительно использовать собственные финансы в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Таким образом, полномочие по финансовому обеспечению делегированных органам местного самоуправления полномочий Российской Федерации по предметам совместно-

го ведения Российской Федерации и ее субъектов, не указанные в п. 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ находится в ведении Российской Федерации. При этом субъект Российской Федерации имеет право дополнительного финансирования таких полномочий.

Полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по вопросам совместного ведения, не предусмотренные пунктом 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ и до принятия федеральных законов установленные законами субъекта Российской Федерации, осуществляются органами государственной власти субъекта Российской Федерации самостоятельно за счет и в пределах средств бюджета субъекта Российской Федерации (п. 5 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ).

3. Государственные полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам ведения субъекта Российской Федерации в силу ст. 26.2 ФЗ № 184-ФЗ осуществляются данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета). То есть фи-

нансирование делегированных органам местного самоуправления указанных полномочий находится в ведении субъекта Российской Федерации.

Итак, если рассматривать полномочие как совокупность прав и обязанностей (правообязанность), то в ведении субъекта Российской Федерации находится финансовое обеспечение делегированных органам местного самоуправления полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам ведения субъекта Российской Федерации, а также полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, предусмотренных пунктом 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ. В ведении Российской Федерации находится финансовое обеспечение делегированных органам местного самоуправления полномочий Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации, а также полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения, не предусмотренных в пункте 2 ст. 26.3 ФЗ № 184-ФЗ.

Источники

ОБ – Определение Верховного Суда от 28 марта 2012 г. № 56-АПГ12-1 «Об оставлении без изменения решения Приморского краевого суда от 13 января 2012 г., которым удовлетворено заявление о признании недействительным пункта 2 части 1 статьи 3 Закона Приморского края от 28 июля 2009 г. № 486-КЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов (городских округов) Приморского края отдельными государственными полномочиями по созданию административных комиссий» // СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика.

ФЗ1 – Федеральный закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

К – Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

ФЗ2 – Федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

Литература

1. *Тихомиров Ю.А.* Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. – М., 2001. – 355 с.
2. *Карпетян Л.М.* Федеративное устройство Российского государства / Л.М. Карпетян. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 352 с.
3. *Карасева М.В.* Бюджетное право: учебное пособие / М.В. Карасева, Т.М. Бялкина, Т.Д. Зражевская и др.; отв. ред. М.В.Карасева. – М.: Эксмо, 2010. – 318 с.
4. *Собянин С.С.* Разграничение компетенции органов власти различных уровней в федеративном государстве / С.С. Собянин // Государство и право. – 2006. – № 12. – С. 5–11.
5. *Тихомиров Ю.А.* Теория компетенции // Журнал российского права. – 2000. – № 10. – С. 22–32.
6. *Умнова И.А.* Конституционные основы современного российского федерализма: Учебно-практическое пособие / И.А. Умнова; 2-е изд. испр. и доп. – М.: Дело, 2000. – 304 с.
7. *Дмитриев Ю.А.* Муниципальное право Российской Федерации: Учебник / 2-е изд. Ю.А. Дмитриев, Н.А. Емельянов, В.В. Комарова и др.; под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Профобразование, 2000. – 800 с.
8. *Ханов Н.В.* Конституционно-правовые формы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Ханов. – М., 2008. – 198 с.
9. *Авакьян С.А.* Правовое регулирование деятельности Советов. Конституционные основы, теория, практика. М.: МГУ, 1980. – 176 с.

Аннотация

В статье исследуется конституционно-правовая природа компетенции органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере финансового обеспечения государственных полномочий, делегированных органам местного самоуправления; рассматривается содержание компетенции, формулируется определение понятия «компетенция органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере финансового обеспечения делегируемых органам местного самоуправления полномочий субъекта Российской Федерации», выделяются группы государственных полномочий с точки зрения института разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: компетенция, предметы ведения, полномочия, государственное полномочие, финансовое обеспечение, делегирование полномочий, разграничение государственных полномочий.

Summary

The article is devoted to the constitutional-legal nature of the competence of public authorities of the subject of the Russian Federation in the sphere of financial provision of state powers delegated to local self-government bodies. The contents of the competence, as well as the definition of the concept «competence of public authorities of the subject of the Russian Federation in the sphere of financial security delegated to local self-government bodies of the subject of the Russian Federation» are considered. Finally, the groups of state authority are distinguished in the article from the point of view of the Institute of differentiation of subjects of jurisdiction and powers of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation.

Keywords: competence, subject-matter jurisdiction, powers, public authority, financial security, delegation of authority, differentiation of state powers.

УДК 314.6

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е.В. Демидова, кандидат юридических наук

Проблемы семьи и семейных отношений привлекали и привлекают внимание ученых различных отраслей знаний: историков, педагогов, социологов, демографов, медиков, юристов и др.

Семейная система – одна из открытых, постоянно развивающихся социальных систем.

Являясь частицей макросреды, микросреда семьи представляет собой отражение реального общественного бытия и свой конечный совокупный продукт в виде личности поставляет обществу.

Философ Аристотель (384–322 гг. до н.э.) считал, что союз мужчины и женщины в целях деторождения продиктован природой, и признавал семью первичной ячейкой общежития¹. Другой философ Протагор (ок. 480–410 гг. до н.э.) отмечал: «Воспитание и наставление начинаются с самых первых лет существования и продолжают до конца жизни. Мать и кормилица, отец и дядька лишь только и хлопочут об его усовершенствовании»². Известный французский писатель В. Гюго полагал, что семья – кристалл общества³. Римский понтифик Пий XI писал, что семья более священна, чем государство⁴. Известный социолог Питирим Сорокин считал, что семья, как и все общественные установления, на протяжении своей истории испытала ряд изменений. Ее развитие не остановилось и на современных формах. Вдумчивое изучение ряда явлений

показывает, что в настоящее время семья как социально-правовая организация определенного вида переживает острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным лишь в самых общих чертах. Короче говоря, современная семья изменяется и переходит в наши дни к новой, грядущей семье⁵.

А.Г. Харчев определяет семью как «исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными, родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»⁶.

В XIX веке, когда ключ к настоящему и будущему связывали с очень популярной тогда темой происхождения человечества, семья оказалась в центре внимания не случайно. Ф. Энгельс (1820–1895 гг.) посвятил трактовке происхождения семьи отдельную книгу. В первой половине XX века, стремясь понять, как устроено общество, социологи рассматривали семью как стабилизирующий механизм. Основатель структурного функционализма Т. Парсонс (1902–1979 гг.) неоднократно обращался к теме семьи и написал вместе с Р. Бейлзом работу по социализации семьи⁷.

Однако, если искать тех, кто положил начало собственно социологии семьи, то прежде всего следует назвать имена французского социолога Фредерика Пьера Ле Пле (1806–1882 гг.) и американского социолога Эрнста Берджесса (1886–1966 гг.), одного из первых президентов Американского Национального Совета по семейным отношениям.

Ле Пле поставил семью в центр интересов всей социологии, сделав ее независимой переменной по отношению к остальным социальным процессам. Более того, он единственный из социологов XIX века, кто восстал против либерально-демократической идеологии индивидуализма, эмансипировавшей индивида от семьи и превращавшей его в строительный блок государства⁸. Фундаментальным элементом общества, по Ле Пле, является семья, корневая семья (родительская семья плюс репродуктивная семья, как правило, старшего сына)⁹. Социальный порядок и подлинная свобода зависят от роли семьи в обществе, корневой семьи, которая исключает ригидность патриархальной семьи и «эгоистический атомизм» современной, нестабильной семьи. Стремясь исследовать общество как естествоиспытатель, Ле Пле хотел понять причины социальных революций через «самоличное» изучение простейшей модели общества – семьи, через социальное возвышение и падение семей.

До начала шестидесятых годов XIX века историческая наука в области исследования института семьи целиком находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли – за исключением многоженства – с современной буржуазной семьей,

так что семья вообще не переживала никакого исторического развития; самое большее допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений¹⁰. Кроме единобрачия было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. У отдельных народов древнего мира происхождение считалось не по отцу, а по матери, так что женская линия признавалась единственно имеющей значение; у многих современных народов воспрещаются браки внутри определенных, более или менее крупных групп, в то время еще обстоятельно не исследованных, и этот обычай встречается во всех частях света.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа И.Я. Баховена «Материнское право»¹¹. Автор в этой работе исходил из того, что у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, которые он обозначает выражением «гетеризм», и такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии. Первоначально это наблюдалось у всех народов древности, вследствие чего женщины как единственные достоверно известные родители молодого поколения пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей до полного господства женщин (гинекократии). Переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, таил в себе нарушение древнейшей религиозной заповеди (то есть фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту

женщину), что требовало искупления или допускалось при условии выкупа, состоявшего в том, что женщина в течение определенного времени должна была отдаваться посторонним¹².

Доказательства этих положений И.Я. Баховен находит в многочисленных, с исключительной тщательностью собранных цитатах из классической литературы древности. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, – в частности у греков, – вследствие дальнейшего развития религиозных представлений, в форме добавления в традиционную группу богов, олицетворявшую старые взгляды, новых божеств – представителей новых воззрений, которые все более оттесняли первых на задний план¹³. Таким образом, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало, по И.Я. Баховену, исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины.

В 1865 г. преемником И.Я. Баховена становится Дж. Ф. Мак-Леннан. Он находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, должен насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, по-видимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак-похищение»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. У некоторых древних народов существовали известные группы (в 1865 г. их еще часто отождествляли с самими

племенами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены были брать себе жен, а женщины мужей – вне этой группы; между тем у других народов существовал обычай, требующий, чтобы мужчины, принадлежавшие к определенной группе, брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые – эндогамными и далее конструирует резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». Экзогамные племена могли брать для себя жен только из других племен, а это при свойственном периоду дикости непрерывном состоянии войны между племенами можно сделать лишь путем похищения¹⁴.

«Так как экзогамия и многомужество возникают вследствие одной и той же причины, – численного неравенства обоих полов, – то мы должны признать, что у всех экзогамных рас первоначально существовало многомужество... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знала кровные узы лишь с материнской стороны»¹⁵.

Следует отметить, что Мак-Леннан знал лишь три формы брака: многомужество, многомужество и единобрачие. Однако впоследствии стали находить все больше доказательств, что у народов существовали такие формы брака, когда несколько мужчин обладали сообща несколькими женщинами, и Леббок («Происхождение цивилизации», 1870 г.) признал этот групповой брак (*communal marriage*) историческим фактом.

В Советском энциклопедическом словаре под семьей понимается основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. Как

устойчивое объединение семья возникает с разложением родового строя¹⁶.

Современная трактовка данного понятия базируется на том, что семья – основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью, один из важнейших элементов социальной структуры. Семья выполняет многие социальные функции, играет особую роль как в общественном развитии в целом, так и в жизни каждого человека. Проблемы семьи изучают демография и экономическая наука, история и социальная антропология, юриспруденция и педагогика, естественные науки – медицина, генетика, геронтология и др. Каждая из наук смотрит на этот институт со своей специфической точки зрения, выделяя в нем свой собственный предмет исследований и применяя при этом собственные научные методы. Тем самым каждая из наук вносит свой вклад в изучение семьи и семейных отношений, а также в постановку и решение семейных проблем. Обобщающий характер знаниям о семье придает социология, практически все разделы которой освещают семейную проблематику.¹⁷

Интерес к институту семьи обусловлен прежде всего важностью ее роли как посредника между личностью и обществом.

Семья составляет существенное звено в цепи социального бытия, ведь каждая нация и государство слагаются из отдельных семей. Семья – это первичная ячейка общества, объединяющая супругов и их потомство. В семье отдельная личность, поступаясь некоторыми своими особенностями, входит в качестве члена в некое целое. Жизнь семьи связана с половым и возрастным разделением труда, ведением домашнего хозяйства, взаимной помощью людей в быту, интимной жизнью супругов, продлением рода, а

следовательно, воспроизведением народа, воспитанием нового поколения, а также с нравственными, правовыми и психологическими отношениями¹⁸.

Семья является инструментом индивидуального становления личности: именно здесь ребенок впервые включается в общественную жизнь, усваивает ее ценности, нормы поведения, способы мышления, язык¹⁹. Иначе говоря, семья – это школа воспитания, передачи опыта жизни, житейской мудрости.

Семья одновременно выступает в роли социального института и малой группы. Как социальный институт семья реализует фундаментальную функцию самосохранения общества, воспроизводства новых поколений. Как малая группа, в рамках которой индивиды вступают в первичные межличностные отношения, она удовлетворяет их жизненные социально-психологические потребности. Исходя из этой двойственной природы семью можно определить как основанную на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющих воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования своих членов²⁰. Отсутствие хотя бы одного из элементов этой триады супружество – родительство – родство делает семью неполной и трансформирует ее в семейную группу. Последняя является или еще не ставшей, формирующейся семьей (например, бездетные семьи молодоженов) или, напротив, семьей распадающейся, умирающей²¹.

Данная выше дефиниция подчеркивает наиболее важные характеристики семьи – ее социальную сущность и социальные функции. Последние делятся на специфические и неспецифические.

Первые вытекают из сущности семьи как социального института, выполнение их присуще только семье. Неспецифические функции – это те, к выполнению которых семья оказалась как бы приспособленной в определенных исторических условиях и которые могут выполняться и выполняются также и другими социальными институтами. Специфические функции семьи – это рождение детей, или репродуктивная функция, содержание детей и первичная социализация, или воспитание, детей. Эти функции присущи семье во всех обществах, при всех общественных изменениях, пока сохраняется сама семья.

Фундаментальная социальная необходимость в воспроизводстве населения наилучшим образом удовлетворяется семьей как такой формой организации рождения и воспитания детей, при которой общественные потребности реализуются через личную мотивацию индивидов²². В этом отражается тот факт, что семья и общество существуют только потому, что действуют социальные силы, формирующие у людей потребность в семейном образе жизни и потребность в детях²³. Будущее семьи как социального института обеспечено только до тех пор, пока общество в состоянии воспроизводить эту личную мотивацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семья как объект философского и социологического исследования. – Л., 1974. – С. 36.

² *Протагор*. Отрывок о воспитании детей в Афинах / Протагор // Хрестоматия по истории педагогики / Сост. Н.А. Желваков. – М., 1938. – Т. 4. – С. 19.

³ *Гюго В.* Собрание сочинений. В 10-и т. / В. Гюго. – М., 1972.

⁴ *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. – М., 1999. – С. 495.

⁵ *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи / П.А. Сорокин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 65.

⁶ *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. – М., 1979. – С. 75.

⁷ *Антонов А.И.* Микросоциология семьи / А.И. Антонов. – М., 2005. – С. 62.

⁸ Отношение к семье «как школе деспотизма» (Дж. С. Милль), как к чему-то «реакционному» закладывалось также Т. Гоббсом, Дж. Локком, Жан Жаком Руссо. — См. подробнее: *Carlson Allan.* Liberty, Order and Family –The Family: Is it just another lifestyle choice? Jon Davis. London. – 1993. – P. 28; *Карлсон А.* Общество – семья – личность / А.Карлсон. – С. 13, 75.

⁹ См.: О влиянии идеи корневой семьи Ле Пле на американских социологов: *Carlson A.* The Family is the fundamental unit of society. Morning Address to the International Conference on the Family. Melbourne. — 1994.

¹⁰ *Маркс К.* Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. В 3-х т. – М., 1983. – Т. 3. – С. 214.

¹¹ См.: *Баховен И.Я.* Материнское право / И.Я. Баховен. – М., 1861.

¹² См.: *Баховен И.Я.* Указ. соч.; *Маркс К.* Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. В 3-х т. – М., 1983. Т. 3. – С. 215.

¹³ *Маркс К.* Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. В 3-х т. – М., 1983. – Т. 3. – С. 215.

¹⁴ *Маркс К.* Избранные произведения / К. Маркс, Ф. Энгельс. В 3-х т. – М., 1983. – Т. 3. – С. 218.

¹⁵ *Мак-Леннан Дж. Ф.* Очерки по древней истории / Дж. Ф. Мак-Леннан. – 1886. – С. 124.

- ¹⁶ Советский энциклопедический словарь / Глав. ред. А.М. Прохоров. – М., 1985. — 1189.
- ¹⁷ Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 394.
- ¹⁸ *Спиркин А.Г.* Философия: учебник // 2-е изд. – М., 2002. – С. 531.
- ¹⁹ См.: Там же.
- ²⁰ См.: *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи / Ю.И. Семенов. – М., 1974.
- ²¹ Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 394.
- ²² См.: *Голод С.И.* Стабильность семьи — социологический и демографический аспекты / С.И. Голод. – Л., 1984.
- ²³ Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 394.

Аннотация

В данной статье проиллюстрированы подходы к понятию семьи ученых различных отраслей знаний: историков, педагогов, социологов, юристов и др. Показано влияние семьи на формирование личности несовершеннолетнего.

Ключевые слова: семья, воспитание, личность, общество, ребенок, микросреда.

Summary

This article illustrates approaches to the concept of the family worked out by scientists from different disciplines: historians, educators, sociologists, lawyers, etc. The influence of the family in shaping the personality of the minoris is shown.

Keywords: Family, education, personality, society, child, microenvironment.

Д.А. Мустафина,

*доцент кафедры истории татарского народа
Казанского (Приволжского) федерального университета*

О книге «Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов / Публикация текста. – М. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. – 203 с.».

В последние десятилетия заметно возрос интерес к истории татарского народа, и пришло осознание узости источниковой базы ее разработки. Вследствие этого отечественными учеными стали прилагаться усилия по поиску, учету и введению в исследовательский оборот новых неизвестных или слабоизвестных широким научным кругам документальных материалов. Это, безусловно, не может не радовать, ибо на современном этапе развития исторической науки усилия именно такого характера и направленности представляются действительно закономерными и крайне необходимыми.

Существенную лепту в это многотрудное дело вносит Издательский Дом «Медина», предоставляя возможность тиражирования подготовленных к печати исследовательских работ и текстов рукописей, извлеченных из древлехранилищ. В истекшем 2012 г. он выпустил в свет часть землеустроительных материалов по Алатырскому уезду 1624–1626 гг. отдельной книгой под названием «Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов» (М. – Нижний Новгород, 2012; 202 с.). Подготовлены они были к печати двумя составителями – кандидатом исторических наук В.Д. Кочетковым и аспирантом Института истории АН РТ М.М. Акчуриним. Научную редакцию рукописи

произвел доктор исторических наук Д.М. Исхаков.

Нет необходимости объяснять и доказывать научную ценность опубликованных писцовых материалов, несущих информацию о численности, землеустройстве, пространственной организации поместных владений в одной из административно-территориальных единиц Российского государства – Алатырском уезде, где сложилась существенная концентрация земель служилых татар. Хорошо известно, что информация о той или иной этносоциальной группе населения безлика и не имеет «корневой системы» без сведений о численности и географии его расселения.

В трудах ряда отечественных историков и источниковедов давно уже раскрыты информационные возможности этих многоплановых и содержательных источников, отражающих социально-политическое и хозяйственно-экономическое развитие территории описания, различных страт населения, помогающих также решать вопросы исторической географии, исторической демографии, позволяющих проводить анализ семантических процессов в лексике и фразеологии русского языка в XVI–XVII вв. и т.д. Одним словом, важность и востребованность подобных публикаций общепризнанны и бесспорны.

Жаль только, что перепись других категорий (частной собственности

русских помещиков, церковно-монастырских и дворцовых владений) земель уезда осталась за рамками внимания публикаторов. Согласно уцелевшим наказам, сохранившимся с 1622 г., в ходе валового описания, проведенного в 1620-е гг., писцам и дозорщикам следовало решить вопросы перераспределения и межевания угодий и пашенных земель между помещиками и деревнями, проверить владельческие права и правомерность наследования земель, осуществить сошное письмо и обложение оброчных угодий. Введение в научный оборот регистрации лишь одной категории земель – служилого татарского (тем более что сохранились описания и других категорий земель) обедняет представление о формах землевладения в конкретном уезде, о доле служилого землевладения в целом, и татарского в частности, в общем объеме земель, о возможных социальных противоречиях, наиболее зримо проявлявшихся именно в сфере владения земельной собственностью. Остается надеяться, что в ближайшем будущем этот пробел будет восполнен, все уцелевшие материалы валовой акции в этом уезде станут достоянием широких кругов научной общественности и появится возможность сравнительного их изучения.

Подготовка к публикации средневековых текстов – задача непростая, требующая времени, скрупулезности, хорошего знания исторического контекста и т.д. С момента появления первых публикаций документального материала отечественная археография накопила значительный опыт, позволивший выработать некое общее представление о принципах передачи текстов разных столетий и составления соответствующего научно-справочного аппарата изданий. Пришло понимание необходимости включения в исследовательский обо-

рот источников лишь после их основательного изучения, результаты которого излагались в специальной вступительной статье (или статьях, если археографическая характеристика приводилась обособленно). Естественно, некоторые представления о принципах составления изданий источниковых материалов продолжают меняться и некоторые подходы становятся предметом дискуссий. Однако неизменным требованием к подготовке публикаций средневековых текстов остается квалифицированная камеральная научно-археографическая обработка текста рукописи памятника, отражение через знаки препинания осмысления его содержания, облегчение читателю понимания того, о чем идет в нем речь, помощь в формировании адекватного представления о фактах и явлениях, зафиксированных или отраженных в средневековом источнике. Особую роль приобретает в этих условиях и источниковедческий анализ публикуемой рукописи.

Конечно, каждый публикатор проходит через определенные ступени роста своего профессионального (научного) мастерства. Кто-то совершает этот путь через череду своих собственных упущений и ляпов, кто-то «вбирает» чужой опыт, но как бы то ни было все неравнодушны к отзывам о выполненном ими труде. Именно поэтому, не претендуя на изречение истины в последней инстанции, ибо знаю, насколько трудоемка подготовка к публикации средневековых источников и избежать «ляпов» практически не удастся, решила поделиться своим впечатлением о публикации писцовых материалов Алатырского уезда 20-х гг. XVII в.

После ознакомления с рассматриваемой книгой у меня возникло ощущение, что издание готовилось в спешке, что составители не «почувствовали» источник, не «услышали»

его дыхание, ритм языка, им не удалось «погрузиться» в источник настоящего и осмыслить его текст, понять его. Такой грустный вывод напрашивается после прочтения как введения, так и публикации самого текста писцово-книжной книги. Особой темой разговора является включенное в издание Приложение.

Публикации текста предшествует десятистраничное введение, написанное составителями в соавторстве (см. с. 8–17). Аттестовать и определить его характер довольно сложно, ибо эти штудии не могут быть квалифицированы ни как археографическое, ни как источниковедческое предисловие. Оно состоит из «рваных» абзацев, «живущих» самостоятельной жизнью. В нем фигурирует материал о городе Алатыре, засечной черте, упоминание о хозяйственном освоении междуречья Пьяны, Мени, Алатыря, Суры, о татарских деревнях Алатырского уезда, в специальной таблице приводится численность служилых татар в различных уездах – Темниковском, Кадомском, Алатырском, Арзамасском – и по засечным чертам Саранской и Симбирской. Затем читателю сообщается о социальной неоднородности служилых татар Алатырского уезда, и приводятся соответствующие примеры. Далее сообщается, что писцы посылались в Алатырский уезд еще во второй половине XVI в., что С.Веселовский обратил внимание на упоминание описания уезда в опубликованных актах Федотова-Чеховского, что спустя почти столетие А.В.Антонов и А.В.Маштафаров опубликовали оброчную грамоту алатырских и арзамасских писцов Н.Г.Яхонтова и подьячего С.Дмитриева, данную попу и дьякону Воскресенского собора на мельницу.

Все изложенное не связано между собой и читателю трудно понять, что хотят сказать соавторы, с какой

целью все это рассказывается, о каком описании идет речь и т.д. Следующим блоком излагаемого они подводят к возведению недоумения в квадрат. Они пишут: «Мы имеем лишь отрывочные сведения биографического характера первого писца» (с.12), приводят данные о служебной карьере Н.Г.Яхонтова, Г.М.Онучина и делают заключение, что «этими не дошедшими до нас «алаторскими писцовыми книгами» пользовались еще в годы Смуты». И, отдав дань неразберихе, царившей в землеустройстве в годы Смуты, сообщают о направлении в конце 1612 г. в Алатырь воевод, дьяка, мурзы и еще одного человека (Д.И.Гневаша Норова), которым надлежало «навести порядок в земельных пожалованиях», отметив, что они с этим справились (с.13).

Наконец, на 14-й с. читатель начинает понимать, что соавторы введения пытаются дать представление о землеустроительных акциях, состоявшихся в Алатырском уезде до описания 7132–7134, т. е. 1624–1626 гг., Д. Пушечникова и А. Костяева. Причины проведения последнего описания составители объяснили тем, что война с Польшей требовала много денег и ратных людей, и это вело к «увеличению обложения имущества, усиленной раздаче поместий и стремлению правительства все знать и описать»... Комментарий, что называется, излишни.

Вслед за этим непонятно, с какой целью они рассказали о служебной карьере писцов, уполномоченных осуществить перепись владений, и сообщили о том, что этими агентами был выполнен многолетний труд. Правда, потом оказалось, что работали они три года и оформили результаты своей деятельности в четырех самостоятельных книгах. В первую свели описание частных владений русских помещиков и вотчинников,

во вторую – перепись владений служилых татар, в третьей зафиксировали мордовские и буртасские земли, в четвертой – бортные ухажай мордвы и буртас. Затем, решительно не оставив сомнений в том, что публикуемая книга является одной из четырех, составленных Д.Пушечниковым и А.Костяевым, составители рассказали о судьбе публикуемой рукописи, о ее характере (копия), обрисовали переплет, отметили деление текста на пронумерованные «статьи» (все это заняло чуть более десяти строк) и изложили принципы подготовки текста памятника к публикации.

В заключение обзора введения должна заметить, что оно – никакое, аморфное, в нем не чувствуется даже интереса, вызываемого содержанием книги, и тем более не приводится полновесная палеографическая, археографическая, кодикологическая, источниковедческая характеристики публикуемого памятника. А ведь основной задачей составителей вводимого в широкий научный оборот рукописного памятника является осуществление его многопланового детального источниковедческого исследования. Во всяком случае, проведя палеографический анализ, они должны были ответить на главный вопрос, является ли публикуемый памятник источником и можно ли ему доверять.

Повторюсь, из собственного опыта знаю, что, к сожалению, не всегда удается избежать и опечаток, и даже досадных «ляпов» в тексте, излагая проведенное исследование или передавая текст рукописного памятника прошлого. И к этому ученое сообщество относится с пониманием. И оно, конечно, поймет, что при передаче порядковых номеров лет (см. с.8) допущена опечатка, что поход состоялся не в 1549–1450, а в 1549/1550 гг., что указание об «обозначении границ через пагинацию» означает выделение

границ листов посредством каких-то символов (см. с.17). Поймет и тогда, когда после слов «да два двора крестьянских» последует текст: «людских четыре человека» и слово «людских» прочтает как «людей в них». Однако, прочитав про «детей служилых людей по отечеству», о «датах по мировой эре» оно будет вправе заключить о некомпетентности написавшего (см. с. 9, 17). Ибо нет такой категории, как «дети служилых людей по отечеству», а есть социальная категория служилых – «дети боярские». Что касается «мировых эр», то, по-видимому, подразумевалась византийская эра «от сотворения мира». Ведь, если следовать заданной авторами логике, то придется вспомнить, что таких эр несколько: антиохийская, грузинская, византийская, александрийская, иудейская... Представляется, что в трудах, претендующих на научный характер, следует придерживаться общепринятой научной терминологии, в том числе и хронологической.

К сожалению, у людей, неискушенных в тонкостях научно-археографической обработки средневековых текстов, отсутствует понимание характера и трудоемкости камеральной работы, необходимости кропотливого лексико-лингвистического анализа текста. Для осмысления русского средневекового текста и адекватного разрешения ситуаций, вроде «казнить нельзя помиловать» требуется неоднократное прочтение рукописи и мысленное «прокручивание» всех возможных и напрашивающихся при интерпретации смыслов отдельных фраз и блоков, так сказать, необходимо наличие «чувства Слова». Ведь и деление на слова и фразы находится в полном ведении составителя. При передаче текста публикатор вкладывает в него свое собственное понимание, осуществляя расстановку знаков препинания и облегчая тем самым вос-

приятие текста другими читателями и пользователями. Поэтому крайне важно придерживаться единых принципов издания, не только не отходить от них, но и в случае необходимости обосновать их правомерность. В случае с писцовыми книгами особых затруднений и сложностей вроде бы и не должно возникать, ибо исследователь имеет дело с достаточно ординарным текстом. И все же.

Основа правил публикации документов была заложена еще в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого столетия. С тех пор работа по уточнению, совершенствованию этих принципов не прекращалась и продолжается до сих пор. Особенно большую роль в этом сыграли научно-практические совещания и конференции, посвященные вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. В их работе принимают участие и архивисты, и археографы, и специалисты-историки, и филологи-текстологи, и географы и др. Рекомендации, принятые на этих форумах, вырабатывались с целью максимально точной передачи смысла, заложенного составителями средневековых текстов, и в научном сообществе считаются обязательными к применению при публикации текстов уцелевших памятников.

Если же научно-археографическая обработка рукописного памятника выполнена без соблюдения единых правил, то при знакомстве с публикацией у специалистов возникают сомнения в профессионализме составителей, а «рядовые» читатели и даже историки, занимающиеся изучением Нового и Новейшего времени, с трудом поймут содержание источника. Поистине жаль, что приходится говорить об очевидных и элементарных для специалистов истинах.

Скажем, составители рассматриваемой публикации формулу, со-

держащую расчет сошного письма, представляют следующим образом: «и всего за... старые дачи и с примерною землею...[столько то] чети, земля добра сошново письма, в живущем и в пусте ... [столько то] сохи и не доидет в сошное письмо...». Речь идет о землях, переданных в условное владение при верстании (старые дачи), и о землях, владение которыми было выявлено в ходе проводимого описания или учета земель (примерные), и их обложении. Из предложенного публикаторами понимания текста следует, что существует добрая земля сошного письма, что в чем-то непонятном «в живущем и в пусте» содержатся какие-то доли сохи и т.д. Тогда как известно, что «добрая земля» – это определение качества пашни паханой. «Добрая», т.е. хорошая земля, естественно, при интенсивной эксплуатации теряет свои плодородные качества, со временем она выпаживается. Постепенно по мере ухудшения качества земля трансформируется в «среднюю», далее в «худую» и «добра (очень) худую». Описание земли и сошное письмо к этому процессу никакого отношения не имеют.

Сошное письмо – это перепись земель с целью их обложения, когда за единицу обложения принимается «большая московская соха». С сохи взимали определенный размер подати (налога) и она включала в себя (или в нее «кляли») разное количество земли в зависимости от формы землевладения и качества земли. Зарегистрировав размеры (площади) владения, писцы производили расчеты и указывали, какую долю сохи составляло конкретное владение. Поэтому при передаче текста рассматриваемой книги после приведения информации о качестве земли (земля добра, земля средняя, земля худа) следовало поставить точку и начать новое предложение со слов «сошново письма». Составители,

кажется, не очень понимают и слова «в живущем» и «в пусте»... Не «видят» в тексте смысловые блоки.

Скажем, изложение информации о владельческих правах на владение – это одна «клаузула», а перечисление поместных окладов за конкретными людьми – это уже другая. И эти клаузулы следует разделить точкой. Фрагменты, содержащие описание межевых ориентиров, в свою очередь, следовало передать, придерживаясь единых правил передачи текста. Так, в публикации в абсолютно идентичных случаях союз «а» передается то с прописной, то с заглавной, то после запятой, то предыдущий текст отделяется от него точкой, то знак препинания вообще не ставится. Такой же «разнобой» применен и в отношении передачи слов «на ней (нем) грань», различный подход применен и к передаче итоговых данных о размерах пашенных земель и различных статей владения. Например, в публикации присутствует следующее представление текста: «... на меже с Федором Порецким соха виловатая. На ней грань к полю, у колодезя...» (см. с.21). Если бы подобное «невнимание» к расстановке знаков препинания было единственным случаем, то его можно было бы принять за оплошность, но в рассматриваемом издании это чересчур частое явление. Имеет место и невнимательность к передаче географических названий (их принято писать с прописной буквы): в публикации же встречаются «березовый враг» (с.22, 24), Сустановская и сустановская дорога (с. 47), Овечей враг и Авечей враг (с.46–47) и т.д.

Первейшей задачей палеографического анализа, как известно, является безошибочное прочтение текста и по возможности восстановление утраченных частей рукописи. При чтении символов скорописи, чтобы не ошибиться и правильно прочитать

буквы, публикатор обязан учитывать контекст, особенно это значимо при чтении выносных. Если же он убежден в верном прочтении, а из контекста видно, что в тексте рукописи присутствует явная описка, то этот факт следует отражать в комментариях. При этом правильный вариант слова необходимо привести в тексте, а ошибочный вариант – в комментариях. Поскольку в анализируемой книге присутствует множество ошибочно написанных слов, но не отмечено, что они написаны так в оригинале, постольку последующие исследователи будут вынуждены обращаться к архивным оригиналам.

Исходя из контекста и знания структуры (формуляра) текста, т.е. принятой последовательности изложения, можно также реконструировать утраченные элементы слов, фраз и абзацев. Второй случай утраты текста на л. 1 (первая утрата в начале текста восстановлена публикаторами), переданный отточием в квадратных скобках, легко восстанавливается по контексту, нужно лишь обратить внимание на форму описания. Тем более что структура писцовых книг устойчива и ординарна. Писцы начинали описание совокупности владений в деревне с переписи поместий верстанных (т.е. получивших юридические права на владение) служилых, затем регистрировали поместья служивших с отцовских поместий и владения тех, кто еще не получил подтверждения прав на владение (неверстанных служилых). Стало быть, после восстановления текст должен выглядеть так: «... да за служилы [ми, которые служат] с отцовских поместий...». На л. 1об. составители прочитали одну из фраз как «Им тое примерны земли дано верстанным татар [...] человеком». Ее следовало прочитать: «Ис тое примерные земли дано верстаным татар[ом сем]и человеком», последу-

ющий частично утраченный итоговый показатель размеров владения тоже довольно легко восстанавливается, исходя из указания, содержащегося в самом тексте о выделении каждому из семи верстанных служилых «по семи чети с третником» – это пятьдесят одна четверть с третью. В случаях, когда утраченный текст восстановить не удастся, публикатор должен отметить, сколько букв примерно утрачено. Это примечание может помочь восстановить лакуну при более внимательном анализе источника. К примеру, на л. 1 записаны размеры пашни паханой (100 с чем-то), перелога (сто с чем-то), «дикого поля» (250 чети) и подведен общий итог (530 чети). Нетрудно подсчитать, что на долю пашни паханой и перелога, составлявших более 100 четвертей каждый, остается 280 четвертей. Получается, что между пашней и перелогом необходимо «распределить» 80 четвертей. Если бы мы знали, сколько букв утрачено, то могли бы попытаться это сделать.

Есть нарекания и к составленному публикаторами Словарю устаревших слов, выражений и терминов и к указателям. Это неточность и неполнота объяснений содержания таких слов и понятий, как «абыз», «боббль», «бобровый гон», «десятина», «жеребей», «копна», «поместье», «примерная земля», «рубль», «соха». Не совсем понятна смысловая нагрузка толкования в качестве самостоятельных понятий составных компонентов сохи, «полчети», «полтрети», «полполчети», «полполтрети», «полполполтрети», «полполполчети», а если следовать логике составителей, то почему остались за рамками слова «третник», «треть», «полутретник»? По непонятным причинам публикаторы сочли возможным отказаться от составления географического указателя, а привели список населенных пунктов, фигурирующих в материалах описания, хотя

во введении заявили о сопровождении публикации научно-справочным аппаратом. Немного странно, согласитесь, уважаемые читатели, после этого призывать к соблюдению общепринятых правил и требований научной публикации текстов рукописных памятников.

Наконец, несколько слов о Приложении. В нем приведены: 1) смотренный список служилых татар Алатырского уезда 1643 г. и 2) биографии алатырских воевод.

Чем было вызвано решение привести упомянутые материалы в составе издания, объявленного как «писцовая книга», вопрос неоднозначного разрешения. Во введении обоснования необходимости их включения в книгу я не обнаружила. Думается, смотренный список заслуживает специального изучения с привлечением актовых и землеустроительных материалов и самостоятельного издания (в этом случае его ни в коем случае нельзя перерабатывать, ведь писцы записывали фамилии, следуя определенной логике, из которой следуют весьма любопытные заключения; а заголовки лучше не помещать в кавычки).

Второй раздел Приложения включает биографии, а точнее информацию о семи алатырских воеводах: П.И.Бутурлине, Ф.С.Вельяминове-Воронцове, И.Л.Опухтине (Апухтине), Д.С.Погожем, И.В.Хилкове, В.П. Ахамашукове-Черкасском, П.И. Ахамашукове-Черкасском. О принципе отбора воевод в качестве объекта исследования составители умолчали. Я предприняла попытку «выстроить» упомянутых воевод по времени их пребывания в городе Алатыре и поняла, что в поле зрения В.Д. Кочеткова попали воеводы, служившие в период с 1613/14 по 1623/24 г.

Если нижняя хронологическая точка еще может быть обоснована началом правления первого Романова, то

верхняя дата рождает вопросы, в том числе о том, почему верхний временной предел не включает в себя годы работы (1624–1626) правительственных агентов, направленных в уезд с целью описания, текст которого публикуется в рассматриваемом издании? К тому же в представленном ряду «больших» воевод, служивших в Алатыре в указанный отрезок времени, отсутствуют Федор Кириллович Вельяминов, Василий Иванович Змеев, а также все «вторые» воеводы. Почему? А если учесть, что писцы, прибывавшие со специальной задачей осуществления описательно-межевых работ в уезде, не подчинялись местным воеводам, даже большим, и действовали на основании наказов, выданных Приказом Казанского дворца, и в момент выполнения сво-

их обязанностей находились на более высокой ступени служебной лестницы, чем воеводы, то необходимость привлечения биографических сведений о воеводах в данном издании становится более чем непонятной.

И еще, согласно «Дворцовым разрядам, изданным II отделением собственной Его императорского величества канцелярии» (СПб., 1850–1855) и «Книгам разрядным, по официальным оных спискам, изданным с высочайшего соизволения II отделением собственной Его императорского величества канцелярии» (СПб., 1853–1855) в 1615/16 г. в Алатыре воеводствовал Василий Иванович Полтев, а не Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский. Было бы неплохо выяснить, кто из них все-таки был «первым» воеводой.

Аннотация

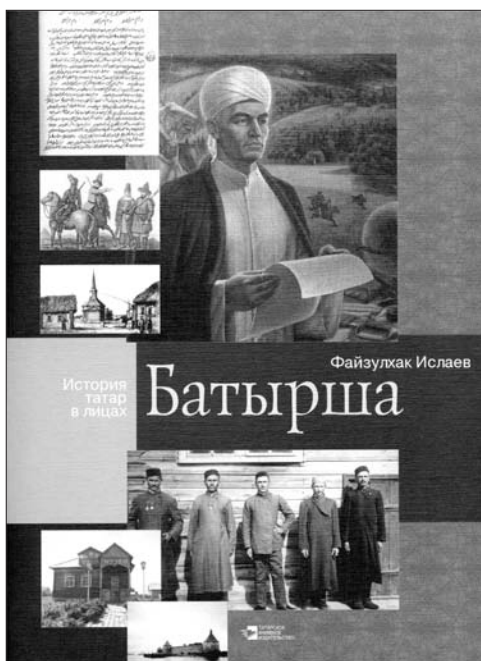
В рецензии дается научная оценка публикации текста Писцовой книги татарским поместным землям в Алатырском уезде 1624–1626 гг., отмечаются актуальность и новизна работы, а также издержки и ошибки издателей книги.

Ключевые слова: Писцовая книга 1624–1626 гг., Алатырский уезд, татарские поместные земли.

Summary

The review provides the scientific assessment of the publication of the text of the Scribal book to local Tatar lands in the Alatirsky county of 1624-1626, the relevance and novelty of the work are marked, as well as the costs and errors of book publishers.

Keywords: Scribal book of 1624-1626, Alatyrsky county, the Local Tatar lands.

Файзулхак Ислаев. Батырша. – Казань: Татарское книжное издательство. – 62 с.

Многовековая история татарского народа богата выдающимися деятелями, которые оставили заметный след в отечественной истории. Тем не менее до последнего времени не было специальных научно-популярных работ, посвященных жизни и деятельности выдающегося просветителя, религиозного деятеля, идеолога и организатора восстания 1755 г. муллы Батырши. Недавно в Татарском книжном издательстве в рамках серии «История татар в лицах» вышла книга доктора исторических наук, профессора Файзулхака Ислаева «Батырша».

Идея издания и общая концепция данной серии принадлежат главному редактору издательства «Фэн» Ака-

демии наук РТ Булату Хамидуллину. Татарское книжное издательство поддержало идею и приступило к изданию книг на русском языке, которое призвано популяризовать исторические знания. Книги серии написаны известными профессиональными учеными – докторами и кандидатами исторических наук и посвящены сложным проблемам татарской истории. Богато иллюстрированные, написанные доступным языком книги серии пользуются большой популярностью среди читающей публики.

По целому ряду причин история татарского народа XVIII в. длительное время не получала должного отражения в научно-популярной литературе. В качестве особого достоинства книги Ф.Ислаева следует отметить интересное представление материала о мулле Батырше – компактно, емко и интересно. Автор особо обращает внимание читателя на фундаментальное религиозное образование Батырши. Впервые в исторической литературе автору удалось доказать, что он в двух медресе учился не 10 лет, как полагали ранее, а все 17 лет. Материал представлен таким образом, что пробуждает интерес к дальнейшему изучению биографии просветителя и выдающегося религиозного деятеля. Автору удалось представить богатую биографию Батырши, чтобы у читателя могла сформироваться целостная картина его жизни и деятельности.

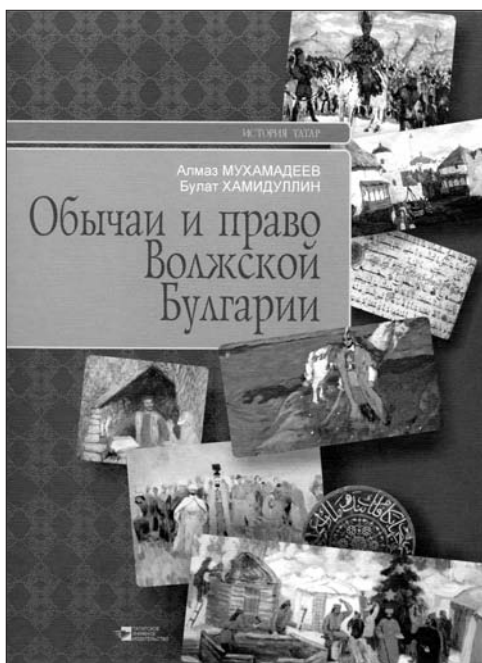
Кроме того, достаточно качественно, познавательно и интересно осуществлено рассмотрение вопросов, связанных с историей восстания 1755 г. Представленный в этих частях книги материал четко структурирован

в едином историческом алгоритме, он отражает, прежде всего, именно историю народного бунта против религиозного насилия. Очень качественно дан анализ мятежа в Бурзянской волости, восстания на Ногайской дороге Уфимского уезда, волнения в Гайнинской волости. Изложен материал научным и в то же время доступным для понимания читателя языком.

Указанная книга знаменует собой решительный отказ от штампов российской историографии. По существу предлагается новый, в своей основе объективный взгляд на ключевые события и явления истории татарского народа середины XVIII в., базирующийся на анализе совокупности исторических источников и научной исторической литературы. Они ориентированы, прежде всего, на изуче-

ние событий, фактов, дат, персоналий. Он выстроен в соответствии с проблемно-хронологическим принципом с опорой на наиболее значимые политические, религиозные и культурные события. Здесь история татарского народа предстает как сложная историческая драма с «незапрограммированным» исходом, который мог бы быть иным.

Представляется значимым воспитательный потенциал книги. Он формирует у читателей уважительное отношение к прошлому татарского народа, его легендарным героям, показывает самобытность исторического пути татар, их желание сохранить свою национальную и религиозную самобытность в рамках многонациональной и поликонфессиональной единой России.

Мухамадеев А.Р., Хамидуллин Б.Л. Обычаи и право Волжской Булгарии. – Казань: Татарское книжное издательство, 2013. – 55 с.

Обычаи и право – это основа организации всех обществ и государств. Право рождается из обычая. Юридический быт складывается из различного рода обычаев (обрядов, ритуалов), действий, правил и организационных институтов, с помощью которых осуществляется правовая деятельность. Действия людей основываются на их представлениях о справедливости и несправедливости, законном и незаконном. Юридический быт может иметь разные уровни развития – примитивный или сложный.

В развитии государства и права важна историческая преемственность. Все государственные и право-

вые явления вырастают из предшествующих форм и трансформируются в будущее. Так и в истории государства и права современного татарского народа. Мы имеем богатые государственные и правовые традиции, уходящие корнями в эпоху первых тюркских государственных образований. Вместе с тем изучение истории права Волжской Булгарии имеет особое значение. Именно в Среднем Поволжье, в процессе складывания и развития Булгарского государства, сформировалась правовая система, единая для всего булгарского общества. Нормы обычного права булгар, основанные на древнетюркских традициях, были приспособлены к местным условиям, обогатились и успешно применялись как в области гражданского, так и уголовного права. С принятием ислама волжско-камские булгары переняли шариатские нормы права, чем заложили надежную основу для правовых систем последующих тюрко-татарских государств Среднего Поволжья.

Указанная книга, изданная в серии «История татар» (автор идеи серии – Булат Хамидуллин), отражает

Камень с тюркской рунической надписью
«Против насилия – мой камень»
из с. Юрино Марий Эл

Рукописные книги и чернильница. Булгар

Развалины городской постройки. Булгар

историю становления и развития Волжской Булгарии как правового государства. Она написана в научно-популярной форме и ориентирована

на читателя, интересующегося проблемами общей истории, юриспруденции и религии тюрков Восточной Европы.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

16–17 мая 2013 г. в университете Хельсинки прошла международная научная конференция «Татарская культура и изучение татар», организованная совместно с Финляндским исламским обществом татар.

В конференции участвовали ученые-татароведы из шести стран мира: Польши, Германии, Швеции, Великобритании, Финляндии и России. Выступили с докладами ученые Института истории им. Ш.Марджани АН РТ: доктор исторических наук И.К.Загидуллин и кандидат педагогических наук М.М.Гибатдинов. Также были намечены перспективы разработки совместных научных проектов, касающихся изучения истории и культуры татар и мусульман в Европе. В частности, предполагается участие ученых-историков Академии наук РТ в международном проекте «История татар в Западной Европе».

Членом Академии наук исламского мира избрана Гульнар Рифатовна Вагапова – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой эндокринологии ГОУ ДПО «Казанская государственная медицинская академия Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию».

Генеральная Ассамблея Академии наук исламского мира на своем последнем заседании, состоявшемся 5 мая в Дакке (Бангладеш) ратифицировала результаты выборов 2012 г. о членстве в ИАН. Одним из победителей этих выборов стала член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан Гульнар Рифатовна Вагапова, и теперь результаты выборов подтверждены решением Генеральной Ассамблеи Академии наук исламского мира.

Членами ИАН уже являются несколько представителей Академии наук Республики Татарстан – президент АН РТ Ахмет Мазгарович Мазгаров (первый представитель от Татарстана), почетные академики Михаил Чоккаевич Залиханов, Саламбек Наирович Хаджиев и Роберт Искандерович Нигматуллин. Теперь к этим уважаемым ученым мужам прибавилась и Гульнар Рифатовна Вагапова. Необходимо отметить, что женщин среди членов Академии наук исламского мира очень немного, поэтому свершившееся событие – честь для Татарстана вдвойне.

* * *

26 мая 2013 г. в рамках торжественных мероприятий «Изге Болгар жыены», посвященных Дню официального принятия ислама Волжской Булгарией, состоялось открытие Музея болгарской цивилизации. В открытии нового объекта приняли участие Президент Татарстана Рустам Минниханов, Государственный советник РТ, председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ Минтимер Шаймиев, государственные и общественные деятели республики, лидеры мусульманской уммы России, ректор КФУ

Ильшат Гафуров, представители деловой и творческой элиты Татарстана.

С приветственным словом к собравшимся обратился Президент РТ Рустам Минниханов. Он поблагодарил всех, кто принимал участие в создании музея и строительстве здания Речного вокзала, отметив, что теперь количество туристов, желающих посетить Болгар, увеличится. Отдельно он поблагодарил Госсоветника РТ Минтимера Шаймиева, благодаря которому возрождается Болгар, а также спонсоров этой инициативы. «Открытие Речного вокзала — это значимое событие, тем более что он совмещен с музеем, не имеющим аналогов по форме и содержанию. Этот проект реализован на священной земле на радость нашему народу», — сказал Минтимер Шаймиев.

Концепция музея была совместно разработана и реализована Институтом истории Казанского университета и Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ. Первую экскурсию по экспозициям музея провел директор Института истории КФУ Рамиль Хайрутдинов, обозначивший основные этапы формирования и расцвета болгарской цивилизации, а также роль болгар в становлении тюрко-татарской, славянской, финно-угорской и др. культур Восточной Европы, в развитии мировой мусульманской культуры.

Большой интерес у Президента республики вызвала информация о современных научных технологиях и новейших естественно-научных методах исследований территории Болгарского городища, представленная ректором университета Ильшатом Гафуровым, проректором по научной деятельности Данисом Нургалеевым и заведующим кафедрой археологии и этнологии Института истории КФУ, руководителем Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ Айратом Ситдиковым.

Музей болгарской цивилизации создан на базе Болгарского государственно-историко-архитектурного музея-заповедника в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск». Основной целью Музея является представление широкой аудитории уникального историко-культурного феномена – средневековой болгарской цивилизации – как ключевого этапа формирования татарского этноса и как важного явления мировой истории и культуры. Экспозиция состоит из трех взаимосвязанных частей: «История болгарской цивилизации», «Открытие древнего Болгара» и «Древний Болгар: жизнь города».

Первый раздел экспозиции – «История болгарской цивилизации» – знакомит посетителя с древней и средневековой историей болгарского народа, его предков и потомков, с момента их появления на исторической арене вплоть до раннего Нового времени, когда начинается консолидация татарской нации. Показана роль ислама и мусульманской учености в этих процессах, а также сложное взаимодействие различных народов и культур, которое привело к становлению особой тюрко-мусульманской цивилизации со специфической культурой толерантности и восприимчивости к новым мировым тенденциям при сохранении традиционных историко-культурных ценностей. Сложение и развитие болгарской цивилизации происходили на широком географическом фоне – от Китая до Западной Европы – и на протяжении более чем полутора тысячелетий – от появления первых государств у предшественников болгар до утраты преемниками болгар собственной государственности.

Во втором разделе – «Открытие древнего Болгара» – представлен общий очерк изучения и сохранения историко-культурных памятников Болгара и его округа от первой фиксации болгарских развалин в документах и картах XVII–XVIII вв. до современного археологического изучения городища и от указа Петра I о сбережении Болгарских руин до создания фонда «Возрождения Болгара и Свияжска».

Третий раздел – «Древний Болгар: жизнь города» – посвящен монографическому показу одного из крупнейших средневековых городов – древнего Болгара в период его расцвета (XIII–XIV вв.): как административного центра, являвшегося в середине XIII в. первой столицей Улуса Джучи; как памятника урбанизации, монументальная и рядовая архитектура и инфраструктура которого призваны обеспечивать общественные и личные нужды своего населения; как культурного и религиозного центра Болгарского улуса; наконец, как важнейшего торгово-экономического узла средневековой Евразии.

В Музее болгарской цивилизации представлены подлинные музейные предметы из собрания Болгарского музея-заповедника (в том числе и полученные в ходе раскопок последних лет), а также воспроизведения музейных предметов из коллекций крупнейших музеев России (Государственного исторического музея, Музеев Московского Кремля, Государственного Эрмитажа и др.) и зарубежья. В экспозиции активно использованы новые информационные технологии, с помощью которых создается электронная версия музея, дополняющая реальную экспозицию.

* * *

27 мая в Академии наук Республики Татарстан состоялась встреча президента АН РТ А.М.Мазгарова с делегацией китайских ученых, приехавших в Казань с рабочим визитом, который продлится с 27 по 30 мая.

Делегация из Китая состоит из пяти человек. Руководитель делегации, почетный академик АН РТ Абдулла Аббас привез в столицу Татарстана своих учеников-коллег из Синьцзянского университета – Гульбахар Абабайкели (Gulibahaer ABABAIKELI, доктор, профессор), Ваерниса Шаюдинг (Wuernisha SHAYUDING, доктор, профессор), Анвара Мамут (Reyimu MAMUTI, доктор, профессор), Разиля Вайхети (Pazilaiti ВАЙХЕТИ, доктор, профессор).

Татарстанскую сторону представляли – президент АН РТ Ахмет Мазгаров, главный ученый секретарь АН РТ, академик Дания Загидуллина, ректор КФУ, член-корреспондент АН РТ Ильшат Гафуров и директор Института востоковедения КФУ Линар Латыпов.

На встрече обсуждались перспективы сотрудничества китайских и татарстанских ученых, в частности, речь шла о разработке совместных проектов по микробиологии, биологии и фармакологии на базе Казанского федерального университета.

* * *

Атлас «Bulgarica. Время и пространство болгарской цивилизации» оказался в числе победителей первой национальной премии в области географии, экологии, сохранения и популяризации природного и историко-культурного наследия России.

Атлас «Bulgaria. Время и пространство болгарской цивилизации» – это комплексное научное картографическое изложение истории болгарской цивилизации. В книге впервые подробно изложена история миграций болгар после распада их древнейшего государства Великой Болгарии в Приазовье, которые привели к образованию Болгарского царства на Балканах и Волжской Булгарии. Книга включает в себя более 100 исторических карт, планов и схем, отражающих пространственную историю болгарской цивилизации. Главным редактором атласа является директор Института истории им.Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук Рафаэль Хакимов.

Лучшие проекты в сфере географии, экологии и историко-культурного наследия России – победители определены в 10 номинациях.

Обладателями премии стали также:

«Лучший социально-информационный проект по сохранению природы и природного наследия» – Фестиваль дикой природы «Золотая черепаха», Москва;

«Лучший экологический проект промышленных предприятий, бизнеса» – «Обеспечение экологической безопасности и снижение уровня социальной напряженности в ходе строительства компрессорной станции «Портовая», Санкт-Петербург;

«Научное достижение» – бурение глубокой скважины на станции «Восток» в Антарктиде и первое проникновение в подледниковое озеро Восток, Санкт-Петербург;

«Просвещение» – образовательная программа «Твой след на планете» («Орленок»), Краснодарский край;

«Лучшее освещение в СМИ» – цикл радиопрограмм «Имя в истории», Липецк;

«Фоторабота» – подводная съемка Черного моря, Краснодарский край;

«Гражданская позиция» – Корпоративный фестиваль самодельных творческих коллективов и исполнителей дочерних обществ и организаций ОАО «Газпром» «Факел», Астрахань;

«Лучший региональный проект» – проект «День Енисея», Хакасия;

«Признание общественности» (победитель определен открытым интернет-голосованием) – учебный эксперимент «География – третье измерение», Москва – Рязань – Калуга.

Напомним, «Хрустальный компас» – это премия в области национальной географии, экологии, сохранения и популяризации природного и историко-культурного наследия России. Она учреждена в 2012 г. совместно с Краснодарским региональным отделением Русского географического общества и корпоративной ассоциацией «Газпром на Кубани». Инициатива была представлена президенту Русского географического общества Сергею Шойгу. Заявочная кампания продлилась 4 месяца, по итогам на соискание премии поступило 150 проектов.

* * *

28 мая состоялось расширенное общее собрание Отделения сельскохозяйственных наук Академии наук Республики Татарстан. Обсуждался вопрос о разработке «Системы ведения сельского хозяйства Республики Татарстан в условиях ВТО».

Участники обсуждения пришли к единодушному мнению, что для повышения конкурентоспособности предприятий АПК и устойчивого развития сельских территорий республики необходимо разработать комплексную систему ведения сельского хозяйства Республики Татарстан в условиях ВТО. Данная тема должна быть включена в число приоритетных республиканских научных программ с соответствующим финансированием.

Было принято решение создать рабочую группу для разработки «Системы ведения сельского хозяйства Республики Татарстан в условиях ВТО» под руководством АН РТ и МСХиП РТ, с участием научно-исследовательских и учебных учреждений аграрного профиля. Координирующая функция по разработке «Системы...» возложена на Отделение сельскохозяйственных наук АН РТ.

* * *

28 мая 2013 г. в Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан состоялась презентация шестого и седьмого томов академического семитомного издания «История татар с древнейших времен».

«История татар» – первая в отечественной науке академическая работа, начинающая описание истории татар с 3 тыс. до н.э. и заканчивающая современным положением Республики Татарстан на рубеже XX и XXI вв. Для авторов этого масштабного фундаментального проекта важно было зафиксировать существующий уровень знаний в этой сфере науки, предложить новые методологические подходы, заострить внимание на ряде проблемных вопросов и тем самым стимулировать научную мысль. Особенно важен комплексный, непредвзятый подход авторского коллектива в оценке основных этапов становления татарского этноса в контексте общемировых процессов.

В презентации принимали участие авторы и научные редакторы новых томов, представители научного и вузовского сообщества. Директор Института истории АН РТ Р.С.Хакимов в своем выступлении отметил, что история татар оказалась настолько масштабной, что охватила историю всей Евразии с древнейших времен, от Алтая до Дуная. Этот фундаментальный научный труд создан под научно-методическим руководством Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан с участием специалистов ведущих научных центров Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья. Впервые в отечественной науке были подведены итоги работы отечественных и зарубежных исследователей за последние десятилетия по истории, социально-экономическому и культурному развитию татарской нации и всего многонационального народа Татарстана в XIX и XX вв. Практически по каждому тому проводились не только исследования, но и конференции, специальные семинары и дискуссии, на которых авторы старались, анализируя те или иные исторические явления и события, прийти к общему знаменателю. Объяснил Рафаэль Сибгатович и тот факт, почему 6 и 7 тома опередили 4 и 5, которые еще не сданы в печать: «Мы исходили из качества готовности томов». Кстати, планируется переиздать первые три тома, потому что с момента их издания накопилось много нового интересного материала.

На презентации также выступили научный редактор шестого тома «Истории татар с древнейших времен» зав. отделом средневековой истории Института истории АН РТ И.К.Загидуллин, член редколлегии шестого тома, доцент КФУ А.Х.Махмутова. Ильдус Кутдусович, отметив огромное значение первого издания «Истории татар», поблагодарил всех, кто работал над ним. Шестой том издания посвящен формированию татарской нации в XIX – начале XX в. Этот период стал временем национального строительства у татар. Во главу угла освещения исторических процессов был поставлен цивилизационный подход, основанный на уважительном отношении ко всем без исключения народам и культурам. Отдавался приоритет рассмотрению социальных и культурных процессов среди татар, как неотъемлемой части полиэтнического и многоконфессионального российского общества, раскрытию особенностей самобытной национальной культуры и взаимовлиянию народов. Это первая попытка написать историю татар в общероссийском масштабе, подчеркнула Альта Хазиевна Махмутова, отметив в своем выступлении очень богатые приложения и иллюстрации шестого тома.

О седьмом томе рассказали его научный редактор, член-корреспондент АН РТ Р.Р.Салихов и один из основных авторов – академик АН РТ И.Р.Тагиров. Этот том охватывает эпоху начала XX столетия, советский и постсоветский период развития татарского народа и Республики Татарстан. Основной посыл данной концепции заключается в возникновении в начале XX в. политической истории татар, которая затем и определяла весь вектор развития нации на протяжении столетия. Путь, пройденный народами Татарстана в XX столетии, несмотря на все сложности и противоречия, стал историей возрождения государственности, восстановления традиций, поиска своего уникального места в мировой цивилизации. Особо стоит отметить авторский коллектив данного тома, в который входили не только ученые, но и ряд политиков, такие как М.С. Горбачев, М.Шаймиев, Ф.Х. Мухаметшин, О.В. Морозов, В.Н. Лысенко и др.

Напомним, работа над «Историей татар с древнейших времен» ведется уже 15 лет. Над двумя последними томами трудились 100 человек – преимущественно авторы из России и зарубежья. Книги изданы по программе «Мирас» и небольшими тиражами (каждый том – по 4 тысячи экземпляров). Свет увидели том 1 – «Народы степной Евразии в древности», 2 – «Волжская Булгария и Великая Степь», 3 – «Улус Джучи» («Золотая Орда»), 6 и 7. Остаются 4–5. Четвертый том «Истории татар» посвящен татарским ханствам, пятый том – событиям XVII – XVIII веков.

* * *

29 мая с доктором биологических наук, профессором Института биологии и биотехнологий Синьцзянского университета (Китай), почетным академиком Академии наук РТ Абдуллой Аббасом встретился Президент Татарстана Рустам Минниханов.

Во встрече в Доме Правительства РТ также приняли участие министр здравоохранения Татарстана Айрат Фаррахов, ректор Казанского федерального университета Ильшат Гафуров, президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, председатель исполкома Всемирного конгресса татар Ринат Закиров.

В ходе встречи с Президентом Татарстана Рустамом Миннихановым Абдулла Аббас рассказал о результатах визита делегации. Участники встречи обсудили перспективы сотрудничества китайских и татарстанских ученых.

* * *

30 мая Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов встретился с академиком РАН и АН РТ, профессором физики Мэрилендского университета Роальдом Сагдеевым.

Встреча состоялась в Доме Правительства РТ, в ней приняли участие президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета Ильшат Гафуров и другие.

Стороны обсудили вопросы развития российской науки, дальнейшего сотрудничества.

Напомним, что Роальд Сагдеев приезжал в Казань в январе нынешнего года, в Казанском Кремле ему был вручен орден – «За заслуги перед Республикой Татарстан».

* * *

3 июля 2013 г. в Москве президенту Академии наук Республики Татарстан А.М. Мазгарову и почетному члену АН РТ С.Н. Хаджиеву была вручена Премия имени А.Н. Косыгина и дипломы лауреатов, подписанные Председателем комиссии Н.И.Рыжковым – за большие достижения в решении проблем развития экономики России. Лауреаты были награждены также медалью и бюстом А.Н. Косыгина.

Премия, учрежденная 30 июня 2001 г. Российским союзом товаропроизводителей, носит имя видного государственного деятеля XX века – Алексея Николаевича Косыгина. С именем А.Н. Косыгина связаны подготовка и проведение в СССР экономических реформ во второй половине 1960-х гг., которые имели целью улучшение управления промышленностью, совершенствование планирования и усиление экономического стимулирования промышленного производства. Их суть состояла в децентрализации народнохозяйственного планирования, повышении роли таких показателей экономической эффективности, как прибыль и рентабельность, увеличении самостоятельности предприятий.

Премия имени А.Н. Косыгина присуждается ученым, специалистам и практикам, а также научно-исследовательским учреждениям, учебным заведениям, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям и другим организациям (в том числе общественным) за реальные достижения в решении фундаментальных и прикладных проблем экономики, за совершенствование и развитие отдельных отраслей экономики. Ежегодно присуждается 20 премий.

За 7 лет лауреатами Премии имени А.Н. Косыгина стали 203 руководителя промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, агропромышленных комплексов, видных ученых и конструкторов. А также 32 предприятия и организации. Лауреаты награждаются медалью, дипломами и бюстом А.Н. Косыгина.

Лауреатами премии имени А.Н. Косыгина являются многие видные отечественные предприниматели и деятели науки, такие как президент Международ-

ного союза металлургов С.В. Колпаков, первый вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук В.И. Фисинин, ректор Московского государственного университета инженерной экологии М.Б. Генералов, академик РАН, председатель государственного научно-исследовательского учреждения «Совет по изучению производительных сил» А.Г. Гранберг, руководитель департамента по транспортировке, подземному хранению и использованию газа ОАО «Газпром» Б.В. Будзуляк, директор крупнейшего Запорожского предприятия «Моторсич» (Украина) В.А. Богуслаев и др.

* * *

4 июля 2013 г. состоялось очередное заседание президиума Академии наук РТ, посвященное обсуждению реорганизации в академии.

21 мая 2013 г. вышло постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 335 о реорганизации Академии наук РТ в форме присоединения к ней научных подразделений, в соответствии с которым Академия наук РТ начала оптимизацию структуры институтов и центров. Этот процесс широко обсуждался в республиканской прессе, прозвучали обвинения в адрес руководства академии в необоснованных сокращениях.

На заседании было сказано, что оптимизация будет проводиться по трем критериям:

1. Предстоящая централизация некоторых организационных сфер требует определенной оптимизации. Поэтому сокращается вспомогательный персонал, административно-хозяйственные службы.

2. Структуры некоторых институтов были определены лет 15-20 назад. За это время произошли определенные изменения. Поэтому оптимизация штатных расписаний институтов направлена, прежде всего, на повышение эффективности научной деятельности структурного подразделения. Какие-то темы закрываются, создаются новые структуры.

3. Омоложение кадров.

Больше всего выступлений в прессе было со стороны сотрудников Института истории им.Ш. Марджани АН РТ. В штатном расписании института сегодня 134 единицы. Сокращаются 10 штатных единиц: работники АХО, штаты лаборантов и совместители. При этом руководство института планирует создание Центра историко-культурного наследия (11 штатных единиц). Пока в штате 5 человек, из них 2 совместителя, 6 вакансий. Также планируется создание Центра татаро-булгарской истории (5 штатных единиц, пока все – вакансии). Также планируется введение нескольких вакансий в уже существующие отделы института.

Оптимизация не коснулась вновь создаваемого Института археологии АН РТ. Штатное расписание новой структуры складывается из штатов Центра археологических исследований Института истории им.Ш. Марджани АН РТ и Дома ученых Академии наук РТ. Дополнительно выделяются еще 7 штатных единиц, так как в институте должен быть электрик, водитель, бухгалтер и ученый секретарь, который будет совмещать и должность начальника отдела кадров. Таким образом, в штатном расписании запланирована 51 штатная единица. Из них 5 относится к административно-управленческому аппарату.

Аппарат президиума Академии наук РТ состоит из 87 штатных единиц (а не 99, как обсуждалось в прессе). К 20 июля 2013 г. 17 человек получили уведомление о сокращении.

* * *

23 июля отметил 90-летний юбилей Махмут Ахметович Гареев – генерал армии, президент Академии военных наук, действительный член Академии наук Республики Татарстан. От Республики Татарстан поздравить выдающегося соотечественника пришли в Культурный центр Вооруженных Сил России Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин, Полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин, президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров. Юбилюру были переданы поздравительные адреса от Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова и Государственного советника РТ Минтимера Шаймиева.

Желающих сказать добрые слова пожеланий и восхищений этой поистине легендарной личности собралось немало. Это представители министерств и ведомств Правительства России и Москвы, Республик Татарстан и Башкортостан, друзья, близкие, члены семьи Махмута Ахметовича и, конечно, люди в погонах, посвятившие жизнь, как и сам юбиляр, службе Отечеству. В разгар приема многочисленных поздравлений Махмут Ахметович отвлекся на телефонный разговор – юбиляру позвонил Председатель Правительства России Дмитрий Медведев.

Махмут Гареев – автор более 250 научных и публицистических трудов, участник шести локальных войн и вооруженных конфликтов, в том числе в Египте и Афганистане. Несмотря на серьезный возраст, он и сегодня активно работает, участвует в различных международных и всероссийских конференциях, неистово защищает, как ветеран, ученый и публицист, историческую правду о Великой Отечественной войне от попыток осквернить героические страницы истории нашей страны.

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первый заместитель министра обороны Российской Федерации, генерал армии Валерий Герасимов в своем приветственном слове назвал жизнь Махмута Гареева примером, достойным подражания: «Более 70 лет вы находитесь в строю, являетесь собой образец верности своему долгу. Не ошибусь, если скажу, что ваша жизнь стала примером для нескольких поколений офицеров. Без сомнения, мы все, служащие в армии, гордимся тем, что находимся в одном строю с вами».

Валерий Герасимов передал теплые слова поздравлений от имени министра обороны России, генерала армии Сергея Шойгу, а также вручил именное холодное оружие – офицерскую шашку. Оружием Махмут Ахметович награжден Приказом министра обороны за особые заслуги перед государством и вооруженными силами, разумную инициативу, большой вклад в развитие военно-исторической науки, военно-патриотическое воспитание молодых защитников Отечества.

«Отрадно, что вы пересекаете столь серьезный и красивый юбилейный рубеж в здравии, полным оптимизма и созидательной энергии. Мы, татарстанцы,

гордимся вами – достойным сыном татарского народа, восхищаемся мощью и многогранностью вашей личности», – говорится в поздравлении Рустама Минниханова.

Минтимер Шаймиев назвал жизненный путь Махмута Гареева «ярким примером любви и преданности Отчизне, мужества и героизма, трудолюбия и целеустремленности». «Несмотря на всю суровость выбранной вами раз и навсегда военной службы, вы, будучи талантливой личностью, остаетесь добрым и мудрым человеком. Татарстанцы гордятся достойным сыном своего народа, который, живя вдали от исторической Родины, сумел сохранить трогательную любовь к своим истокам и к своей нации», – подчеркнул в своем приветственном адресе Минтимер Шарипович.

Фарид Мухаметшин, обращаясь к юбиляру, отметил, что поздравить его из Татарстана приехала представительная делегация. «Мы приехали, чтобы сказать вам, выдающемуся сыну татарского народа, человеку эпохи, который прошел самые трудные страницы жизни нашей страны в строю и на передовой, свои самые добрые пожелания здоровья и долгих лет счастливой и плодотворной жизни», – сказал Фарид Хайруллович.

Фарид Мухаметшин назвал Махмута Ахметовича человеком большой души, большим жизнелюбом. «Он не порывает связи с родной республикой. Его выступления всегда беспристрастны, правдивы и строги», – отметил Председатель Госсовета Республики Татарстан и озвучил указ Президента Татарстана о присвоении Махмуту Гарееву почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

Поздравить юбиляра пришли и другие уроженцы Казани – министр связи и массовых коммуникаций России Николай Никифоров, исполняющий обязанности заместителя мэра Москвы по градостроительной политике и строительству Марат Хуснуллин. Немало среди гостей было и именитых представителей татарского народа, это академик РАН, директор Института океанологии Роберт Нигматуллин, генерал-лейтенант, заслуженный военный летчик Рафаиль Закиров, генерал-полковник Расим Акчурин, герой России Ильяс Дауди и многие другие. Отметим, что татарская общественность Москвы чествовать юбиляра будет 25 июля в Татарском культурном центре столицы.

Музыкальным подарком юбиляру и его гостям на праздничном вечере от Республики Татарстан стали выступления солистов Государственного ансамбля песни и танца РТ и народной артистки РТ Резеды Галимовой.

К юбилею в московском издательстве «Инсан» вышла книга «Служу Отечеству!», в которую вошли уникальные фотоочерки о жизни и службе генерала армии Махмута Гареева. Составители книги, в редакционный совет которой вошла семья юбиляра, подобрали и представили в издании фотографии, в которых Махмут Ахметович запечатлен и как великий военачальник, общающийся с первыми лицами государства, и как любимый и любящий сын, муж, отец, дедушка и даже прадедушка.

Каждый пришедший на юбилейный вечер смог получить книгу в подарок с автографом генерала армии. С частью многочисленных фотографий гости смогли познакомиться на выставке, организованной в фойе культурного центра.

* * *

Клад серебряных изделий был обнаружен в ходе раскопок Болгарского городища, проводимых совместной экспедицией Института археологии РАН и Института археологии Академии наук Татарстана.

Находка происходит из культурного слоя, перекрывающего горизонт пожара 1236 г. Вероятно, клад был помещен в деревянный туесок, от которого сохранились лишь следы древесного тлена, берестяное дно и фрагмент ткани, в которую были завернуты компактно лежащие вещи.

Среди них – 160 серебряных слитков и их обломков общим весом около 5 кг, 2 плетенных из серебряной проволоки браслета и железный бронебойный наконечник стрелы. Целые слитки круглой формы, средний вес которых составляет 112 г, были отлиты на неровную, возможно, грунтовую поверхность и свернуты в трубку. Обломки слитков весом от 5 до 60 г имеют следы рубки.

Подобные находки характерны для Волжской Булгарии домонгольского времени, где весовое серебро играло роль товара-денег. Клады с аналогичными слитками были известны на ее территории и ранее. Они происходят, в частности, из Спасска, окрестностей Билярска, из Болгар, Шуран, Именьково, с IV Старокуйбышевского селища. Локализация клада в слое второй половины XIII в. расширяет наши представления о времени бытования подобных находок.

<http://www.archaeolog.ru>

**Подготовила Р.В. Даутова,
доктор исторических наук,
пресс-секретарь АН РТ**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.
- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.
- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.
- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).
- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

- необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация) на русском и английском языках;

- необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

- необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

***ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛО-
ГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.***

***ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ
С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!***